

СОВЕТСКИЙ ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

*Опыт
социального
портрета
на рубеже 90-х*

СОВЕТСКИЙ ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

---

*Опыт
социального
портрета
на рубеже 90-х*

*Москва
1993*

СОВЕТСКИЙ ПРОСТОЙ ЧЕЛОВЕК

Авторский коллектив:

А.А.Голов, А.И.Гражданкин, Л.Д.Гудков, Б.В.Дубин, Н.А.Зоркая, Ю.А.Левада (руководитель исследования), А.Г.Левинсон, Л.А.Седов.

Ответственный редактор Ю.А.Левада

Издание осуществлено при поддержке
Междисциплинарного академического Центра
социальных наук (Интерцентр).

В основу книги положены результаты обширного социологического исследования, проведенного в 1989 году Всесоюзным (ныне Всероссийским) центром изучения общественного мнения, а также данные других опросов ВЦИОМ 1988-1992 гг. Предмет анализа - сознание людей в процессе исторического разлома, краха и разложения советского общества, системы его институтов, идеологии и образа жизни. В книге предпринята попытка на эмпирическом материале оценить глубину усвоения и устойчивость черт "человека советского" - его установок на выживание и незаметность, комплексов имперского превосходства и изоляционизма, повседневного двоемыслия и зависимости от власти. Авторы задаются вопросами, насколько серьезно оказались задеты этим разные народы, поколения, группы людей, есть ли у общества ресурсы для выхода из кризиса, сохранился ли человеческий потенциал социального обновления.

ISBN 5-7585-0005-4

© Левада Ю.А., 1993

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Нельзя понять общество, не представив себе его социально-антропологическую основу - специфическое распределение личностных характеристик, доминирующих в данной общественной системе. Особенно существенным является анализ такой основы в условиях глубокого кризиса социальных институтов, который в последнее время происходит в советском обществе или в том конгломерате социальных структур, которые ранее носили название советского общества. Далеко не академический интерес представляют сегодня вопросы об особенностях, устойчивости, возможностях того "человеческого материала", который способен сохраниться после социально-политической катастрофы. По всей видимости, качество этого материала должно многое определять в переходный, "посткоммунистический" период развития всех общественных и государственных структур, формируемых в ходе распада советского монолита.

Кризис и крушение институциональных структур советского общества создает особую, в некотором смысле слова, экспериментальную, ситуацию для социологического анализа. Социальный "эксперимент" исторического масштаба стаянется в нашей стране второй раз на протяжении XX века. В первый раз, после потрясений 1914-20 годов, когда происходило формирование "советского человека" как специфического социокультурного типа (содержание этого понятия будет рассмотрено несколько позже). Второй раз - начиная с середины 80-х годов, когда стала очевидной принципиальная невоспроизводимость и нестабильность этого образца.

Ситуации глубоких социальных разломов создают поистине уникальные возможности для социального анализа, проникновения в механизмы формирования и трансформации поведенческих и социокультурных структур общества. Происхо-

дит как бы обнажение скрытых связей социального действия и регулирования, в том числе личностных.

Первый из названных социально-исторических "экспериментов" не был предметом эмпирического социального анализа. Второй может стать таковым, в частности, потому что сейчас в СССР существуют определенные возможности для объективного исследования и обсуждения происходящих процессов, действуют социологические центры, появляются серьезные публикации.

Немалое значение имеет и внимание мировой общественности, в том числе научной, к изменениям в советском обществе.

Очевидно, что обстоятельное разностороннее исследование разложения и, в конечном счете, по-видимому, ухода с исторической сцены социального типа "человека советского" поможет также выяснению условий его формирования и функционирования.

Каждая из известных истории устойчивых цивилизаций формировала свой социальный или социокультурный антропологический тип - характерный набор установок и ценностных ориентаций, когнитивных и поведенческих рамок человека как носителя, субстрата определенной системы социальных институтов. Таковы, например, человек Эллады и человек Рима, человек французского классицизма и человек современного западного (европейски-американского) мира. Человек советский, Homo Sovieticus, явился продуктом и фокусом неустойчивой социально-политической системы, которая не была способна к самовоспроизводству со сменой поколений и не смогла оформиться в особую цивилизацию. Советский период общественного развития на всем протяжении сохранял черты постреволюционного, в его официальной идеологии доминирующую роль играли социальный романтизм и символика. Как обычно, апелляция к символическим интегративным механизмам выполняла компенсаторные функции при слабости социальных и экономических интегративных систем. Главным символическим интегратором общества призван был служить образ человека советского - творца (или, в более откровенных формулировках, "винтика") новой общественной системы, противопоставленной всему прошлому, настоящему и даже будущему человечества.

На протяжении своей относительно недолгой истории "советский человек", Homo Sovieticus, многократно служил предметом мифологизации и демифологизации в политической, утопической, антиутопической литературе и пропаганде. В

данном случае авторов эмпирически обоснованного социологического исследования могут интересовать только социальные рамки существования данного антропологического образца, его воздействия на сознание и поведение массы людей.

Реальность всякого социального (социокультурного) образца или типа создается определенным распределением социально-значимых характеристик личности в обществе. Направленная и ненаправленная, результирующая трансформация социальных структур и слоев, приведшая к почти полной смене элит, а также механизма их формирования и поддержки, принудительная социализация трех поколений в условиях почти полной информационной блокады общества и жесткого контроля за механизмами вертикальной мобильности, плюс постоянное пропагандистское давление - факторы вполне реального формирования "советского человека" как доминирующего социального типа.

Это последнее вводимое нами понятие требует некоторого пояснения. Доминирование определенного типа не обязательно означает количественное, статистическое преобладание: и опыт и анализ показывают, что доминирующее значение могут иметь оценки, взгляды, разделяемые, например, 30-40 % населения, если эти оценки определяют некоторую норму, стандарт социального поведения и потому обладают значением "универсального" ориентира, принудительного образца "для всех". Конечно, для того, чтобы такой образец был в той или иной форме (в разных модусах лояльности) воспринят достаточно большой частью общества, требуется целый ряд условий, в том числе способность одних и неспособностью прочих общественных групп навязывать какие-то условия поведения другим.

Homo Sovieticus в нашем понимании - это исторический социокультурный тип, который не должен получать узко-этническую или государственно-территориальную трактовку, то есть не должен ставиться в ряд с понятиями "немецкого", "китайского" и т.д. человека. У него, как нам представляется, другой, более обобщенный, референтный ряд - например, Homo Oeconomicus, Homo Ludens и т.п., иначе говоря, обобщенные социо-культурные образцы в соответствующих рамках координат. (Видимо, с некоторым правом в подобном ряду могут рассматриваться "человек Ренессанса" или "человек латиноамериканский" и другие типы). В каждом случае исторические и функциональные рамки социокультурного пространства-времени различны.

В заглавие настоящей книги вынесена одна, на наш взгляд,

обладающая большой порождающей семантикой, характеристика Homo Sovieticus'a - как простого человека. Она обладает сложным набором взаимосвязанных значений: массовидный ("как все"), деиндивидуализированный, противопоставленный всему элитарному и своеобразному, "прозрачный" (т.е. доступный для контроля сверху), примитивный по запросам (уровень выживания), созданный раз и навсегда и далее неизменный, легко управляемый (на деле, подчиняемый примитивному механизму управления). Прежде всего, все эти характеристики относятся к лозунгу, проекту, социальной норме. И в то же время - это реальные характеристики поведенческих структур общества.

В различных главах книги рассмотрены институциональные, исторические, информационные, аксиологические, эмоциональные рамки существования социокультурного типа Homo Sovieticus в различных средах и сферах советского общества к началу 90-х годов.

Метод исследования проблемы, применяемый авторами данной книги - анализ результатов специального опроса общественного мнения.

Использование данных массового зондажа для анализа установок и ценностей, глубинных характеристик личностной структуры, может показаться неоправданно смелым, даже рискованным в традициях научной строгости. Как правило, данные опросов общественного мнения применяются для более простых задач исследования политического или экономического поведения. Общеизвестно, что принцип выборочного исследования неизбежно приводит к известному упрощению предмета, конструированию таких заведомых артефактов как "средние" характеристики для разнородного массива показателей. Массовый опрос в технике формализованного интервью (именно она используется в зондажах ВЦИОМ) обычно ориентирован на выявление "текущего" состояния мнений, а не установок. Кроме того, реализация массового опроса сопряжена с почти неизбежными отступлениями от замысла и программы, сбоями в выборке, неточностями в понимании вопросов и ответов и т.д.

Сознавая все эти ограниченности избранного метода, авторы полагают, что специально организованный репрезентативный массовый опрос при надлежащей подготовке программы имеет определенные преимущества перед другими средствами исследования социальных феноменов, поскольку он позволяет представить достоверную картину распространения мнений и оценок в обществе, отдельных его слоях и группах. При

повторных зондажах и специальном построении вопросника появляются возможности выявления постоянных и изменчивых параметров массового сознания, сопоставления признаков моментальных вербальных реакций и устойчивых установок. Мы убеждены, что потенциал массовых зондажей может быть широко и эффективно использован для анализа различных сторон тех социальных сдвигов, разломов, потрясений, какие происходят в настоящее время в советском обществе и его аналогах на Западе и Востоке.

Опрос, результаты которого легли в основу настоящей книги, был проведен Всесоюзным (ныне - Всероссийским) центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в ноябре 1989 года по программе "Советский человек." В анкету (см. Приложение) было включено около 100 вопросов. По репрезентативной выборке было опрошено 2700 респондентов в различных регионах СССР, представляющих основные социальные, демографические, этнические группы населения. Использованы материалы и других опросов ВЦИОМ вплоть до осени 1992 года.* Исследование осуществлено при поддержке Всесоюзного межведомственного центра наук о человеке Академии наук СССР. Разработка и анализ результатов проведены в отделе теории ВЦИОМ. Авторы учитывали опыт уже изданной ими книги по итогам одного из более ранних исследований ВЦИОМ ("Есть мнение!" Издательство "Прогресс", Москва, 1990).

Авторский коллектив настоящей книги - Александр Голов, Алексей Гражданкин, Лев Гулков, Борис Дубин, Наталья Зоркая, Юрий Левада (руководитель работы), Алексей Левинсон, Леонид Седов. Ответственный редактор книги - Юрий Левада. В статистическом анализе материалов и подготовке таблиц принимали участие Лариса Косова и Владимир Шокарев, в подготовке рукописи - Елена Джагинова и Юрий Полетаев.

* Данные базового исследования "Советский человек" приводятся в настоящей книге, как правило, без указания его реквизитов; при ссылках на другие исследования ВЦИОМ указываются время проведения и число опрошенных.

ФЕНОМЕН "ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОГО": СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

Приблизительно с середины 20-х годов нашего столетия, после утверждения - казалось, надолго и прочно - большевистского режима в "отдельно взятой стране", бывшей Российской империи, в отечественной и эмигрантской общественной мысли возникла проблема советского человека как особого социально-антропологического явления.

В мировоззрении более раннего периода, проходившего под лозунгами революционного переворота со "всемирным" прицелом, для подобного понятия не было места: провозглашались или ниспровергались категории глобального, всемирно-исторического масштаба, заведомо противопоставленные национальной и государственной ограниченности. Героями или злодеями созданной распыленным изображением мировой сцены представлялись сверхчеловеческие и сверхнациональные "классовые" персонажи (точнее, замещающие их парткомиссары). Не интересно сейчас обсуждать, в какой мере в подобных титанических фантазиях отразились мечты интеллигентской романтики XIX века (для России - начала XX-го) о "новой жизни", "новом мире", "новом человеке", а в какой - доктринерский утопизм социалистов. Неудачу потерпели и те и другие.

Стоит, однако отметить некоторые поучительные моменты теоретических дискуссий о судьбе "нового человека" в середине 20-х годов. Известная тогда группа "Смены вех" (и вместе с ней значительная часть русской эмиграции) утверждала, что нормальный "русский человек" (прежде всего, мужик, крестьянин), переживший кошмары войны и революции, возмет верх над революционными фантазерами и организует жизнь и государство на обычных началах. Группа так называемых "евразийцев" надеялась на то, что порожденный революцией

"новый человек" спасет российское государство и сможет ориентировать его на (мифологизированную) Азию. Варианты подобных позиций воспроизводятся в настоящее время в аргументации адептов "особого пути" развития России.

Советская официальная общественная мысль ориентировалась на то, что должным образом реконструированный и "исправленный" человек имперской эпохи послужит достаточно надежным винтиком или кирпичиком новоимперской государственности. (Чисто идеологическое прикрытие, с большей или меньшей интенсивностью использовавшееся в разные периоды, но никогда не имевшее ни массового распространения, ни существенного значения, - словесные упражнения, резолюции и диссертации на тему "нового человека" или "человека будущего".)

Реальность советского человека целиком принадлежит постромантической эпохе - тем десятилетиям, когда послереволюционная государственность пыталась стабилизировать репрессивный режим, сохраняя и наделяя статусом прежде всего человека покорного, исполнительного, сопричастного и т.д. Как это бывает практически всегда, "гора" титанических фантазий ("новый сверхчеловек") породила некую "мышиную" реальность - сопряженность ролей аппаратной бюрократии, послушных ей "спецов" разного профиля и безгласной "народной массы". Именно такая пирамида социальных позиций определила характерный набор необходимых черт Homo Sovieticus'a, на котором мы остановимся далее.

Говоря о реальности, о статусе существования названного социально-антропологического типа, мы предполагаем его отличия от "чистых" идеально-типических конструктов в духе Макса Вебера. Конечно, если представить себе некий образец "идеально-чистого" советского человека, то его методологически правомерно было бы рассматривать как идеальный тип. Но тогда пришлось бы заняться рассмотрением идеологической конструкции, что в задачи настоящего исследования не входит. Эмпирическое социологическое исследование, в данном случае массовый опрос, предъявляют исследователю только те характеристики ценностей, установок, мнений людей, которые достаточно эффективно воздействуют на их сознание и поведение. В том числе на иллюзии, фантазии, интересы и прочие "субъективные" конструкты, - в той мере, в какой эти последние работают в социальном поведении.

Поэтому исследователям представляется, что мы вправе ставить вопрос об условиях и рамках существования (или не-

существования) "человека советского" как носителя определенных социальных характеристик.*

Отметим некоторые особенности постановки такой задачи.

Прежде всего, предполагается, что те характеристики, которые признаются типичными для изучаемого социально-антропологического феномена, должны быть достаточно широко распространены, присущи относительно большому числу людей, - но не обязательно абсолютному большинству. Условием "достаточности" здесь, видимо, может служить способность исполнять функцию *доминанты*, образно выражаясь, способность "задавать тон" в соответствующей области социального пространства. Скажем, взгляды, которых придерживаются 30-40 процентов населения, могут быть доминирующими в общественном мнении, если с ними вынуждены считаться другие, если выразители данных взглядов занимают высокие статусные или харизматические позиции, если носители других точек зрения относительно малочисленны или разобщены и пр. Важно, следовательно, не только количественное, но и качественное распределение изучаемых признаков, социальный статус их носителей и трансляторов.

Очевидно, характеризующие признаки должны обладать определенной консистентностью, устойчивой взаимной сопряженностью.

И, наконец, наиболее важное условие - явно или неявно задаваемая - и принимаемая - функция социокультурного стандарта (образца, паттерна), который подкреплен соответствующим механизмом социального контроля, позитивных и негативных санкций. "Джентльменский набор" человека советского - это не просто часто наблюдаемые особенности установок и поведения, но такой набор, который специально поощрялся, насаждался, навязывался. Притом не только через официальные каналы воспитательных (социализирующих), информационных, контрольных социальных институтов, но и через личностно-групповые механизмы давления ("кол-

* По-видимому, это понятие близко к используемой Э.Фроммом категории "социального характера": "Взаимосвязь индивидуальной психической сферы и социально-экономической структуры я называю социальным характером... Социально-экономическая структура общества формирует социальный характер своих членов таким образом, что им хочется делать то, что они должны делать. Вместе с тем социальный характер оказывает влияние на социально-экономическую структуру общества, действуя при этом либо как цемент, придающий ей еще большую стабильность, либо, при определенных обстоятельствах, как динамит, готовый взорвать ее" (Э.Фромм. *Иметь или быть*. М.: Прогресс, 1990, с. 138-139).

лективное" принуждение). Более того, официальная монополия на целеполагание и предельные ценности приводила к ситуациям вынужденного принятия, по крайней мере, на официальном и декларативном уровнях, образцов "правильного", "должного" поведения. Свою роль в этом играла монополия на "зеркало" общества и общественного мнения: официально навязываемая картина была единственно доступной и, естественно, воздействовала на представления людей о себе самих.

В рамках данного исследования имелась возможность отслеживать искомые поведенческие характеристики через ряд эмпирических референтов - как декларируемых непосредственно (например, распространенность такого ответа как "с гордостью считаю себя советским человеком"), так и латентных (ответы об отношении к заботе государства, понятию родины, хозяйственной инициативе и пр.). Выяснение социально-этнических барьеров, установок по отношению к насилию и ряду других позиций требовало в некоторых разделах исследования построения специальных шкал и рядов сравнений.

Разработка данных массового опроса позволила выделить специфику наборов, различающихся интенсивностью проявления, а также вариантами сочетаний нормативно-заданных характеристик "советской" принадлежности. Различимы, например, "центральные" (в социокультурном плане) и "периферийные" варианты, маргинальные, переходные, смешанные и пр., связанные статистически с различными поколенческими когортами, образовательными группами, этническими средами.

ЧЕРТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО "ОБРАЗЦА"

Современному исследователю приходится иметь дело с социокультурным типом *Homo soveticus*'а в условиях его очевидной деградации. Поэтому, чтобы представить нормативно заданные черты этого типа, приходится оглядываться на его конфигурацию в зрелый, "классический" период, который можно отнести примерно к 30-40-м годам.

Первая из фундаментальных характеристик "человека советского" - внушенное и воспринятое им представление о собственной *исключительности*, особенности, принципиальном отличии от типичного человека иных времен и социальных систем. Сформировался образ "особого человека", обладающего исключительной системой собственных ценностей, сознанием собственного превосходства, своей системой социальных мер и весов, не допускающих даже мысли о реаль-

ном сравнении собственной жизни с "чужой". Эта обособленность проявлялась в историческом сознании (точкой отсчета исторического времени принято было считать Октябрьскую революцию 1917 года), геополитических установках ("железный занавес", подкрепленный социально-психологическим барьером между "своим" и "чуждым" мирами), аксиологических ориентирах (своя система ценностей) - вплоть до эстетических, этических и гносеологических категорий ("свой" критерии истины и красоты) и т.д.

Обоснования "установки на исключительность" могли быть различными - от апелляции к марксистскому лексикону "классовой" обособленности до ссылок на традиционную для отечественного консерватизма идею извечного противостояния России и всего остального мира. Впрочем, в годы расцвета сталинской державности произошло практическое слияние этих позиций. Социально значимым оставался результат: установление некоей границы, барьера между "своим" и "чужим" (или "чуждым"), проведенной через все сферы социального существования человека - от межгосударственных до межличностных. Будучи призванным (в том числе и на уровне социальной личности), этот барьер трансформировался в средство универсального структурирования мира по самому примитивному из принципов социального мировоззрения: принципу противопоставления "нашего" - "чужому".

"Знак" противопоставления мог быть амбивалентным. "Свое" может быть не только лучшим, превосходящим "чужое" по каким-то критериям, - оно может выступать и атрибутом социально-мазохистского самоунижения ("худшее", униженное, обиженное). Своеобразная диалектика или, может быть, игра "возвышающих" и "прижимающих" установок хорошо известна и из российской, и из собственно советской истории. Для периодов агрессивного изоляционизма - один из них приходится наблюдать сегодня - всегда было характерно широкое распространение установок самоуничжительного противостояния "чужим". Показательно, например, распространение в массовой речи уничижительного прозвища "совок" применительно к советскому человеку. В этом прозвище соединены самоуничижение и его оправдание, даже некое горделивое любование своим унижением. Термин, имеющий явно "элитарное" происхождение, подчеркивает некую особость советского человека, невозможность для него быть "как все".

Как уже отмечалось, наше исследование застает эту границу исключительности уже серьезно нарушенной. С прорывом информационной и политической блокады советского че-

ловека неизбежно лишается смысла и вся "стена" изоляционизма и противопоставления остальному человечеству. Анализ результатов нашего опроса (а также ряда других, проведенных в последнее время) дает широкую картину происходящего буквально на глазах обесценения всего набора установок на "исключительность", противостояние "Западу", "буржуазным" ценностям и пр. Расставание с более или менее привычным миром пещерной изоляции проходит с трудом, встречает сопротивление - и психологическое, и политическое. Согласно данным одного из исследований ВЦИОМ (март 1991 г., опрошено 1954 чел. городского населения в ряде республик СССР), 63% согласны с тем, что "СССР должен идти по пути развитых стран Запада", 8% - "по пути развивающихся стран Азии", 44% полагают, что "у СССР свой собственный путь развития", а 42% указывали на "один путь развития человечества" (очевидно, что часть опрошенных отмечала более одного варианта ответов).

Годом позже (исследование "Культура", ВЦИОМ, апрель 1992 г. опрошено 1800 чел. в России), только 16% предпочли "путь стран Запада" (для сравнения: на Украине 27%, в Эстонии 45%, в Узбекистане - 4%), 48% - "свой собственный путь". Как видим, ответ о приверженности "собственному пути" остается наиболее массовым и традиционно "советским". В этой формуле изоляционизм сочетается с надеждой на преимущества "своего" перед "чужим". Она остается удобной для выражения среднemasсовых настроений, а также как популистски-политический лозунг, имеющий явную "патристическую" ориентацию.

Другая фундаментальная черта социального характера советского человека - государственно-патерналистская ориентация.

"Образцовый" советский человек не мыслит себя вне всеобъемлющей государственной структуры. В одной из последующих глав мы постараемся рассмотреть специально некоторые эмпирические параметры этой чрезвычайно устойчивой "государственности" (которая, что весьма важно, проявляется и в ситуации бунта, направленного против государства; российский тоталитаризм и анархизм имеют общие истоки и корни).

Но эта "государственная" принадлежность человека всегда имела довольно мало общего с тем, что понимается под аналогичными терминами в европейской социальной и правовой мысли. Государство для Homo Sovieticus'a - не один из ряда исторически сформировавшихся социальных институтов,

имеющих свои функции и рамки деятельности, а некий суперинститут, всеобщий, универсальный как по своим функциям, так и по своей сфере деятельности. По сути дела, в облике государства в советском обществе выступает не расчлененный на функциональные компоненты, универсальный институт досовременного патерналистского образца, который проникает во все уголки человеческого существования. По своему проекту советское "социалистическое" государство тоталитарно, поскольку оно не должно оставлять человеку никакого независимого пространства.*

Это притязание на универсальную роль принципиально отличает государство советского типа от этатистских структур в Третьем мире, которые исполняют преимущественно модернизаторские функции. В "советских" же структурах модернизационные функции (которые в той или иной мере присутствуют) оказываются отодвинутыми на второй план патерналистскими. По сути дела, это охранительные, контрольные функции, исполняемые как будто в порядке неустанной "отеческой заботы" о подданных. Здесь метафорика требует, однако, более пристального рассмотрения. В плане эмоционально воспринимаемой символики, возможно, в силу российско-исторических традиций (то, что Николай Бердяев называл "бабьим характером русского народа") да еще пристрастия режима к оруэллианскому превращению смыслов, система жесточайшего насилия выступала - и более того, воспринималась! - как выражение "материнской" заботы (образ "матери-Родины", но никак не "отца"; роль последнего исполнялась лидером, вождем).

Следует отметить некоторые последствия "патернализации" государства и государственных ориентаций человека. "Отеческое" государство не пригодно для исполнения тех социально-организующих функций, которые несут западные государственные структуры: это не государство в современном смысле термина. Его индивидуальным контр-агентом является не автономная личность, а (в принципе) - гиперсоциализированный и тотально зависимый от властей субъект. Патернализму непременно соответствует инфантилизм, самосознание подростка, недоросля. "Забота" со стороны "верхов" должна встречать "благодарность" со стороны "низов" - такова главная, осевая формула патерналистско-

го устройства общества и социальной личности. Еще Е.Замятин "вычислил", что верховный властелин в тотальной утопии должен считаться Благодетелем.

По данным одного из исследований 1990 г. ("Бюрократия", 3200 опрошенных в городах бывшего СССР), наиболее распространенная характеристика стоящих у власти (37%) - забота о народе. Да и от начальства на предприятии подчиненные ждут заботы о людях (49%), и только чуть более (51%) - компетентности в делах.

Как известно, роль главного благодетеля, источника "неустанной заботы" о простом человеке, была возложена в советской системе на государственную партию. (Монопольная государственно-политическая организация имеет с "обычными" для Запада политическими партиями столь же мало общего, как тотально-патерналистское государство с "просто" государством). Характерное для классических времен советской системы обозначение верхнего правящего слоя термином "партия и правительство" (вариант: "руководители партии и правительства") отпечатывается в массовом сознании как представление о всемогущем едином "верхе". Сегодняшние разломы воспринимаются им как "борьба за верх", дискредитация "верха" и т.д.

Разумеется, благодетеля не только благодарят - от него ждут, просят, требуют, его осуждают за неисполнение требований. Наибольшее недовольство деятельностью правительства, по одному из опросов в сентябре 1992 г., (1667 респондентов по России) связано с "недостаточной заботой о народе" (мнение 36%). Все эти, столь очевидные сегодня, признаки никоим образом не снимают принципиальной парадигматики спаренных полюсов оси забота-благодарность. Патерналистская структура становится объектом патерналистской же критики. По сути дела, исторически традиционная российская (анархистская, толстовская) критика государства, сколь бы резкой она ни была, не выходила за рамки той же модели, противопоставляя "плохой" заботе о подданных - "хорошую", "подлинную". Тем более это относится к советской ситуации. Причем значительная часть критики в адрес партийно-государственных структур и в "диссидентский", и в "перестроечный" период также ограничивалась патерналистскими рамками. Образ "отеческого государства" - едва ли не наиболее инерционный компонент советского социального сознания. В частности, в популистских его течениях. Представления о договорном характере государства, о приоритете автономной

* В этом смысле советское государство имеет значение парциального института, заполняющего собой все социальное пространство наподобие газообразного вещества. См.: David B. Zilberman. The Birth of Meaning In Hindu Thought. Dordrecht, Boston a.o. D.Reidel P.C.1988. p.318

личности имеют, согласно нашим наблюдениям, значительно меньшее распространение.

По данным одного из исследований ВЦИОМ (1990 год), свыше 60% населения, полагают, что большинство советских людей не смогут "прожить без постоянной заботы, опеки со стороны государства". Экономическая основа подобных суждений очевидна: более двух третей населения зависят от государственных предприятий и пособий.

Еще одна фундаментальная черта внутреннего миропорядка типического человека советского - иерархическая. Типический этот человек долго носил эпитет "сознательного", что означало готовность принять существующий социальный порядок и политический режим. Собственно говоря, уже принятие патерналистской модели человеческого мира означает всегда и везде принятие вертикальной иерархии отношений: слоя заботливых и слоя подлежащих заботе (или допущенных к "таинству" управления и подлежащих управлению и пр.). Здесь наиболее глубокие корни специфической для советского общества иерархии социальных ролей, авторитетов и привилегий. Это не аскриптивная иерархия традиционных обществ (наследуемые привилегии) и не достижительная иерархия общественных систем нового времени (распределение статусов в соответствии с плодами труда, капитала и знания). Фактор, структурирующий советское вертикально общество - напомним, что речь идет о "классической" эпохе его существования - мера допущенности к властным привилегиям и сопутствующим им информационным, потребительским и др. дефицитам. Пошлейшая формула "по заслугам каждый награжден" (из самой знаменитой песни 30-х годов) достаточно точно отражает реальную черту социальной конструкции: иерархия заслуг (перед "верхом") и наград (опять - таки пожалованных "верхом").

Одна из первых позиций исследования "Советский человек" - субъективная оценка собственного положения на гипотетической шкале (лестнице) социальных статусов.

Опрашиваемым было предложено определить, на какой из ступеней "общественной лестницы" они находятся. Полученные ответы мы можем сопоставить с данными исследования, проведенного ВЦИОМ в конце 1991 года (4600 опрошенных). Респонденты следующим образом распределили свои статусные позиции (данные в процентах):

	1989	1991
1-я ступень (нижняя)	9	11
2-ая ступень	8	16
3-я ступень	12	24
4-я ступень	20	29
5-я ступень	18	16
6-я ступень	19	3
7-я ступень	6	1
8-я ступень	3	1

(более высокие ступени не играют роли в статусном распределении, поскольку к ним относится себя слишком малое число опрошенных).

Как видим, распределение статусных позиций в общественном мнении довольно устойчиво (за немногими исключениями оно весьма близко к распределению опрошенных по уровням материального благосостояния). За два года произошел очевидный сдвиг более высоких статусных категорий книзу, возможно, это результат "перестроечных" потрясений в обществе и частичного распада старых элит.

Оценить значение подобных данных (в других исследованиях ВЦИОМ использовались также такие показатели, как восприятие респондентами своего экономического статуса) можно, по нашему мнению, только с учетом генезиса вертикальной организации, свойственной советскому обществу. Принятие иерархии сочетается в традиционном для него наборе личностных ориентаций с установкой на специфический эгалитаризм. Здесь перед нами - пример одной из антиномий, характерной, как мы попытаемся показать, для всех фундаментальных характеристик Номо Sovieticus'a.

Итак, "иерархический эгалитаризм". Существуют подзрения, что это чисто декларативная конструкция, что-то вроде пропагандистского фона для властвующей бюрократической пирамиды. Такое упрощение вряд ли оправдано, так как мы имеем дело не с радикально-мечтательным, а с вполне практическим эгалитаризмом, который отвергает лишь то неравенство, которое не соответствует принятой иерархии: "незаслуженные" привилегии и "нетрудовые" (то есть не узаконенные тарифной сеткой и массовой привычкой) доходы. За гранью допустимого оказываются в таком случае, во-первых, плоды всякого неординарного труда и таланта, во-вторых, доходы от собственности, и экономических услуг, в-третьих, "слишком большие" привилегии у людей "недостаточно" высокого статуса.

В современных условиях распада классической советской пирамиды власти антиномия иерархии-эгалитаризма трансформируется в разрушительную. По данным нашего исследования, а также другим наблюдениям, эгалитаристские притязания, которые в конце 80-х годов (у старших групп населения и сейчас) были направлены против "чрезмерных зарплат", "миллионеров" и особенно против первого "призыва" частных предпринимателей ("кооператоров"), - в дальнейшем все больше поворачивались против привилегий *п р а в я щ е г о* партгосаппарата. Это одна из главных, наиболее очевидных мишеней массовой, в частности, популистской, критики. Из опоры системы эгалитаризм превратился в ее противника.

Какие из перечисленных ниже категорий населения имеют, на ваш взгляд, незаслуженно много?

Партийное и советское руководство	38
Кооператоры	38
Работники торговли	31

(Другие варианты ответа собирают не более 10% мнений)

"Кооператоры" как социально-экономический (и социально-психологический) феномен принадлежит периоду 1989-1990-го годов, когда под этим именем впервые вышел на общественную сцену "новый" частник. В исследовании 1989 года резко негативную реакцию примерно половины опрошенных вызвали "люди, официально получающие миллионы" (другая половина либо ничего не имела против - но такой позиции придерживались всего 11% - либо сопровождала свое одобрение важной оговоркой "если деньги заработаны честно").

Дальнейшее развитие установок советского человека по отношению к богатству и собственности - очевидный переход от негативных к позитивным реакциям. Примерно с конца 1991 года частная собственность, приватизация, капитал приобретают положительные значения в советском общественном мнении. (Изменение масштаба цен лишило смысла вопрос о "миллионерах"). В апреле 1992 г. уже 52% опрошенных (против 13) высказывали положительное отношение к частному предпринимательству (опрос "Культура", 2000 респондентов в России). В октябре того же года только 12% "принципиально" возражали против частного бизнеса. Сравнение ответов на различные серии вопросов позволяет считать, что именно такое меньшинство населения (11-13%) составляет на 1992 год основу сопротивления "рыночным" изменениям.

Анализ социальных структур сегодняшнего эгалитаризма оставим на дальнейшие главы; в данном случае достаточно обозначить позиции.

Сравнительно новый продукт распада иерархического эгалитаризма - трансформация функции "благотельного" верха в функцию "таинственного злодея". В советской мифологии "верх" всегда выступал анонимным и таинственным, изо всех сил стремился казаться таковым. Вседозволенность карательных органов не создавала, а лишь восполняла картину таинственности господства. Еще одним восполнением всеобщей анонимности служила мифологизация персоны вождя. А теперь атрибуты тайной, вездущей и всемогущей власти над человеком, которые раньше приписывались анонимному руководству страны, - переносятся на "мафию". До половины населения склонно искать причину бедствий общества (во всех сферах - от потребительской до межнациональной) в кознях "мафии". Притом, согласно одному из опросов ВЦИОМ, около трети (34%) населения под "мафией" понимало партийно-государственное руководство.

Апелляция к "тайной власти" занимает важное место преимущественно у людей старшего возраста и "старого закала", условно говоря, группы "ветеранов" - именно эта поколенческая когорта сформировалась и прожила годы наибольшей активности в "классические" времена советской системы. Взаимосвязь представлений о "своей" и "враждебной" тайной власти отчетливо была видна в эту эпоху (отсюда, кстати, и та удивительная легкость, с которой массовое сознание перемещало "вождей" в стан "врагов"), - но она не исчезла и ныне. Незадолго до путча 1991 года тогдашний шеф КГБ В.Крючков разоблачал заговоры враждебного "Запада", который будто бы подкупил демократических деятелей для развала страны (по данным опросов ВЦИОМ, эти разоблачения не пользовались доверием в обществе). К осени 1992 года, с новым обострением политического кризиса, обличения тайных козней, подкупов и пр. опять получили довольно широкое распространение в пропаганде "красного" и "патриотического" оттенков.

Последняя из фундаментальных особенностей Номо Sovieticus'a, на которые хотелось бы обратить внимание - его и м п е р с к и й характер. (Это не оценка, а аналитическая категория понимания общества и личности, не более того). Советское государство восприняло от Российской империи принцип транснациональной организации, опирающейся на соответствующую элиту (русскую или русифицированную по преимуществу). Причем последняя выступала не столько

как национальный, сколько как универсальный организующий и (с XIX века) модернизационный фактор. В ценностной структуре "нормативного" советского человека заложена была с самого начала его формирования целая система антиномий национального и "интернационального" (безнационального, транснационального, постнационального), связанных с последовательными попытками сохранения национальной "революционной" элиты, замены ее демонстративно руссифицированными "кадрами", псевдонациональными элитами. Как стало очевидно в последние годы, именно эта антиномия самоопределения оказалась источником наиболее острых напряжений всей системы. Патерналистская нагрузка, возложенная на советско-русскую и руссифицированную элиту, привела к фрустрации ее собственной национальной идентичности и активизации периферийных очагов национально-политической консолидации нерусских народов на всех рубежах бывшей империи.

Существенным препятствием на пути формирования нормальных для XX века рамок этнического самоопределения в советском обществе явились попытки государственного закрепления национальной идентичности (национальная "графа" в паспортах, квазинациональные административные размежевания субъектов федерации). Поэтому Homo Sovieticus по самой природе своей, генетически фрустрирован, поставлен перед неразрешимой задачей выбора между этнической и суперэтнической принадлежностью.

Как вы считаете себя в первую очередь гражданином СССР или гражданином республики в которой вы живете?

	СССР	республики	трудно сказать
ВСЕГО	56	33	11
Русские в России	63	25	12
Русские в других республиках	66	22	12
Украинцы	42	46	12
Белоруссы	70	25	6
Эстонцы	3	97	0
Азербайджанцы	28	65	7
Армяне	8	83	9
Казахи	48	52	0
Узбеки	38	53	7
Киргизы	55	39	11

Что для вас означает родина?

	Место, где я родился	Россия	СССР	Другой ответ
ВСЕГО	40	35	24	5
До 20 лет	55,6	32,0	17,3	4,9
60 лет и старше	36,4	29,5	36,6	3,3
Москвичи	31,2	50,0	17,4	5,8
Сельские жители	44,1	25,8	32,1	2,3
Члены КПСС	29,2	28,7	39,0	4,1
Беспартийные	45,5	34,0	23,6	3,0

Приводимые выше данные получены в "базовом" исследовании 1989 г., т.е. тогда, когда проблема выбора человека национально-государственной идентификации носила гипотетический характер. С началом реального распада Союза СССР она приобретала сугубо практические измерения.

Подчеркнем, что проблема здесь вовсе не в плюрализме возможных точек отсчета: подобная ситуация наверняка существует (и неплохо существует) во многих других обществах. В условиях же фрустрации человеку навязывается выбор, который нельзя сделать, оставаясь в "нормальных", современных рамках. Для российского имперского наследия суперэтнический вариант национальной идентификации (типа США, Австралии, Бразилии) столь же закрыт, как моноэтнические варианты типа Франции или Португалии.

Можно теперь сопоставить перечисленные характеристики человека советского: принудительная самоизоляция, государственный патернализм, эгалитаристская иерархия, имперский синдром. Конечно, это не исчерпывающий перечень (в принципе, исчерпывающим может быть только аналитически сконструированный набор вариантов, например, категорий социального действия у Т. Парсонса; всякий эмпирически полученный перечень остается "открытым"). Можно было бы, например, рассмотреть такие черты человека советского как "идеологичность" (и ее дополнение - равнодушие ко всякой идеологии), "гиперорганизованность" (спутником которой является anomia), принудительный "активизм" (и его теневая функция - отвращение к труду) и другие. Выше выделены только те признаки интересующего нас культурно-исторического явления, которые в большей мере рассмотрены в данном исследовании и могут считаться ключевыми.

Каждая из них антиномична, она как бы содержит собственное отрицание: "нерушимая граница" и готовность ее пе-

рейти, надежда на государственную заботу в паре с лукавым недоверием по отношению к государству, в одно и то же время - признание государственной иерархии и ее отвержение ("эгалитаризм"), этатизация национальной идентичности и фрустрация национального сознания в рамках суперэтнической (имперской) принадлежности. В каждом случае - налицо некая парная связь как демонстративной и латентной функций. Это не просто теоретические конструкты, не только инструменты логического анализа. В относительно стабильной ситуации доминируют явные, демонстративные компоненты названных выше парных категорий: изолированность, государственность, иерархия, имперская символическая идентификация. А в обстановке общественного кризиса латентная компонента каждой антиномии выступает на поверхность и превращается в мощный дестабилизирующий фактор.

Кстати, все перечисленные характеристики скорее говорят о принадлежности человека определенной системе ограничений, чем о его действиях. Отличительные черты советского человека - его принадлежность социальной системе, режиму, его способность принять систему, - но не его активность.

ИСКУШЕНИЕ ПРОСТОТОЙ

"Советский человек - простой человек". Атрибут универсальной простоты принадлежит как официальному, так и массовому классически-советскому сознанию. Это "вывеска", демонстративный символ противопоставления всему чуждому миру (включая и внутренний мир человека) как слишком динамичному, сложному, изощренному. В то же время это доминирующее изображение человека в "зеркале" пропаганды, это существенная черта идеологического проекта человека и - самое важное - это вполне реальный феномен советского мира. Он стал и остается таковым, потому что в императиве "простоты" совпадают различные тенденции: насильственное и самопроизвольное опрощение, адаптация и сопротивление. Выделим некоторые моменты полисемантической концепции "простоты", составляющей сердцевину образа человека советского.

Во-первых, простота выступает синонимом массовидности. Требование "быть как все", встроенное в культурный код социализированной личности, не означает коллективности или сплоченности (в дюркгеймовском смысле), это лишь ориентация на всеобщее усреднение.

Отсюда вытекает второе: простота противостоит элитарности ("не выделяться!" - принцип поведения, который и сейчас считало бы наиболее важным для воспитания детей 8% опрошенных в нашем исследовании). Это привычный принцип самосохранения человека в ситуации, где всякий признак успеха, таланта и просто усердия "не в меру" скорее становится поводом для подозрительности, чем для возвышения. Как уже отмечалось, агрессивная зависть по отношению к обладателям таланта, власти и потребительских благ (о капитале и говорить нечего) неизменно служила социально-психологической основой иерархического эгалитаризма. И условием массового одобрения или массового соучастия во всех без исключения кампаниях травли против "слишком" интеллигентных, богатых и знатных. Довольно часто - и против власть имущих, если они впадали в опалу (в прошлом; сегодня последнее обстоятельство утратило значение).

Особенно, конечно, против "чуждых" - инакомыслящих, отщепенцев, отступников и т.д. Клеймо "врага народа" было для своего времени чрезвычайно удачным изобретением (французский генезис термина никого не интересовал). Всякий, отклонившийся от курса - "шаг влево - шаг вправо" - автоматически рассматривался как идущий "против всех". Психология массового заложничества, описанная в свое время А. де Сент-Экзюпери ("Письмо заложнику") - неременная принадлежность всякой системы массового террора, в которой каждый индивид, независимо от меры его лояльности, вынужден отвечать за отчаянные поступки другого. В такой системе покорное или даже умеренно-критическое большинство становится яростным противником "экстремизма", т.е. протеста. Здесь одна из главных точек совпадения идеологических установок "верхов" и массовых привычек, которая обеспечивала массовую психологическую (порой молчаливую, порой истерично-демонстративную) опору режиму. "Простой" человек не должен был и не мог куда-либо уклоняться.

Запросы "простого человека", естественно, всегда считались минимальными, простейшими. В качестве таковых практически принималась ориентация на уровень простого в быту и в ании; все сверх того клеймилось как "излишества", "роскошь", "избыточность". Массовый человек не должен был (и не мог практически) переходить границу усредненного минимума. Для элиты и приближенных к ней групп допускались исключения, чреватые, однако, риском обличения и расправы.

Еще один семантический срез обязательной "простоты" че-

ловеческой - "прозрачность", открытость для понимания со стороны себе подобных и, в особенности, для контроля сверху. Все "непрозрачное" (по гениальной догадке В.Набокова) - опасно, ибо оно недостижимо для могущества той самой власти "чуда, тайны и авторитета", на которую мечтал опереться Великий Инквизитор у Достоевского.

К атрибутам "простоты", несомненно, относится и привычка довольствоваться "простыми радостями" (по сути дела, это то же стремление довольствоваться простой возможностью выжить, а также тайное злорадование по поводу беды ближнего).

Императив окончательной "простоты" человеческого материала для властвующей над ним системы был неперенным условием действительности власти. "Простота" контроля, примитивность и стабильность набора запросов, недопустимость излишних мудрствований и требований - как будто идеальное условие управляемости. Однако как раз ориентация на "простоту" стала, как сегодня можно судить, источником примитивности и косности самой "управляющей подсистемы", показавшей свою непригодность для эффективного контроля над человеком и обществом.

В свое время принято было говорить о "коллективности" человека советского. Этой черты мы попросту не обнаружили. Между тоталитарным государством и одиноким индивидом не занимали сколько-нибудь важных позиций никакие социально-психологические общности, связанные с профессией, занятием, интересами и т.д. Практическим носителем обобщенного "мы" являлась партийно-государственная машина власти. Групповой контроль (по принципам "не высываться", "не подводить всех" и пр.) обеспечивал подчинение человека машине тоталитаризма.

НАЧАЛА И ПОСЛЕДСТВИЯ

Ставка на "простоту" человека оказалась катастрофической для советского общества и его аналогов. Чтобы понять уроки происшедшего, представляется полезным в самом кратком виде напомнить об истоках. Они восходят отчасти к отечественной истории, преимущественно же - к попыткам насильственно изменить ее течение. Относительная малочисленность и слабость правящей элиты и модернизированного среднего слоя императорской России питали иллюзию, что с помощью "организации революционеров" удастся "перевернуть" страну и реализовать желаемую модель общества, - в какую входило и формирование если не вполне "нового", то вполне послушного человеческого материала.

Как уже отмечалось выше, социально-антропологический тип, который составляет реальный материал общественной системы и который мы пытаемся рассматривать в этой работе - это всегда распределение различных социально-значимых человеческих типов (грубо говоря - соотношение между человеческим наполнением высших, низших, поддерживающих и прочих социальных позиций). В результате революции в этом распределении произошли перемены в нескольких направлениях.

Прежде всего, имела место элиминация практически всей социальной элиты: дворянства, имперской бюрократии, средних слоев в городе и деревне, духовенства, наиболее образованных (в том числе и тех, кто поддержал и осуществлял революционный переворот).

Революционный авантюризм и давление "массового фактора" обусловили характер нового правящего слоя в первый, переходный период постреволюционного существования общества. Применительно к последующему, собственно уже советизированному временному периоду можно говорить лишь о постреволюционной бюрократии и бюрократическом авантюризме. В этот период отливается в относительно устойчивые формы распределение человеческих типов, составившее "нормативную" конфигурацию человека советского. Повальное раскрестьянивание и бегство в города, новый тип казарменного индустриального города, создание громоздкого и малоэффективного советско-бюрократического аппарата, превратившего в чиновников практически все городское население, включая массовые "интеллигентские" профессии - важнейшие компоненты формирования этого типа.

К этому следует добавить систему массового образования и индоктринации в условиях жесткой информационной блокады - поколение училось грамоте и воспитывалось только на "правильных" текстах. Прямой жесткий контроль за мыслями со стороны идеологических и карательных ведомств "нового человека" не сотворил, но способствовал распределению человеческого потенциала в обществе.

В эмигрантской (а в последнее время и в советской литературе) давно ведется дискуссия о том, насколько велика была роль коммунистического утопизма и фанатизма во всем происшедшем. Применительно к нашей проблеме - насколько направляемым был процесс формирования специфически советского человеческого материала. Конечно, тот набор эмпирических данных, которые получены в рассматриваемом исследовании, прямого ответа на такой вопрос не содержит, но

некоторые основания для прояснения ситуации все же позволяет обсудить более аргументированно.

Если верно, что по зрелому организму можно судить о зародыше, то по характеру кризиса и распада общества правомерно представлять некоторые аспекты его формирования или зрелости. В современном спектре социально-антропологических типов для революционного фанатизма практически нет места; те немногие проценты населения, которые демонстрируют стойкую приверженность марксистски-традиционной лексике в оценке социальной действительности, вряд ли способны увлечь самих себя и кого-либо иного этой лексикой. Это скорее реликтовые, пережиточные группы, которые неспособны оказать какое-либо влияние на распределение интересов в современной общественной ситуации. Без сомнения, в период "формообразования" системы отчаянные, абсолютно свободные от культурных и нравственных ограничений авантюристы играли заметную роль, прежде всего, в разрушении сложившихся укладов жизни. "Полуфанатик, полуплут" - вполне адекватная характеристика активиста этого времени (словами Пушкина). В дальнейшем запросы и роли в обществе изменились, место "полуфанатиков" заняли плуты и насильники, позже - плуты и чиновники.

Советская история знала лишь одно поколение "вполне советских" людей. Хронологически это, в основном, поколение (когорты) вступивших в активную социальную жизнь в начале 30-х годов и занимавших ключевые позиции в ней до середины или конца 50-х. Предыдущее поколение было переломлено революционными потрясениями и лишь отчасти приспособилось к новой для него жизни. Последующее - встретило и, в общем, с готовностью приняло кризис и распад всей системы.

То, что советская и подобные ей общественные системы не оказались способными воспроизводиться в последующих поколениях - факт сегодня общепризнанный. Подтверждают его и некоторые данные нашего исследования.

Чтобы объяснить принципиальную нерепродуцируемость того распределения социально-антропологических типов, которое составляет структуру человека советского, как нам кажется, следовало бы принять во внимание разнородность, разнородность самой этой структуры. Она утвердилась тогда - и постольку - когда произошла смена функциональных элит и последовавшее за этим изменение расстановки человеческого материала в обществе. В грубом приближении эта расстановка (иерархия власти) может быть сведена к трем элементам: вла-

ствующая элита, примыкающая к ней образованная "прослойка" и "послушный им народ", т.е. масса "простых" людей. В этой конструкции собственно элиту составляют первые две группы (властвующая и поддерживающая), состояние которых прежде определяли стабильность общества и ее нарушения. Наиболее сложна оценка функции поддерживающей элиты (интеллигенции): демонстративная или молчаливая лояльность при некоторой степени скрытого сопротивления власти могут трактоваться в прямо противоположных смыслах ("капитуляция" и "потенциал самополюбки"). Имеются основания рассматривать два слоя, два одновременно значимых смысла этой функции, которые в разных условиях оказываются доминирующими.

В советском обществе относительно устойчивого ("классического") периода стабильность обеспечивалась монополией власти, лояльностью поддерживающего слоя, покорностью массы. (Напомним, что речь идет о демонстративных аспектах функций соответствующих сил.) Причины разрушения этой стабильности многообразны, широко обсуждаются, в данном случае нам важно выделить только социально-антропологические их составляющие.

Смена поколений губительно сказалась на внутренней структуре властвующей элиты. Показное единогласие уступило место растерянности и дезориентации (примерно с середины 50-х годов). Доминирующий интерес к самосохранению не мог придать ей ни силы, ни сплоченности. Жесткий контроль отчасти уступил место системе сделок и допусков (по отношению к местным и функциональным фракциям правящей элиты, а также и поддерживающего слоя). Это привело к тому, что со следующей сменой поколений (к середине 80-х годов или началу перестройки) произошло разрушение всей пирамиды власти и ее антропологических устоев - единомыслия, принудительной лояльности, массовой покорности. Разрушение нормативных стандартов социального поведения - то есть, стандарта нормативно заданного "человека советского" - начавшееся в верхних слоях пирамиды власти, распространилось на поддерживающие структуры (из опоры режима интеллигенция превратилась в носителя вестернизированного образца, обладающего привлекательностью практически для всех общественных групп). Наконец, "массовый человек" современного советского общества утратил стимулы (как иллюзорные, так и устрашающие) ориентации на "советский" образец.

Разрушение элиты и поддерживающих ее механизмов общественного доверия, страха, социальной мифологии оказа-

лось столь важным и роковым, потому что с момента своего формирования советская система, в том числе "система" советского человека строилась на даусмысленной, лукавой основе.

ИГРА НА ПРОИГРЫШ

Главная особенность нормативных установок человека советского состояла в том, что они никогда не могли быть исполнены, более того, эта неосуществимость была всегда условием их существования. Все социальные механизмы принуждения, воспитания и контроля практически ориентировались на "производство" человека лояльного, демонстративно принимающего господствующие ценности. Реализация их не требовалась и не была возможной. Под громкими лозунгами все слои общественной пирамиды работали по одному и тому же принципу - самосохранения, выживания. Демонстративное принятие полной зависимости от всемогущего государства было условием сохранения определенной "ниши" для частного, семейного существования. Подчинение всеобщему планированию - гарантией возможности для некоторой хозяйственной автономии. Важно подчеркнуть взаимность "допусков": тотальный государственный контроль не мог существовать без фактического признания приватной сферы, как и "плановая" система не могла обходиться без личного интереса и "теневого" продолжения.

Моделью отношений человека с обществом советского типа можно, вероятно, считать систему традиционного колхоза, где земля и работа делились на две принципиально различные неравные части: "общее" (чужое, казенное) и "свое". Работник, бывший крестьянин жил плодами "своего" (личного "подсобного" участка), но чтобы сохранять на это право, он должен был отдавать "дань" колхозу и государству. В свою очередь, колхоз и власти вынуждены были - не сразу и не без колебаний - согласиться с существованием личного хозяйства как источником средств к существованию человека. На этой сделке строилась вся экономическая система в селе. Эта сделка явилась плодом некоего практического компромисса, а не теоретического проекта. В масштабах страны она не существовала более срока одного поколения (заметим, что действует та же мера времени). Кончается же традиционно-колхозное разделение "сфер деятельности" для обеих сторон плохо: разрушением деревни и окончательным раскрестьяниванием населения. Одна из важнейших причин этого - невоспроизводимость установок на "сделку" со сменой человеческих поколений. Потомки колхозников первого поколения не удер-

живаются в деревне. (Мы несколько упрощаем реальные процессы, но для модельного сравнения этого достаточно.)

В ситуации претендующего на тотальную власть патерналистского государства у человека (массового, среднего общественного человека) нет возможности для элементарного самосохранения без явной или подразумеваемой сделки с всемогущим партнером (сделки с дьяволом - чуждой и бесконечно могущественной силой). Но и "всемогущая" власть не может существовать без постоянных сделок с множеством "простых" людей, без признания их права на самосохранение.

Плодами такой сделки, или, скажем, такой игры со множеством участников, становится вынужденная "правилами игры" взаимная снисходительность. Можно даже попытаться описать некоторые из наиболее распространенных вариантов "игр".

Игра "работа": на основе известного принципа "одни делают вид, что работают, другие - что им за работу платят". Это, видимо, наиболее универсальный вариант того социального договора, на котором построено было советское общество.

Игра "забота": видимость отеческой заботы порождает видимость благодарного подчинения.

Игра "сопричастность": показное участие в государственных делах оборачивается соучастием в преступлениях государства.

Игра "согласие": показное принятие высших ценностей как условие сохранения ценностей частных.

Игра "единодушие": каждый в отдельности против (или безразличен), но механизм коллективного принуждения вынуждает "всех вместе" выражать бурное согласие с каким-нибудь очередным лозунгом.

Зримый результат этого - формирование устойчивой системы двойных стандартов в обществе, отделение критерия "надо" от критерия "истинно" (нравственно, законно и пр.). Эта система весьма близка описанному Дж. Оруэллом принципу *двоемыслия*. Устойчивость ее связана со способностью демпфировать, сглаживать внешние воздействия, сохраняя неповрежденным некое ценностное ядро. Социальные потрясения сказываются на внешних, обособленных от такого ядра слоях. В свое время это облегчило приспособление среднего человека к новым условиям политического существования и примерно такой же механизм обеспечивал существование образованной элиты общества. В той или иной форме практически все ее группы и деятели вынуждены были пройти через "сделку с дьяволом", стремясь сохранить себя,

возможность работать и хранить культурное наследие. Именно эта сделка сформировала типично советскую интеллигенцию в ее мишурно позолоченной государственной клетке.

Но имеется и другой результат "сделки с дьяволом" - разрушение структуры самой личности, особенно заметное на поколенческих разломах. Нравственные сделки всегда и неизменно губительны для несформировавшейся личности. А постоянное разложение критериев отношений в обществе, в том числе уровня воспитания, культуры, нравственности, разлагает все общество. Поэтому мы и можем рассматривать феномен человека советского в его социологических параметрах - как феномен исторически преходящий.

ЧЕЛОВЕК ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННЫЙ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Описание человека советского в рамке социальных институтов осложнено тем, что сами эти рамки никогда не были стабильными: это скорее рамки потока (динамическая структура), чем система координат некоторого устойчивого состояния. Два сложно связанные друг с другом процесса институциональных изменений определяют такую подвижность "рамки" или, допустим, "правил игры".

Во-первых, процесс модернизации общества, формирования современных социальных институтов, способных к дальнейшему развитию в направлениях, задаваемых современной цивилизацией. Во-вторых, процессы формирования, а потом кризиса и разрушения тоталитарного общества. Все иные институциональные сдвиги - например, в соотношении публичных и частных сфер жизни, ценностей труда и досуга, перехода от "закрытого" общества к открытому, образование новых форм политического и культурного самоопределения личности и пр. - происходят на фоне этих принципиальных изменений и в связи с ними.

Оба процесса взаимосвязаны, благодаря чему рамки социальных институтов оказываются не только неустойчивыми, но и "неклассическими", существенно отличными от европейских моделей. Причем это относится и к классически-традиционным, и к классически-современным институтам (то есть, и к государственно-политическим учреждениям, и к семейным, этносоциальным или религиозным). Дело в том, что в советской системе досовременные, традиционные или традиционализирующие, социальные институты - всеобщее приращение, личная власть, идеологический контроль - использовались в качестве орудия тотального господства государства, а отчасти и средства модернизации общества. Поэтому формировавшиеся социальные институты - вне зависимости

от лозунгов или иллюзий, с которыми они соотносились, - неизбежно сохраняли черты досовременных отношений.

Прежде всего это, конечно, относится к осевой, государственной структуре советского общества. "Человек государственный" - ключевая фигура в системе задаваемых этой структурой социальных ролей. Кроме того - и в прошлом и сегодня - это некая универсальная точка отсчета положения человека в институциональной системе общества.

Эмпирическим референтом "государственности" человека в нашем исследовании выступает ряд ответов на вопросы, предложенные респондентам.

Кем вы себя считаете с гордостью? (в процентах к опрошенным)

Отцом (матерью) своих детей	44
Советским человеком	24
Специалистом в своем деле	22
Сыном (дочерью) своих родителей	20
Хозяином в своем доме	18
Сыном (дочерью) своего народа	13
(Менее частые ответы не приводятся)	

Как видим, идентификация с принадлежностью к "советским людям" акцентируется примерно четвертью опрошенных и занимает второе место по частоте упоминаний. Можно предположить два значения такой идентификации - либо это простое указание на принадлежность к гражданству, либо определенный государственно-идеологический феномен. Анализ социальных характеристик респондентов позволяет склониться ко второму варианту: идентификация с "советским человеком" чаще свойственна людям старших возрастов, имеющим меньшее образование, военнослужащим. Сравнительно велик показатель такой идентификации среди москвичей, членов партии, подписчиков партийных изданий.

Можно отметить уже по этому вопросу наличие "пиков" государственно-идеологической идентификации: менее образованные и высокоидеологизированные социальные группы. Возникает предположение о различной природе идентификации в этих случаях. В дальнейшем к этой проблеме придется еще вернуться.

Обратимся к другой серии индикаторов "государственности" - ответам относительно **з а и м н ы х о б я з а н н о с т е й** государства и человека.

С каким из следующих суждений вы бы скорее согласились?

Наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него что-то еще	4
Государство дает нам немало, но можно требовать и большего	11
Государство дает нам так мало, что мы ничем ему не обязаны	8
Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на жертвы	33
Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам	32

Первые четыре варианта ответов явно обозначают патерналистские позиции (поскольку предложения "требовать" - своего рода патернализм наоборот). Только последний можно отнести к "гражданскому", выражающему позицию, типичную для гражданского общества. Первая позиция, назовем ее "наивным" патернализмом, больше характерна для людей пожилых, менее образованных, для сельских жителей. (Кстати, для женщин - чаще, чем для мужчин.) Гражданская - для более молодых (так, в 25-29 лет ее придерживаются 44%) и более образованных, для жителей республиканских столиц и крупных городов.

Как известно, патернализм, возведенный на общегосударственный уровень, наделенный предельными полномочиями - ядро и главный догмат идеологии тоталитаризма ("забота" государства, партии, вождя). Популярная критика тоталитарного насилия на первых порах выступает как критика "недостатков" и "крайностей" (недостаточная забота, излишнее насилие). Сама же концепция "заботливого государства" сохраняет заметное влияние на массовое сознание.

На вопрос, "Должно ли государство ограничивать выезд за границу", половина респондентов ответило отрицательно ("право человека выезжать, куда и как он хочет, не должно ограничиваться ничем"). Другая же половина почти целиком готова принять различные оговорки и ограничения, связанные со ссылками на интересы обороны страны или здоровья граждан. Иначе говоря, для половины населения государство по-прежнему представляется органом опеки над человеком.

Содержательную картину типов институциональной идентификации дает сравнение ответов на вопрос:

	безусловно	в какой-то мере	не несет
За действия своего правительства	17	27	35
За работу своего предприятия	45	41	6
За действия лиц своей национальности	22	32	28
За происходящие в стране события	20	41	20
За действия своих родственников	42	35	15
За поступки своих предков	8	12	61

Декларативная идентификация со страной и правительством заметно слабее, чем с родственной группой и коллективом предприятия, т.е. группами непосредственного общения. Ответственность за свое правительство (тоже элемент патерналистского комплекса: это отношение к "своему", "родному" - так принято было его именовать, начиная с 30-х годов! - правительству) в большей мере испытывают пожилые люди, менее образованные, военнослужащие, сельские жители. Это явно не столько идеологическая, сколько привычная идентификация (идеологический символ "родного государства" в традиционно-патерналистской связке). Национальные идентификации сильнее других выражают жители регионов, в которых происходят бурные национально-политические процессы: на момент опроса - в Закавказье, в Прибалтике.

*Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о нашем народе?
(можно было дать до трех ответов)*

Место, где я родился и вырос	36
Язык моего народа	32
Наше прошлое, наша история	27
Государство, в котором я живу	21
Родная природа	15

Итак, государственную принадлежность выделяют 21% - примерно столько же, сколько с гордостью осознают себя "советскими людьми". Чаще других такой ответ дали опрошенные в возрасте 40-60 лет, имеющие меньшее образование, а также руководители предприятий (33), военные (32), члены КПСС (35), сибиряки, москвичи.

Весьма интересный показатель "государственной" идентификации - принятие официальных праздников.

Представляет интерес сопоставление данных опроса 1989 года с результатами более поздних исследований.

Самыми важными праздниками считали (в процентах от числа опрошенных):

	1989	1992
Новый год	75	75
Свой день рождения	46	44
Дни рождения близких	43	38
8 марта	35	17
1 мая, 7 ноября	15	10
9 мая	19	24
Церковные праздники	20	-
Пасха	-	33
Рождество	-	20

Данные 1992 года позволяют видеть процессы "приватизации" праздничных рамок человеческого существования. Так, считают самым важным праздником (в процентах от числа опрошенных):

	до 20 лет	30-55 лет	старше 65 лет
День Победы	2	25	40
Свой день рождения	73	46	26

Стоит обратить внимание на некоторые особенности принятия населением праздничного календаря. Бесспорный приоритет здесь - у сугубо частных, семейных церемониальных дней. То обстоятельство, что новогодний праздник давно официально признан (нерабочий день, поздравления, итоги года) не лишает его признаков приватности. С другой стороны - официально установленный "женский день" (в романтическом прошлом он даже именовался "Международным коммунистическим женским днем", что давно всеми забыто). Ныне это действительно всеобщий "женский" праздник - единственный повод для выражения неких знаков внимания женщинам. Отсюда и высокая его популярность (прежде всего, разумеется, среди женщин). "Военные" праздники февраля и мая - в значительной мере носят профессиональный или сословный характер (военные, ветераны).

Наиболее "государственными" являлись Первомайские и Октябрьские торжества, которые "по-настоящему праздничными" днями считают в среднем 15%. Чаще выражали такое мнение люди старше 60 лет (27%), с меньшим образованием, пенсионеры (25%), члены компартии (22%). У жителей села здесь показатели чуть больше среднего (17%) при том, что в Москве - 14%, а в столицах республик - только 8%.

Таким образом, демонстративная (вербальная) идентификация с государством выражалась примерно одной четвертой - одной пятой населения, причем преимущественно старших возрастов, менее образованных. По всей видимости, здесь действует такой традиционализирующий фактор, как привычная лояльность.

В "государственном" разрезе можно рассмотреть, например, отношение к символическим именам. (Эта весьма любопытная проблема анализируется далее в отдельной главе, поэтому в данном случае уместно ограничиться некоторыми замечаниями.) Перечисляя (по собственному выбору) имена "самых выдающихся людей всех времен и народов", респонденты нашего исследования составили список, верхнюю часть которого занимают, как легко заметить, опорные позиции социально-идеологической идентификации советского человека: Ленин, Маркс, Петр I, Горбачев, Пушкин. Перед нами иерархия символов: советского государства, его официальной идеологии, российской империи, современной (на 1989 год) политики и, наконец, русской культуры. Из "всех времен и народов" массовое сознание решительно отбирает только "свое" (идеологически) время и только "свои" авторитеты. Хотелось бы подчеркнуть, что в данном случае все названные имена - это личные имена символов, а не конкретных деятелей.

В списке преобладают политики и военные, что говорит о некоторых существенных чертах личностных координат социально-политической идентификации человека. В прошлом, как и в настоящем, он ищет не лидеров, но в о ж д е й, деятелей, наделенных специфически-личным авторитетом (харизмой), исполняющих мифологические функции благодетелей, спасителей, заступников, героев-мучеников и т.д. К моменту проведения исследования "Советский человек" в списках авторитетных имен ("людей года") на первых местах не было еще таких деятелей, как А.Д.Сахаров. Спустя примерно год, уже после кончины, его имя завоевало прочное место в пантеоне общественного мнения.*

Но что стоит за списком персонифицированных символов: идеальные убеждения или опять-таки привычная лояльность? Имя Ленина назвали 83% членов КПСС, 57% не состоящих в политических организациях, 59% жителей Москвы, 38% в Литве, 84% в Узбекистане, но 18% в Грузии, Армении. Срав-

* Человек и легенда: Образ А.Д.Сахарова в общественном мнении. М., "Дата", 1991. (Исследование ВЦИОМ, март 1991, опрошено 1954 чел. в городах СССР.)

ним эти данные с другим рядом - табуированных тем. Оказалось, что для массового сознания таких тем сегодня немного (чаще всего упоминаются связанные с сексом, но и те не набирают более 14-17% заинтересованных в запретах). Обсуждение правильности политического курса Ленина сегодня представляется недопустимым только 9% населения (среди членов КПСС - 18%), возможность перехода от социализма к капитализму - только 11% (из руководителей предприятий - 22%, из членов компартии - 21%). Обоснованным представляется предположение, что за упоминанием сакрализованного имени стоит скорее демонстрация лояльности, чем идейная убежденность. По сути дела, здесь перед нами - один из наиболее распространенных образцов двойного стандарта (демонстративного поклонения и реального скепсиса или безразличия). И, как показывают данные последних двух лет, это становится действенным фактором все более быстрого разложения и дискредитации псевдосакрального символа.

По исследованию 1992 ("Общество 1991/92", 2000 опрошенных по России), список имен наиболее выдающихся людей всех времен выглядит так (в скобках - процент упоминаний): Ленин (42), Петр Великий (36), Сталин (22), Горбачев (17), Пушкин (17), Сахаров (15), Суворов (14), М.Тэтчер (12), Ельцин (11). Хотя имя Ленина по-прежнему называется чаще других, его приводит менее половины опрошенных.

Еще один показательный пример, относящийся к той же теме.

Приходилось ли вам когда-либо поступать вопреки тому, что вы считаете правильным, справедливым?

Никогда так не поступаю	19
Приходилось под давлением коллектива	6
Приходилось под давлением начальства	19
Приходилось под давлением семьи, близких	5
Приходилось для пользы дела	22
Бывало, из-за собственной слабости	11
Бывало из-за страха за родных и близких	5
Так приходится жить постоянно	7
Затрудняюсь ответить	17

(Некоторые респонденты выбирали больше одного варианта)

Причем чаще всего склонны ссылаться на "пользу дела" члены компартии (34%), военные (33%), подписчики "Правды" (30%). На "давление начальства" склонны ссылаться люди старших возрастов, партийные, москвичи. Между тем, о

давлении коллектива, коллег чаще говорят комсомольцы: по-видимому, давление на личность в молодежной группе сильнее.

Таким образом, государственная лояльность включает в себя в качестве одной из важнейших позиций признание двойного стандарта истины - "правильного" и "полезного". Но тоталитарный характер государства, в частности и в особенности, состоял всегда в том, что высшим критерием определения истинности и полезности всегда являлось само государство (партийное государство, государство-партия, - это, в принципе, синонимы).

Если вернуться к отмеченной в начале главы особенности социальных институтов советского общества как нестабильных, подвижных, можно охарактеризовать государственность человека советского как причастность потоку государственно-го насилия, претендующего на "отеческий" контроль за поведением людей. Такое государство никак не может считаться современным социальным институтом или средством перехода к таковому. Это воспроизведение с помощью современных технических и организационных средств досовременных, традиционалистских иерархических и патерналистских структур.

При таких особенностях нашего "государственного человека" - к тому же, при системе двойных стандартов - кризис его политических и властных отождествлений порождает, по-видимому, неоднозначные продукты "полураспада", в которых причудливым образом переплетаются фундаментальное и наносное, традиционное и обновленное.

Второй круг институциональных отношений человека определяется такими сферами социальной жизни как семейная, религиозная, этносоциальная. Их положение на шкале традиционного-современного трудно описать однозначно, поскольку сама шкала не обладает устойчивостью.

В ряде классических социологических работ столетия (например, в известном "Американском солдате"*) проводится мысль о том, что распад "верхушечных" государственных отношений обнажает, как бы вынося на поверхность, более глубокие пласты институционализированных отношений - малогрупповых, семейных, этнических, религиозных. Ссылаются, например, на примеры из послевоенного развития общества в Германии. Классическая схема всегда хороша тем, что по ней можно судить и о неклассических ситуациях, не вполне подпадающих под общую мерку или даже вовсе не подходящих под

нее. Именно такую ситуацию мы имеем у нас. Классические представления о "послойном" изменении институциональных отношений предполагают исторически сложившееся разделение сфер влияния между соответствующими "слоями" (институтами). История российско-советской модернизации не привела, как известно, к такому разделению. Не только государство не было освобождено от традиционно-патерналистских функций, но и семейные и прочие "естественные" (традиционные) сферы институционализации человека контролировались государством и во многом сращивались с его структурами. Вот почему следует с определенной осторожностью трактовать данные о соотношении государственных и, например, семейных координат деятельности советского человека.

Отметим, что на всем протяжении советской истории государственно-политические структуры постоянно стремились распространить свою "неустанную заботу" на все сферы человеческой жизни. В результате происходила постоянная (до поры до времени, скрытая или чисто демонстративная) политизация национальных, религиозных, даже бытовых отношений. Притом, как уже отмечалось, политизация несовременная, патерналистская: например, подстановка функции "отца отечества" на место главы семьи (при ослаблении в массе реальной роли этого последнего).

Согласно уже обсуждавшимся данным, у значительной части населения мысль о "своем народе" связывается преимущественно с индикаторами традиционалистского и исторического порядка: прошлое, территория, язык, великие люди, религия, обычаи, родные могилы, душевные качества. Ссылки на государственные феномены - военную мощь, государственную символику - встречаются реже. Еще реже упоминаются умение трудиться, воля к свободе (атрибуты представлений о гражданском обществе) и уже совсем редко "идеи, которые мы несем другим народам" (государственно-идеологический мессианиззм).

Ответы по многим позициям анкеты говорят о стремлении отгородить приватную сферу бытия от официальной. Создается впечатление, что человек советский, испытывая постоянное государственное давление, ищет убежища в традиционно-семейной жизни. Во многом это впечатление обманчиво. После неудачи экспериментов из области сексуальной революции в 20-е годы, в "классически"-советские времена семья постоянно провозглашалась оплотом государства и предметом особых забот с его стороны ("крепка семья - крепка держава" - повсеместный лозунг в бюро регистрации браков и рожде-

* S.A. Stouffer, *The American Soldier*. Princeton, N.Y., 1950

ний). Семье вменяется в обязанность патриотическое воспитание и даже подготовка будущих солдат. Но это, конечно, требования идеологического порядка, которые исполняются в малой мере. Существенно другое. Семья в тоталитарном обществе - единица потребительская, а значит ячейка структуры всеобщей иждивенческой зависимости. Социально-экономические отношения воспроизводят ситуацию, в которой человек не зарабатывает средства к существованию своим трудом, а просит милостей у государства. (К их числу прежде всего относилось жилище.)

К этому следует добавить, что в современных условиях семейный досуг советского человека по преимуществу организуется телевидением, то есть монопольно-государственным источником информации и развлечений.

Таким образом, приватная сфера жизни в значительной мере пронизана "сверху", со стороны государственной; "убежище" оказывается ненадежным.

По мере распада стержневых структур общества и создания несколько большей его открытости изменяются социальные функции семьи и ее положение на оси модернизации. Современная нуклеарная городская семья относительно ближе к структурам гражданского общества (но не может вполне принадлежать им хотя бы из-за кабальной зависимости от государственных милостей).

В большой мере смещения такого порядка могут быть прослежены и в сфере этносоциальных отношений. Национальные (или национально-религиозные, локальные) отношения, пристрастия, барьеры, конфликты, способы групповой идентификации и пр. - не просто наследие традиционного общества. Они неизбежно, а в значительной мере и принудительно, приобрели государственно-организованный и государственно-значимый характер. Национально-территориальная политика (псевдонациональные федеративные структуры) оказалась столь же уведующей от пути нормального, цивилизованного развития национальных отношений, как и политика официального (паспортного) закрепления национальной принадлежности граждан. Причем первоначально аскриптивные этнические характеристики превращались - в угоду политическим интересам и вопреки всему течению современной цивилизации - в объект государственного манипулирования. В дальнейшем же (т.е. сейчас) химерические продукты такого манипулирования обретают самостоятельное существование, поскольку этническая принадлежность становится средством приобретения определенных привилегий или, по крайней ме-

ре, борьбы за них. Отсюда явственно ощущаемое сегодня в большинстве этнических групп стремление охранить свою официальную обособленность. Стремление, противопоказанное гражданскому обществу и, как показывает история последних лет, губительное для полиэтнических государств.

Лишь 4% опрошенных говорят о том, что им приходилось испытывать несправедливое отношение к себе в связи с их национальностью. Но 28% предпочли бы иметь начальником человека "своей" национальности (для остальных "это неважно"). Следовательно, этническая принадлежность оказывается значимой в сфере как будто чисто деловых, современных отношений. Происходит традиционализация этой сферы.

Изложенные соображения относятся и к ситуациям, когда социально-этническая идентификация приобретает "бунтарский" характер, т.е., например, связывается с требованиями пересмотра границ или прав национально-территориальных образований.

Особенности политического развития и господствующей идеологии задержало "выяснение" национальных отношений в рамках XVIII-XIX веков или на стадии "подросткового" (в терминологии Л.А.Седова) поиска признания. Как показывают опросы, это присуще не только относительно малочисленным этносам, которые идут своего места в сообществе, но и большим народам - прежде всего, русскому.

В силу сказанного нечего удивляться тому, что человек семейный, человек национальный или человек религиозный оказываются носителями целого ряда государственно-идеологических и патерналистских (т.е. в ином прочтении - инфантилистских) комплексов. И в то же время остаются проводниками двоемыслия, двойного стандарта, иерархизированных критериев истины ("начальник всегда прав").

Известно, например, что в последнее время быстро растут некоторые показатели религиозной аффилиации. По регулярным опросам ВЦИОМ, за 1989 год доля признающих себя религиозными поднялась почти вдвое - с 20 до 40% населения; в дальнейшем этот показатель вырос до 50% и более. Есть основания полагать, что наблюдаемый "бум" религиозности скорее связан с изменениями демонстративного и даже официального плана (впервые за советскую историю публично демонстрируемое признание общественной роли церкви, телевизионные обрядозрелища и пр.). Значительное большинство опрошенных положительно относится к возрастанию общественной роли церкви и религии. Эти проблемы рассматрива-

ний). Семье вменяется в обязанность патриотическое воспитание и даже подготовка будущих солдат. Но это, конечно, требования идеологического порядка, которые исполняются в малой мере. Существенно другое. Семья в тоталитарном обществе - единица потребительская, а значит ячейка структуры всеобщей иждивенческой зависимости. Социально-экономические отношения воспроизводят ситуацию, в которой человек не зарабатывает средства к существованию своим трудом, а просит милостей у государства. (К их числу прежде всего относилось жилище.)

К этому следует добавить, что в современных условиях семейный досуг советского человека по преимуществу организуется телевидением, то есть монопольно-государственным источником информации и развлечений.

Таким образом, приватная сфера жизни в значительной мере пронизана "сверху", со стороны государственной; "убежище" оказывается ненадежным:

По мере распада стержневых структур общества и создания несколько большей его открытости изменяются социальные функции семьи и ее положение на оси модернизации. Современная нуклеарная городская семья относительно ближе к структурам гражданского общества (но не может вполне принадлежать им хотя бы из-за кабальной зависимости от государственных милостей).

В большой мере смещения такого порядка могут быть прослежены и в сфере этносоциальных отношений. Национальные (или национально-религиозные, локальные) отношения, пристрастия, барьеры, конфликты, способы групповой идентификации и пр. - не просто наследие традиционного общества. Они неизбежно, а в значительной мере и принудительно, приобрели государственно-организованный и государственно-значимый характер. Национально-территориальная политика (псевдонациональные федеративные структуры) оказалась столь же уводящей от пути нормального, цивилизованного развития национальных отношений, как и политика официального (паспортного) закрепления национальной принадлежности граждан. Причем первоначально аскриптивные этнические характеристики превращались - в угоду политическим интересам и вопреки всему течению современной цивилизации - в объект государственного манипулирования. В дальнейшем же (т.е. сейчас) химерические продукты такого манипулирования обретают самостоятельное существование, поскольку этническая принадлежность становится средством приобретения определенных привилегий или, по крайней ме-

ре, борьбы за них. Отсюда явственно ощущаемое сегодня в большинстве этнических групп стремление охранить свою официальную обособленность. Стремление, противопоставленное гражданскому обществу и, как показывает история последних лет, губительное для полиэтнических государств.

Лишь 4% опрошенных говорят о том, что им приходилось испытывать несправедливое отношение к себе в связи с их национальностью. Но 28% предпочли бы иметь начальником человека "своей" национальности (для остальных "это неважно"). Следовательно, этническая принадлежность оказывается значимой в сфере как будто чисто деловых, современных отношений. Происходит традиционализация этой сферы.

Изложенные соображения относятся и к ситуациям, когда социально-этническая идентификация приобретает "бунтарский" характер, т.е., например, связывается с требованиями пересмотра границ или прав национально-территориальных образований.

Особенности политического развития и господствующей идеологии задержало "выяснение" национальных отношений в рамках XVIII-XIX веков или на стадии "подросткового" (в терминологии Л.А.Седова) поиска признания. Как показывают опросы, это присуще не только относительно малочисленным этносам, которые ищут своего места в сообществе, но и большим народам - прежде всего, русскому.

В силу сказанного нечего удивляться тому, что человек семейный, человек национальный или человек религиозный оказываются носителями целого ряда государственно-идеологических и патерналистских (т.е. в ином прочтении - инфантилистских) комплексов. И в то же время остаются проводниками двоемыслия, двойного стандарта, иерархизированных критериев истины ("начальник всегда прав").

Известно, например, что в последнее время быстро растут некоторые показатели религиозной аффилиации. По регулярным опросам ВЦИОМ, за 1989 год доля признающих себя религиозными поднялась почти вдвое - с 20 до 40% населения; в дальнейшем этот показатель вырос до 50% и более. Есть основания полагать, что наблюдаемый "бум" религиозности скорее связан с изменениями демонстративного и даже официального плана (впервые за советскую историю публично демонстрируемое признание общественной роли церкви, телевизионные обрядозрелища и пр.). Значительное большинство опрошенных положительно относится к возрастанию общественной роли церкви и религии. Эти проблемы рассматрива-

ются специально в одной из глав данной книги. Здесь же ограничимся одним соображением.

Социальные координаты церкви в советском обществе и сегодня, после окончания эпохи притеснений, двойственны. Самый древний из публичных институтов современного общества принадлежит к ряду традиционных по природе своей, но сама возможность свободного его существования вне государственного принуждения - важный показатель движения в сторону гражданского общества.

Возьмем, наконец, сферу существования или формирования человека гражданского. К ней можно отнести всю совокупность отношений личности с институтами гражданского или современного общества: экономическими (рыночная инфраструктура, конкуренция, достигательные ориентации и пр.), политическими (демократические государственные институты, политический плюрализм, общественные движения), культурными (наука, образование, массовая коммуникация и культура, Homo Ludens в терминологии Й.Хейзинги). Человек гражданский как особый персонаж общественной жизни далеко не сформировался, но уже довольно громко заявляет о своем появлении на свет. Здесь перед нами многократно возникает вновь проблема глубины и серьезности наблюдаемых феноменов: в какой мере перед нами просто демонстративный эффект, а в какой - признак реального нового типа институционализированных отношений?

Результаты нашего исследования, равно как и повседневные наблюдения, другие данные позволяют судить о том, что признание гражданских ценностей (демократических, общечеловеческих) в советском обществе оказалось неожиданно широким. Последующее развитие заставляет относиться к трактовке многочисленных данных того времени с известной осторожностью. Фактически то, что мы фиксировали в 1988-90 годах - это не столько убеждения, сколько увлечения и иллюзии демократического вида, зачастую довольно поверхностные. Налицо была скорее яркая вспышка демократических симпатий - что тоже немаловажно - чем выражение осознанных демократических взглядов. Поэтому "прилив" демократических настроений довольно легко сменяется "отливом", политической апатией, недоверием к демократическим деятелям и институтам. Впрочем, при сохранении общедемократических ориентаций и негативных установок по отношению к политическому режиму и лозунгам тоталитарной эпохи.

Один из центральных узлов общественной борьбы последнего времени - правомочность частного предпринимательства

и доходов от капитала. В ряде исследований ВЦИОМ ставились вопросы, рассчитанные на выяснение соответствующих реакций и, по возможности, установок респондентов. Остановимся на характерном примере.

Какое вознаграждение за свою работу вы предпочли бы:

Иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	10
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	45
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	27
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	10

Эта короткая сводка данных - ключ к характеристике реального простого советского человека: он предпочитает гарантированную бедность ("скромность", как полагалось писать) - неопределенному будущему. (Согласно другому исследованию, когда возникает выбор между свободными ценами и картонным снабжением, только 6% предпочитают свободную торговлю, около 60% - карточки.) Поистине, здесь зарыта собака. Достаточно понятно, чем обусловлен выбор: при существующей системе хозяйства человек беспомощен перед рынком, пуще всего опасается повышения цен. Существенно, что этот убого-распределительский выбор беспомощного перед "государственной заботой" человека глубоко вошел в систему массовых установок и ожиданий (более подробно это рассматривается далее в отдельной главе).

Но традиционно-советский ценностный выбор не оказался устойчивым. Как мы уже отмечали, недоверие к атрибутам и ценностям частнособственнического рыночного хозяйства довольно быстро исчезает или размывается. Когда в одном из исследований ВЦИОМ начала 1992 года респондентам было предложено выбрать между двумя вариантами: а) "создать условия для того, чтобы каждый мог разбогатеть" и б) "разделить все между всеми по справедливости", - 51% предпочел первый вариант и только 19% - второй.

Результат - два плана экономического поведения. На декларативном, вербальном уровне налицо готовность большинства к радикальному изменению экономической системы. На более прагматическом - осторожность, опасения, надежды на спасительную "заботу" свыше. Можно усмотреть, что эта ориентация родственна традиционно-российской установке на спасительный счастливый случай, знаменитое "авось", чудесное вмешательство в ход событий. Как известно, главный свя-

той в народном сознании - Николай Чудотворец (это, кстати, подтверждают недавние исследования ВЦИОМ).

В политической сфере расстановка акцентов иная (более радикальная), но глубинное сходство сохраняется.

Чего в первую очередь не хватает сегодня советскому человеку?

Материального достатка	56
Культуры, воспитанности	38
Трудолюбия, хозяйственности	28
Уверенности в себе	15
Политических прав	14
Нравственных принципов	10
Возможности отдохнуть	8
Уважения к своему прошлому	6

В этом наборе политические права далеко не на видном месте: "довлест дневи злоба его", да еще, по-видимому, некий очень часто звучащий в прессе мотив всеобщей малокультурности (как оправдание отсталости и несвободы). В этой злобе повседневности и тонут политические права.

По ряду исследований последнего времени создается примерно такая общая картина: готовность к решительной критике государственной системы, партии, "мафии", не говоря уже о вездесущей коррупции, - при неготовности сделать решающие шаги к отрицанию системы и неспособности определить собственное активное место в новой структуре социальных отношений.

В заключение остановимся на проблеме институционализации досуга (или игровой сферы поведения) человека советского.

Что доставляет вам самую большую радость, удовольствие?

Проводить время с детьми	52
Читать интересную книгу, журнал	39
Мастерить, заниматься домашним хозяйством	23
Заниматься садом, огородом	22
Слушать музыку	22
Готовить что-то вкусное	22
Проводить время с мужем (женой)	22
Получать хорошие деньги	20
Путешествовать	20
Работать в полную силу	20
Смотреть телевизор	19

(Менее частые ответы не приводятся)

Как видим, в списке радостей человека советского, по крайней мере, в его верхней части, - преимущественно - домашние, семейные или индивидуальные занятия, а также участие в массово-культурной деятельности (телевидение, печать). Единственное исключение - радость хорошего заработка (удовольствие от политической деятельности отмечают не более 3%). Правда, следует напомнить приведенные выше оговорки по поводу переходного характера самого института семьи и, соответственно, семейных занятий.

За пределами институционализированной человеческой жизни - анония, одиночество, отчаяние. Более 40% опрошенных признаются в своем одиночестве, 6% уверяют, что сами ищут его. Есть основания считать, что те явления, которые для классической дюркгеймовской социологии незаконны, аномичны, в рассматриваемой нами системе закономерны и заданы, предписаны самим ее устройством: она формирует человека одинокого и использует его демонстративную асоциальность.

Более существенным кажется другое. Социальная изолированность беззащитна и легко превращается в агрессию. Не видя повседневной работающей системы правозащиты, социальной помощи, милосердия, человек остается один на один с любой бедой, в том числе с преступностью. Возникает и стойко поддерживается иллюзия "враждебного" окружения и человека и страны.

Есть ли у вас личные враги?

У меня нет врагов	36
Есть люди, которые мне завидуют	14
Есть люди, которые хотят мне отомстить	7
Не знаю	44

А у нашего народа, нашей страны?

Наша страна окружена врагами со всех сторон	4
Самые опасные наши враги - скрытые, внутренние	22
У народа, вставшего на путь возрождения, всегда найдутся враги	21
Зачем искать врагов, когда корень зла - в собственных ошибках	45
Затрудняюсь ответить	12

(Некоторые респонденты выбирали более одного ответа)

Страх - неперенный атрибут окружения и мироощущения советского человека. Он принадлежит не только психологии. Массовые страхи, действующие на общество угрозы объективно институционализировались - становились функцией особых ведомств, "органов", прессы.

Болезни близких, детей	59
Войны	47
Стихийных бедствий	42
Болезни	40
Старости	29
Произвола властей	22
Боли, мучений	19
Публичных унижений	18
Бедности	16
Смерти	14
Преступников	14
Возврата к массовым репрессиям	13
Национальных конфликтов	12
Гнева Божьего, Страшного Суда	8
Особых страхов не испытываю	4

Нетрудно заметить, что в этом списке государственно-институционализированные страхи (произвол властей, публичные унижения, массовые репрессии, национальные конфликты, бедность) получают больше "пунктов", чем страхи перед естественными событиями. Если, как видно из приводимых ранее данных, в радостях человека советского доминируют домашние, семейные занятия, в его страхах - отношения с государственными институтами. Государственно-организованные страхи определили социальные координаты его существования, и они сохраняют свое значение и после того, как надломилась главная система всеобщего государственного устройства, воплощенная в секретных службах.

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ДОСТИЖЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Мы будем рассматривать "советского человека" в системе именно государственной власти. Во-первых, потому что принадлежность к государству выступает, как видно из самого определения, его родовой характеристикой. А во-вторых, иные типы властных отношений или авторитета - традиционного, харизматического и др. - никогда не достигают в наших условиях сколько-нибудь сравнимой степени общности, всегда оставаясь частичными и получая свое значение лишь в сравнении с собственно государственными структурами, пусть даже в оппозиции к ним.

Наши опрошенные прежде всего чувствуют себя гражданами СССР, а не, например, своей республики: к первым себя причисляют 57% (среди белорусов - 70%, русских, живущих в республиках - 66%, по России в целом - 64%), а ко вторым - 33%. Иначе складываются оценки лишь в республиках, твердо вставших на путь национально-государственного самоопределения - среди эстонцев относят себя к гражданам своей республики 97% ответивших, среди армян - 83%.

Но государство обеспечивает своих подданных не только рамками идентификации. Оно рассматривается и как источник любого возможного блага. Поэтому, по данным ноябрьского опроса 1990 года, оно "должно больше заботиться о людях" (так считают 58%), например, устанавливать твердые цены на большинство товаров (мнение 44% в декабре 1990 г.; против любого государственного вмешательства здесь лишь 8%). Привычка именно так понимать отношение граждан с государственной властью ведет к тому, что трое из пяти опрошенных в ноябре 1990 г. считали: без опеки и поддержки государства советские люди не выживут.

Однако, претензии государства на всеобщую заботу порождают столь же всеобщую неудовлетворенность людей - постоянные нарекания и подозрительность в отношении власти, уверенность в ее неэффективности, оборачивающиеся

против самого руководства. 69% опрошенных (ноябрь 1990 г.) не согласны с утверждением, будто "советское государство постоянно заботится о нуждах своих граждан". 54% опрошенных в ноябре 1990 г. одобряют резкую критику в адрес руководства страны, поскольку считают: люди, стоящие у власти, озабочены только своими привилегиями и главное для них сама власть (мнение почти 40%). 57% требуют лишить бывшее руководство его привилегий, столько же полагают, что даже новые, демократически избранные депутаты обжоркратились. Итак, при всем ее патернализме, власть нередко рассматривается как "недостойное, аморальное дело" (для него нужны связи, деньги и т.п.) и непривлекательное занятие. И больше трех пятых ни при каких условиях не согласились бы ни на какую руководящую должность в государственной системе.

Наконец, власть в наших условиях обладает монополией на социальное продвижение индивида (перспективу и оценку его личного достижения): без ее санкции ни одна деятельность как бы не существует, либо маркируется как незаконная, образуя такие нелититимные явления, как "вторая экономика", черный рынок, "левые" заработки и т.п. феномены.

Фактически до самого последнего времени ни один из советских граждан не мог вести частного существования, не работая при этом на государство (не служа). Вместе с тем, он был прикреплен к месту своего существования и службы пропиской, и если 46% сегодня считают разумной ее отмену, то 38% - за сохранение и даже устроение ее. Пособие по временной безработице и пенсию ему не платили, если он не член государственного же профсоюза. Он не мог даже думать о какой бы то ни было руководящей должности (даже минимальной), не состоя в коммунистической партии, а для некоторых родов профессиональных занятий (органы внутренних дел, безопасность, преподавание общественных наук и т.д.) членство в партии было обязательным. Не мог он и выступать полноценным собственником, в лучшем случае (жилье и т.д.) распоряжаясь собственностью, но не имея возможности ее по своему усмотрению и без вмешательства государства продать или обменять.

Столь важное место государственной власти в жизни советских людей, собственно, и требует подробного рассмотрения роли власти в структурировании данного типа общества и идентичности советского человека, в организации его социального признания. Ввиду того, что фокус идентификации в европейском этосе нового времени связан с оценкой инстру-

ментальных достижений человека, именно они и система их стратификации взята здесь в качестве общей рамки анализа. В этих координатах будет, как мы надеемся, ясней особенность и советского человека как человека прежде всего производственного, занятого в производстве, и самого советского общества, в идеологической легенде которого тема "достижений" составляла своего рода ценностное ядро.

ДОСТИЖЕНИЯ ИНДИВИДА И СИСТЕМА ВЛАСТИ (О принципах социальной стратификации)

В разработке данной темы мы исходим из того, что согласованная и динамическая работа социального целого в нормальном современном обществе в принципе обеспечивается двумя механизмами. Один из них - максимальное стимулирование достижений индивида, другой - суммирование достигнутого каждым в рамках всего социального целого. Как осуществляется эта связь достижения с идентификацией, лежащая в основу согласованности и динамики общественного организма? Через сближение, приравнивание достижений (позиций) индивида по разным социально-значимым шкалам - образования, дохода, образа жизни, включая характер и стиль потребления, другие символические моменты, а также занятие определенной позиции в структурах власти.

Тем самым, в общественной оценке достижений каждого учитываются и согласуются различные ценности (а соответственно, в нее вкладывается, в ней участвует символический авторитет различных социальных институтов). Тем самым интегрированность общества и его стабильность достигаются посредством такой идентификации индивида, в которую входят социальное признание символической значимости личного вклада каждого, его экономической эффективности или результативности, его, в конце концов, рыночной стоимости. А в силу этого социально-антропологические характеристики индивида или группы в современном гражданском обществе неизбежно приобретают характер достижения (индивидуалистического этоса) и подлежат оценке на шкале общих универсальных ценностей, которые и образуют смысловой базис нормативной согласованности целого. Поэтому культивация личного успеха (в какой бы сфере он ни проявлялся), защищенная законами государства, в целом не ведет к аномической дезинтеграции и разрушению социального порядка, а напротив, вносит свой вклад в стабильность общества как динамической системы.

Принципиально иная картина - в советском обществе. Соответственно, необходимо говорить об иной "природе" советского человека. Мы не располагаем достоверной эмпирической базой для суждений об этом антропологическом феномене за все время его существования с 30-х годов по 50-е: оперируя данными опросов 1989-1991 гг., мы имеем перед собой результаты достаточно далеко зашедшего процесса разрушения и трансформации советского общества и советского человека. Это, конечно, ограничивает наши выводы, но, как нам кажется, не меняет их принципиального характера.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ПОЛОЖЕНИЯ

Первое, что в этой связи можно сказать о нашем человеке - он отказывается от достижения. Даже в нынешних условиях, когда известное пространство для инициативы все-таки есть, большинство советских людей не находит в повышении активности ничего привлекательного.

Что бы Вы предпочли, если бы могли выбирать?

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)
Иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	9	14	9	7	12	7	11
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	45	33	51	39	48	41	48
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	27	28	19	31	23	28	24
Иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск	10	16	3	15	6	20	9
Затрудняюсь ответить	9	8	17	7	11	6	8

- (1) в среднем по выборке
 (2) до 20 лет
 (3) 60 лет и старше
 (4) высшее и незаконченное высшее образование
 (5) 9 классов и ниже
 (6) столицы республик
 (7) поселки и села

В том, что больше трех пятых взрослых и в общем здоровых людей готовы удовлетвориться нынешним статусом, а 54% - небольшим, но фиксированным заработком, есть, конечно, элемент самозащиты от "лишних забот", возможной неопределенности, перипетий и тревожных рынков, конкуренции и

т.п. Но показателем здесь не просто отказ от собственного продвижения. Советский человек не только чаще всего не рвется к повышению сам, но и склонен сдержанно относиться к инициативе других: четверть опрошенных подозрительно и с неприязнью смотрят на "людей, которых называют инициативными".

Между тем, уровень достигнутого советским человеком в целом более чем скромнен. Если сгруппировать оценки респондентами своего места на "общественной лестнице" в соответствии с самым грубым разделением на три "класса" (или "слоя") - низший-1, средний-2, высокий-3, то получим следующую картину:

"низший" слой (ступени 1-4)	"средний" слой (ступени 5-7)	"высший" слой (ступени 8-11)	затрудняюсь ответить
49	43	5	2

Проясним реальное содержание каждой из получившихся совокупностей. Вот как распределяются соответствующие самооценки в основных профессиональных группах (в процентах к соответствующей группе):

	место на общественной лестнице (уровень)			затрудняюсь ответить
	1	2	3	
Руководители	26	61	8	4
Инженерно-технические работники	51	42	4	2
Массовые гуманитарные профессии	37	51	8	4
Рабочие, технический персонал	53	41	4	2
Колхозники	58	38	4	0
Учащиеся	48	42	8	2
Пенсионеры, домохозяйки	54	36	6	3

Минимальный разрыв между "крайними" уровнями обнаруживается у руководителей, массовой гуманитарной интеллигенции и учащихся: они лидируют как среди "высокостатусных", так и среди "среднестатусных" (руководители и гуманитария).

Однако, если взять за основу сравнения уровень доходов, то видно, что преобладают внутри этих статусных контингентов люди с доходами, близкими к прожиточному минимуму или чуть выше.

Если же дифференцирующим население признаком выбрать уровень образования, то здесь максимум удовлетворенности собственным статусом характерен для "крайних" групп

- высоко- и низкообразованных; среди самых образованных несколько выше нормы и доля "среднестатусных" (в процентах к группе по образованию):

	1	2	3	затрудняюсь ответить
Высшее+незаконченное высшее	41	48	8	3
Среднее+среднее специальное	46	47	4	3
9 классов и меньше	55	36	7	2

Обобщим. В целом дифференциация (размах колебаний) статусных оценок в соответствии с различными социальными характеристиками опрошенных невелика. Заметно уменьшает долю низкостатусных самооценок не столько доход и образование, сколько место в системе иерархии: лидером повышенных, в сравнении с другими, статусных самооценок выступает руководство. Если учесть массовость опроса и ряд социально-демографических характеристик этой руководящей группы (доход, место жительства и др.), то можно уточнить: речь идет о руководстве среднего звена на уровне столиц союзных республик (Средней Азии, Закавказья, Молдовы), малых городов, отчасти - сел. Покажем это на статусных самооценках респондентов, дифференцированных по месту их жительства (типу поселения, в процентах к опрошенным в поселении данного типа):

	1	2	3	затрудняюсь ответить
Москва, Ленинград	51	40	4	5
Столицы союзных республик	41	51	6	2
Областные центры	49	42	4	5
Малые города	53	38	8	1
Поселки, села	48	45	4	3

Бросается в глаза, что эти социально-статусные характеристики (и более других - руководящее место в системе иерархии) заметней всего повышают среднюю самооценку, но в меньшей степени - высокую. Иначе говоря, общество сравнительно слабо дифференцировано, во-первых, склонно удовлетворяться, в общем-то, малым, во-вторых, и в-третьих, наиболее сильным статусно-дифференцирующим фактором в нем выступает место в иерархии власти, которое повышает, прежде всего, среднюю самооценку.

Можно сказать, что в советском обществе почти не выражен слой "выше среднего", а "средний" сдвинут в сторону "низ-

кого", "средне-нищего" (данные о социальном статусе и доходах говорят о том же).^{*} А в таком случае, можно предположить, что установки и ценности "высших" статусных слоев (не более 5-8% в различных социальных группах) в наших условиях приближаются к этосу "среднего класса", и его роль как бы исполняет "средняя номенклатура". Но с характерной поправкой: отставая, по видимости, консервативные ценности, этот слой, во-первых, склонен удовлетворяться минимумом, во-вторых, занимает место не в системе стратификации общества, но в иерархии руководящих постов, а потому, - в-третьих, понимает, что обязан своим положением не собственным усилиям, а "заботе" государства, почему и выступает в наших условиях опорой патерналистских функций и установок власти. Так, в целом согласны на "небольшой заработок" (но гарантированный и при условии несложной работы и увеличения свободного времени) 56% тех, кто оценивает свой статус как низкий, 53% - "среднестатусных" и опять-таки 56% среди относящих себя к "высокостатусным". И если среди первых относятся к "инициативным людям" с неодобрением 22%, среди вторых - 25%, то среди третьих, "высокостатусных", уже 38%. Может быть, эта группа видит в чужой инициативе потенциальное посягательство на собственный статус? По крайней мере, благодарность государству за свое положение (как и претензии в этой связи к нему же) наиболее высоки именно у данной группы. Вот как распределяется в трех изучаемых группах отношение к государству как источнику благ (в процентах к соответствующей группе):

	Место на общественной лестнице		
	1	2	3
Государство дало нам все	4	4	6
Государство дает немало, но можно требовать большего	10	12	18
Государство дает так мало, что мы ему ничем не обязаны	11	5	10
Мы должны помочь государству, даже идя на жертвы	31	35	30
Мы должны стать свободными, заставив государство служить нам	34	32	27
Затрудняюсь ответить	10	12	9

* При этом 32% опрошенных в ноябре 1990 г. считают, что добились более высокого общественного положения, чем родители в том же возрасте, 33% находятся, по их оценке, на том же уровне и лишь 10% понизили, как они считают, свой статус.

Логично, что необходимость в "сильной руке" группа высокостатусных респондентов чувствует острее, а опасность бесконтрольной концентрации власти в одних руках, напротив, слабей: среди людей, занимающих первую, вторую и третью позиции на общественной лестнице, считают, что "нашему народу постоянно нужна сильная рука", соответственно, 23, 24 и 34% опрошенных, а считают недопустимой концентрацию всей власти в руках одного человека - 48, 50 и 43%.

Понятно и то, что высокостатусная группа чаще других считает своими праздниками именно официальные (23 февраля, 7 ноября, 1 и 9 мая), равно как и недопустимость прежде всего для этой группы обсуждения в печати и на телевидении проблем замсны политического строя, политических качеств руководства, отделения республик, полномочий КГБ, положения в армии. Наш "верхний" слой по объему сверхмалый, по уровню жизни средний, а по составу - государственно-номенклатурный.

ЧЕЛОВЕК УРАВНИТЕЛЬНЫЙ

Но "непритязательность" большинства советских людей - лишь одна сторона исследуемого нами социального характера: она обозначает степень усвоенности всеобщей нормы (о ее источниках пойдет разговор ниже), которую ее носители формулируют разными словами, но сходным образом - "я как все", "что мне, больше всех надо?", "перебьемся" и т.п. Не менее важна сторона другая: сознание своей индивидуальной недовопененности. Как это ни парадоксально после уже сказанного, советского человека можно назвать "человеком неудовлетворенным". Причем не удовлетворен он в двух смыслах.

Во-первых, тем, как оценен он сам, его способности. Практически трое из пяти опрошенных не удовлетворены уровнем своей зарплаты (декабрь 1990 г.), но лишены возможности ее повысить.

Конечно, это оценки, и момент субъективности тут отрицать не приходится. Но в значительной мере это вполне последовательный результат сознательной экономической политики государства. Если в середине пятидесятых годов размах между крайними по оплате позициями составлял (если отбросить 10% с каждого конца шкалы) 7-11 раз, то в начале 80-х он снизился до 3,5. И это вовсе не тот процесс выравнивания, накопления достижений, который наблюдается в странах успешной модернизации, когда сближение крайних позиций выражается в формировании среднеобеспеченных классов. У нас

сдерживание доходов, а потому и уровня жизни, происходило прежде всего за счет наиболее квалифицированных работников, почему и вело к понижению обеспеченности, ослаблению трудовой мотивации и социальному застою в целом. Характерно, что "провал" в сравнении с развитыми странами у нас именно в тех группах, которые следуют сразу за "верхними", тогда как непомерно низок самый нижний и ближайший к нему слой.

Но не менее существенно, во-вторых, что опять-таки большинство людей недовольны заработками и уровнем жизни "других". В декабре 1990 г. 41% опрошенных согласились с мнением, что "несправедливо, когда одни получают слишком много, а другие - слишком мало" (признали, что "без значительных различий в оплате не будет заинтересованности в работе", 38%). Ответы на вопрос о причинах высоких доходов у некоторых людей распределились так (в процентах ко всем опрошенным, можно было отметить несколько позиций):

Большинство из них наживает деньги нечестным путем	65
Доходы в нашем обществе вообще распределяются несправедливо	33
Большинство из них имеют богатых родителей, родственников	28
Большинство из них имеет деловую хватку	18
Большинство из них - способные, талантливые	18
Большинство из них трудолюбивые, много работают	9

Причем и перспективы на ближайшие два-три года 49% связывают с тем, что "богаче станут только те, кто живет нечестным трудом", 47% - с тем, что "богатые станут богаче, бедные - беднее"; с мнением, что получать больше смогут "те, кто хорошо трудится", согласились 26%.

В наших условиях у среднего человека отсутствуют два качества, крайне необходимых, чтобы реально изменить свою ситуацию, - резерв интенсификации труда и запас сбережений.

Скажем, при всем недовольстве собственной экономической ситуацией, в исследовании "Советский человек" лишь 27% готовы для ее улучшения больше работать. То, что связь между упорным, заинтересованным, квалифицированным трудом и положением в обществе, уровнем обеспеченности и т.д. в массовом сознании достаточно слаба, видно и по другим приводившимся данным. Но и с резервами не лучше. По данным мартовского (1991 г.) опроса ВЦИОМ, лишь 28% опрошенных удалось в прошлом году отложить какую-то сумму денег на непредвиденные расходы, тогда как 43% сделать это,

вопреки попыткам, не удалось. У 82% опрошенных никаких других доходов, кроме заработков на основной работе, нет; 2% занимаются индивидуальной трудовой деятельностью, столько же работают по совместительству на государственном предприятии или учреждении, 1% прирабатывает в кооперативе, 6% иногда оказывают платные услуги, 3% имеют подсобное хозяйство. Вот и все.

Но обратим внимание, насколько отрицательно смотрит наш человек на тех, кто все-таки может так или иначе добиться успеха, достигнуть значимого положения. При этом, крайне подозрительны для среднего, массового индивида сами люди, достигшие высокого социального статуса (они чаще всего квалифицируются как жулики, мафия, партOCRаты). На вопрос, какие группы имеют в последнее время более благоприятные условия для увеличения доходов, респонденты выделяли четыре ведущих группы (в процентах к опрошенным. можно было отмечать несколько позиций):

Кооператоры	68
Жулики, махинаторы	65
Работники торговли	41
Работники партийного, государственного аппарата	24

Уровень согласия по этим ведущим позициям таков, а оценки столь устойчивы, что ставить вопрос о мере их "достоверности", "преувеличениях" и т.п., излишне: перед нами общепринятые и выходящие за пределы частной ситуации стереотипы установок и оценок.

Применительно к средствам достижения статуса и обеспеченности массовое сознание ставит рядом универсальные пути к успеху (знания, умение, труд) и навыки адаптации к сложившейся системе, не важно, будут ли подобные средства признанными, "легальными" ("хорошие" анкетные данные, идеологическая лояльность) или, по декларативным оценкам, недопустимыми (подкуп должностных лиц, использование родственных и дружественных связей). Однако, проявлениям способности или сметки предпочитается везение, случай. Вот, например, как распределились мнения респондентов об оптимальной налоговой политике относительно различных доходов (в процентах к опрошенным):

	(1)	(2)	(3)	(4)
Авторские гонорары	15	31	25	26
Доходы от кооперативной и индивидуальной трудовой деятельности	4	58	16	20
Выигрыши в лотерею, спортлото и т.п.	61	14	11	13

- (1) освободить от налогов
- (2) повысить налог
- (3) понизить налог
- (4) затрудняюсь ответить

При этом, советский человек склонен индивидуальный экономический успех трактовать как несправедливый. Так, 48% опрошенных твердо против того, чтобы в стране появились миллионеры. Еще 38% готовы допустить их существование, только если эти деньги "заработаны честным путем". Подчеркнем, что само определение "честным путем" отсылает к общепринятой и установившейся официальной системе gratификации и экономического поведения, когда всем выдается в положенный день сравнительно немного и более или менее поровну. Но еще важнее другое: в списке "задач, стоящих перед страной" респонденты чаще всего отмечают позицию "обеспечить народу материальное благополучие" (38%) и вслед за этим - "установить подлинную справедливость в распределении доходов без привилегий и льгот" (29%). Агрессия, которую вызывают "бюрократы, чиновники", "партOCRаты" велика, и значительная часть опрошенных надеется в этих условиях лишь на "добросовестный повседневный труд каждого" (так ответили в исследовании "Советский человек" 47%), но все же решать задачи подобного масштаба и в интересах такой массы людей (до двух третей взрослого населения) должно, как предполагают по крайней мере от двух пятых до половины опрошенных, государство. О регулировании цен мы уже говорили. А применительно к контролю над доходами позиции распределились так: против государственного ограничения их роста - 39%, "за" - 47% при 14% затруднившихся с ответом. Советский человек - скажем, одной своей "половиной" - это, воспользуемся выражением А.Платонова, "государственный житель".

"ГОСУДАРЕВА ВОТЧИНА"

(О "советском" типе социальной стратификации)

Мы не будем сейчас даже пытаться рассмотреть, как эта ситуация складывалась исторически. Для нас достаточно, что государственная власть, апеллируя к чрезвычайному режиму достижения декларируемых социальных целей (идеологический проект бесклассового общества или, как минимум, достижения уровня промышленно развитых стран Запада, защиты "завоеваний Октября", обороноспособности и безопасности государства и т.п.), постоянно стремилась ко все большей кон-

любых иных приверженностей и связей. И как оккупационные войска не отменяют основных подсистем обеспечения жизнедеятельности города, но лишь вводят другую нормозадающую структуру, диктующую иные формы идентификации и ответственности от имени экстренного порядка (комендатуру, военное положение), так и встроенные в любой социальный институт ведомственные подсистемы и подразделения ("кадры", планово-финансовый, хозяйственный, "особый" отделы) действуют "внутри" и без них существующих образований, переопределяя и переструктурируя их деятельность.

С их точки зрения, данный институт есть инстанция, под которую фондируются строго по минимуму отмеренные государственные ресурсы, за их использованием необходим строгий контроль. Но это не значит, будто отношения советского человека с властью исчерпываются чисто инструментальными, исполнительскими аспектами, а сама она подлежит оценке по критериям эффективности. И бесконечная "работа" как "низших", так и "высших" по составлению планов и отчетов, объяснительных записок, в которых требуют экстренных средств или объясняют экстренные же перерасходы, и то место, которое план и отчет занимают во всей производственной деятельности советского человека, ни от кого внутри общества не скрывают явственно демонстративный, показательный, выставочный характер всех этих действий, создаваемый, надо подчеркнуть, обеими сторонами. И управляющие, и исполнители знают, что "на самом деле" работа протекает совершенно иначе и ни один месячный, квартальный, годовой и "пятилетний" план народного хозяйства никогда не выполнялись фактически, бесконечно корректируясь и подгоняясь под итоговые цифры отчета.

Но еще существенней другое. Власть выступает главным образом как инстанция заботы, обеспечения существования, начало сплочения, организации жизни и в этом смысле, является хранителем и гарантом социального порядка. Вот как в ноябрьском опросе 1990 г. распределились ответы об оптимальном на нынешний момент отношении между индивидами и государством (в процентах к опрошенным):

Люди должны пойти на некоторые жертвы ради блага государства	10
Государство должно больше заботиться о людях	58
Не государство, а сами люди должны проявить инициативу и позаботиться о себе	23
Затрудняюсь ответить	9

Характерно, что оценки качества начальника в этом же

опросе подчиняются тем же критериям: его характеристики как патерналистского покровителя (забота о подчиненных, умение сплотить, снимать конфликты и т.п.) оцениваются в сумме вдвое более высоко, чем его деловая компетентность.

*"Какими качествами должен прежде всего обладать руководитель?"
(Можно было отметить несколько позиций)*

Заботиться о подчиненных	49
Хорошо знать порученное дело	51
Уметь разрешать возникающие конфликты, поддерживать дружескую атмосферу в коллективе	43
Уметь заставить подчиненных выполнять свои распоряжения	14
Иметь связи среди более высокого руководства	8
Затрудняюсь ответить	4

ЧЕЛОВЕК КОЛЛЕКТИВНЫЙ

В этом измерении, с точки зрения начальника как строгого, но заботливого отца, тот или иной функциональный институт предстает как специфически-советский тип организации - "коллектив". Речь не о внутренне-дифференцированном сообществе, сплоченном ценностями, целями, связями организационной солидарности. "Коллектив" в наших условиях - это горизонтальная структура равных в их зависимости от власти и сплоченных этими властными отношениями.

С точки зрения верхних этажей власти, коллектив это "нижнее", абсолютно необходимое и вполне надежное звено в единой системе управления. Реально дотянуться до любого индивида через административную систему, как и воспитать каждого через систему индоктринации, невозможно. В этом смысле коллектив - стабилизатор чисто индивидуальных усилий, достижения и успеха. Лояльность в отношении "своих" - мощное средство нивелирования индивидуальных склонностей, навыков и воли. Средство это действует тем сильнее, что коллектив - как ему неустанно напоминает начальство - отвечает за каждого члена "всем": ресурсами, режимом деятельности, привилегиями, и при недостаточных проявлениях лояльности может этого в приказном порядке лишиться, - "один за всех, а все - за одного". Для самого же начальника коллектив - это его владение, более того - специфический ресурс. Сам он, в одном отношении - в измерении солидарности и лояльности - представитель коллектива, в другом же - в измерении иерархии и возможного продвижения - представитель власти. Осознает эту двойственность и вверенный ему

коллектив: никогда не отождествляясь с начальником, его все же считают "нашим" и избегают подводить.

Дело в том, что коллектив с помощью "характеристик" и поручительства обеспечивает своим членам известную защиту от произвола верхних уровней власти или поддержку в глазах чужого начальства - тех, кто распоряжается другими важными ресурсами (квартира, место в детском саду, путевка в санаторий или место в больнице). Индивид сам по себе, в своем обособленном существовании, оказывается в наших условиях уязвимым для любого административного насилия или давления, беспомощным в получении дефицитных благ или услуг, зависимым от всевозможного произвола. Но в качестве члена коллектива, подпадая под действие анонимной безответственности ("коллективной ответственности"), он практически недоступен - его нельзя уволить, обвинить в бездеятельности или некомпетентности.

Как и вся система советского общества, непосредственный коллектив, в котором пребывает индивид, характеризуется неустранимой двойственностью и фундаментальной двусмысленностью определений. С одной стороны, это элемент псевдофункциональной дифференциации (специализации), с другой - символическое, неформальное сообщество "своих". В первом случае ритуалами демонстративной лояльности "верху" становятся обязательные для всех собрания (открытые партийные или производственные, торжественные праздничные и юбилейные заседания), демонстрации, поездки на "овощную базу", т.е. различные формы "малой мобилизации". Во втором случае - это негласные, за закрытыми дверями, пьянки рядовых сотрудников и непосредственного начальства по поводу дней рождения, окончания работы, неофициальных праздников и т.п., периодически снимающие барьер иерархических определений. Однако все эти ритуалы не отменяют принципиального факта упрощенно-иерархической, двуслойной организации социального порядка.

С точки зрения роевого советского человека, какое бы положение или должность он ни занимал, ему как работнику противостоит начальство и власть. А с позиции "начальства", опять-таки корпоративной, вне зависимости от статуса, подчиненные - это лодыри, только и ждущие момента, когда они могут заняться "своими делами", а не "работой" - исполнением начальственных приказов и планов.

Но важно, что коллектив равных и иерархия управляющих не только противопоставлены, но и взаимосотнесены, зависят друг от друга. Место начальника в иерархии определяет-

ся как мера свободы, во-первых, от ответственности по отношению к "делу" (от связанности "внутренними" профессиональными нормами) и, во-вторых, от обязательств солидарности с "коллективом" данного уровня (непосредственными "подчиненными" или коллегами по работе). Руководители среди опрошенных в исследовании "Советский человек" в минимальной степени испытывают на себе "давление коллектива" (под его воздействием поступали меньше 4 % в этой группе, тогда как, например, среди учащихся - больше 11 %), но в максимальной мере - "давление начальства" (31 % при минимуме 7 % среди учащихся). Человек иерархический, индивид, продвигающийся по лестнице господства и подчинения, наделяется особыми полномочиями как знаком освобожденности от всех других социальных регулятивов, кроме властных отношений. В своей роли "присматривающего", если воспользоваться выражением Фазиля Искандера, он помещен вне данной функционально-дифференцированной системы отношений, не подчиняется ее нормам, императивам функциональной целесообразности, значимости профессиональных или культурных ценностей.

Но ему разрешено то, что не разрешено другим. Во имя государственной, или "служебной", необходимости он наделяется полномочиями требовать от подчиненного выполнения всего, чего захочет. Его место и вес в системе иерархии как раз и определяются объемом права "не разрешать" что-либо другим, то есть отменять действия привычных социальных или культурных норм поведения в рамках соответствующих институтов, вводить "чрезвычайный режим" в тех или иных масштабах - аврал, "черные" субботы, отправка в колхоз, обмен денег, сдвиги в календаре и проч. Тем самым носитель властного авторитета на том или ином уровне в пределах своих полномочий ограничивает или даже аннулирует действие тех или иных социальных групп или институтов, упраздняя или разрушая тем самым самодостаточность данных социальных образований. На место самоуправления вводятся механические системы административного регулирования. Их устройству, работе и ее последствиям посвящена следующая глава.

КОЛЛЕКТИВ И ЛИЧНОСТЬ

МЕЖДУ "ШАРАШКОЙ" И "КОЛХОЗОМ"

Производимый властью разрыв "естественных", не зависящих от администрации, функциональных связей, ведет к появлению специфических для советского строя социальных образований, типов коллектива. Их полярными обобщенными образцами могут выступать "колхоз" и "шарашка".* Важная для нас специфика их, помимо прочего, в том, что такие дифференцированные в современных развитых обществах сферы как государственное, публичное и частное, рабочее и свободное время, официальное и неофициальное поведение здесь пронизывают друг друга и могут быть разделены только аналитиком для специальных целей.

"Шарашка", описанная в коллективном труде "Канал имени Сталина", а позднее А.Солженицыным в его романе "В круге первом", Л.Копелевым в книге "Хранить вечно", Д.Паниным в "Записках Соловьева", анонимным автором "Туполевской шарашки" и др. - это крайне распространенная в советских условиях и долгое время закрытая для постороннего наблюдателя форма организации специализированной научно-исследовательской, проектно-конструкторской работы, военного или секретного производства, основанных на труде либо заключенных-профессионалов (ученых, техников, инженеров), либо подлежащих самому жесткому контролю и регламентации высококвалифицированных работников (т.н. "ящик"). Как правило, эта форма жизнедеятельности характерна для престижных сфер, значимых для поддержания государственных структур высшего уровня - военного производст-

* Оба эти типа соотносятся с "классическим" этапом развития советского общества - 30 - 50-е гг. - и вводятся нами здесь как генерализированные средства описания и анализа двойственной системы социальной организации, представляя лишь одно ее - коллективное, горизонтальное - измерение.

ва, космоса, государственной безопасности, разработок сырья, имеющего стратегическое значение (атомная энергетика, тонкотехнологическая металлургия и проч.).

Реальный забор с колючей проволокой и вооруженной охраной, системой пропусков и допусков и т.п. отмечают не просто физическую отделенность этих сфер от других областей социального бытия, но и границу, отделяющую "зону" от областей нормальной жизни. В частности, внутри зоны не действуют общие нормы идеологического контроля или давления, императивы обязательной лояльности, ослабляется непосредственное властное вмешательство в социальные - в первую очередь, производственные - отношения. В строгом смысле, здесь как бы устанавливаются сферы предельно допустимой для данного строя функциональной дифференциации, компетентности, максимизации достижений и деловой целесообразности. Сюда затребуются наиболее ценные ресурсы, финансы, техника, материалы, причем во многом снимаются действующие за пределами "зоны" ограничения на дефицитные продукты и средства, поскольку тут собирают и наиболее ценных, тонких специалистов своего дела - передовых областей науки и техники.

Особость режима и чрезвычайность задач, поставленных перед этими сферами, ослабляла действие многочисленных общих ограничений, например, при подборе кадров (так, здесь принимали на работу людей с "пятым пунктом", специалистов с судимостью, неблагонадежных и проч.). Ограничения на свободу передвижения и поведения, личную жизнь компенсировались более высоким уровнем зарплаты, спецобслуживанием, пайками и прочими привилегиями. Однако, важно, что сегрегированность этой зоны и ее сравнительно более высокий статус в обществе в целом абсолютно исключали изменение социального положения индивида по результатам квалифицированного труда: инструментальное достижение опять - таки не связывалось с властным кодом поведения, со статусными позициями в иерархии, с признанной идентификацией.

Эта весьма значимая в количественном отношении подсистема советского общества (достаточно сказать, что данные сферы потребляют не меньше трети всего национального дохода) - вовсе не исключение из нашей жизни, а напротив, концентрация принципиальных особенностей ее организации. Видимая рациональность и результативность производства в данных рамках достигаются за счет экстраординарного режима существования, а не технологической эффективности или рациональной организации. Секрет высокого качества

продукции этих отраслей состоит вовсе не в эффективности труда, а в "безлимитном" потреблении ресурсов. Если необходимо, можно отбраковать 95% всей произведенной партии изделий, но, увеличив масштабы производства, в сумме составить общий объем плана на необходимом "высоком" уровне качества. Перед нами не автономия, а пародия на автономию и функциональную дифференциацию, на рациональность и эффективность. На самом деле, здесь нет никакого соревнования и конкуренции, а есть многократное дублирование, избыточность, запланированная властью в своих целях и интересах. Характерно, что здесь не действуют и не могут действовать ни механизмы экономического, рыночного обмена, ни принципы правовой регуляции.

Мечтать о таком типе жизни, как воплощенном "порядке" можно только по контрасту с "общим режимом", который воспринимается как нормальный "бардак". Но характерно, что альтернатива этому "порядку" в нынешних условиях усиливающегося кризиса опять-таки видится многими в столь же жестко отграниченных барьером и наделенных особым статусом "свободных экономических зонах", а не в общем пространстве свободного рынка.

Другой полюс властной организации советского общества представлен "колхозом": это своеобразная форма уравнилельной жизни. Здесь важны три принципиальных характеристики. Во-первых, - принудительный, экономически не вознаграждаемый труд, предельно неквалифицированный или с систематически снижаемой квалификацией и при полной подконтрольности начальству. Во-вторых, устранение любой функциональной дифференциации и соответствующей социальной мотивации. Иными словами, здесь не значимы способности, склонности, заслуги, личные достижения и индивидуальная эффективность. И, в-третьих, тут сняты статусные различия.

Примечательно, что именно раскрестьяненая, околхозная часть населения жестче, чем какие-либо другие категории общества, противостоит любому виду индивидуальной активности и достижения, но наиболее чувствительна к неравенству, вне зависимости от того, чем оно вызвано - заслугой, работой, инновацией и т.д. Именно сельские жители сегодня чаще других возражают против попыток реформирования системы. Сравним в разных типах поселений России долю отрицательно относящихся к приватизации предприятий того или иного размера и к частной собственности как таковой (февраль 1991 г., в процентах к опрошенным в данном типе поселения):

место жительства респондентов	одобрение приватизации		одобрение частной собственности как таковой
	мелких предприятий	крупных предприятий	
Москва, Ленинград	14	25	12
Областные центры	13	41	18
Села	31	55	36

Соответственно, идентификация с государством среди сельского населения выше, почему и в обменные отношения сельские жители предпочли бы вступать с ним, а не с другими частными лицами. Сопоставим ответы о том, кому допустимо продавать землю в случае ее приватизации:

место жительства респондентов	только государству	кому угодно	затрудняюсь ответить
Москва, Ленинград	32	46	22
Областные центры	37	30	33
Села	48	21	31

На селе заметнее испытывают на себе давление коллектива (так считают 13% колхозников при 5% в среднем по стране - данные исследования "Советский человек"). Но выше здесь и доля тех, кто связывает порядок и стабильность прежде всего с жесткой централизованной властью: убеждены, что "нашему народу всегда нужна "сильная рука", 38% колхозников (при 24% опрошенных в среднем по стране). Выше на селе и приверженность к идеологическим догмам, обеспечивающим функционирование социального целого. Так, если среди жителей Москвы и Ленинграда за сохранение неделимого Союза, по российскому исследованию в феврале 1991 г., высказалось 41%, то на селе - 77%; "родиной" своей считают Союз 17% первых и 32% вторых, тогда как Россию, соответственно, 50 и 26%.

Вместе с тем, эти данные уже не просто итог насилия или принуждения со стороны власти: это его "положительный" результат, вошедший в сознание, ставший образом мыслей. Именно среди сельского населения наиболее высок процент тех, кто чувствует себя, по их признанию, "свободным". И если среди населения в январе 1991 г. было больше всего тех, кто считает, что лучше всего сегодня живут как раз в деревне (43% опрошенных), то так же полагали и сами сельские жители (44%). Этот тип жизнеустройства создан властью: здесь порог запросов снижен даже в сравнении со средне-советским, тогда как возможности индивидуального (семейного) выживания

ния за счет подсобного хозяйства несколько выше. Кроме того, сельское население живет в условиях более жесткой информационной блокады, поэтому оно и используется представителями номенклатуры как специфический ресурс поддержки. Характерно, что представители партаппарата и военно-промышленного комплекса во всех последних избирательных кампаниях предпочитали баллотироваться именно в деревне, а не в крупных городах. Важно еще и то, что недовольные заданным уровнем из сел уходят. Потому население здесь становится все старше и в этом смысле - консервативней.

Нужно, однако, заметить, что "колхоз" как тип социальной организации давно и далеко вышел за рамки села (как "шарашка" - за пределы научно-исследовательских институтов). Более того, этот режим существования используется властью как социально-пропедевтическое средство в определенных временных рамках едва ли не для всего населения: "поход на овощную базу" и "отправка в колхоз" долгое время были фактически обязательны для всего взрослого населения за исключением беременных и парализованных.

"Колхоз" и "шарашка" - не просто конкретные примеры производственных единиц или даже образа жизни. Скорее, речь идет о двух принципах морфологической организации советского общества, пронизывающих все социальные сферы и институты, на любом уровне социального существования и взаимодействия.

"Колхоз" в этом смысле является вменяемым и задаваемым нормативным пределом социальности, своего рода социальным дном, "низом", вне зависимости, еще раз повторим, от того, в какой сфере он действует. Это алгоритм или модуль социального упрощения общества, элементарного социального порядка, организованности советской жизни по горизонтали. Не надо думать, что это лишь результат чистого насилия или состояния предельной угнетенности (хотя психологический фон этих отношений зачастую именно таков). Он может быть даже кратковременным состоянием реализованной мечты о всеобщем единении, коллективной эйфории чрезвычайности, вовлеченности всех и каждого, когда стираются любые статусные и социальные различия. Это ситуация аврала, большой беды в том смысле, как понимает это М. Жванецкий ("большая беда нужна"). Так, по воспоминаниям, переживается вторая мировая война - своего рода звездный час человеческих отношений, так описывается ликвидация чернобыльской аварии (в официальной пропаганде моделью таких отно-

шений долгое время служила сусальная картина ленинского "субботника").

В противовес этому "шарашка" обозначает границы допустимой для данной системы социальной сложности и разнообразности, локализованной или капсулируемой функциональной дифференциации. Если через колхоз власть "обучает" подданных равенству (и его позитивной оценке), то через "шарашку" население обучается ценить иерархию как гарантию привилегий, усваивать ее функциональный смысл. Власть вводит границу (поэтому у ворот стоит представитель власти - пусть даже у него просто красная повязка на руке) и размечает иерархию допусков и привилегий (от праздничных заказов для ветеранов и инвалидов, когда обычный магазин закрывают на "спецобслуживание", до продуктовых наборов в обкоме).

"Шарашка" - это минимум функциональной дифференциации, который допустим в иерархическом обществе тоталитарного толка и без которого не могло бы существовать все целое. Иными словами, "шарашка" обозначает "вертикаль" для закрытого общества. В этом смысле колхоз и шарашка взаимодополнительные системы. Препарированные и осмысленные идеологически, два этих принципа организации трансформируются в два различных поведенческих кода или ключа и вполне могут сочетаться в каждом конкретном случае, специфически перекодируя ситуацию для того или иного участника.

При этом отмена идеологического контроля в зоне шарашки ведет к тому, что сама шарашка "исключается" из официального образа реальности, витринного и демонстрируемого парадного существования. Поэтому секретность шарашки - оборотная сторона показного, полностью сбалансированного порядка, каким он предъявлен в планах и отчетах (хотя, разумеется, каждый ребенок в городе знает, где "делают ракеты"). Напротив, колхоз - идеологически акцентированное предприятие и форма коллективности, а потому она предъявляется как специфически советская форма общежития, "выставочный образец" организации общества. Его "изнанкой" является скрытая реальность неэффективного подневольного труда, нерационального расходования ресурсов и обязательных приписок.

МЕЖДУ "СДЕЛЬЩИНОЙ" И "ТУФТОЙ"

Поскольку описанные системы организации жизни претендуют, каждая по-своему, на тотальный охват всего поля социального существования, то ответом на повсеместное и

постоянное принуждение является со стороны индивидов не усиление эффективности деятельности, не экстенсивное расширение сфер рациональной мотивации или оптимизация поведения и в этом смысле - не усиление функциональной специализированности, а напротив, выявление ресурсов защитного снижения продуктивности. Такими механизмами выживания в условиях всеобщности колхоза являются халтура и туфта как всеобщие типы поведения тех, кто уравниен перед требованиями администрации.

Халтура - ресурс индивида, не располагающего никакими иными средствами противостоять давлению власти, своеобразная форма борьбы за выживание. Она заключается в систематическом ухудшении качества выполняемой работы, в отказе от принятия всерьез тех норм и предписаний, которые считаются необходимыми и обязательными начальством. Контроль власти за самостоятельным производительным трудом (выражающийся либо в прямых запретах, либо в ограничении прав работника распоряжаться собой и принимать технологические решения самому, либо в установлении заниженной нормы оплаты, "потолка" зарплаты) получает свой "негатив" в виде либо показного исполнения, либо работы худшего качества с несоблюдением трудоемких технологических инструкций и норм. Иными словами, здесь имеет место расхождение с должными нормами профессионального поведения, работа по правилам "колхоза", демонстративное соблюдение коллективной лояльности, и не более. Это работа "на начальство".

Напротив, туфта - явление столь же всеобщее - представляет собой приписки в отчете или рапорт о несделанной работе, предъявляемые вышестоящим инстанциям. Без нее невозможен ни один баланс плановых отчетов любого уровня - от бригады до государственного пятилетнего плана и государственной статистики в целом. Благодаря всеобщности туфты и создается официально или идеологически приемлемый образ реальности - образцового предприятия, государства социального обеспечения, военной супердержавы и т.п. Понятно, что 58 % советских людей согласны с мнением: "Важно не то, как ты работаешь, а насколько хорошо ты умеешь отчитаться", и только 20 % этой точки зрения не разделяют.

Поскольку напряжения на основной, законной работе фиктивны, а царит показуха, высвобождаются ресурсы и возможности для собственного дела, для выживания, будь то приработки (левая работа в рабочее время на рабочем месте, использование государственных материалов и оборудования,

транспорта или энергии для работы на себя или для заинтересованных лиц), либо работа дома, на своем приусадебном участке и т.д.* Чтобы оценить важность подобной, весьма продуктивной деятельности, укажем лишь, что на личных подсобных участках (у колхозников, рабочих совхозов, а также работников промышленных предприятий, располагающих своими участками) производится 59 % всего объема произведенного в стране картофеля, 58 % плодов и ягод, 30 % мяса и овощей.**

Характерно, что в "левой" работе ("калмы", "сдельщины" и т.п.) начинают действовать проторыночные, договорные отношения, оплата по квалификации и труду. Таким образом, можно сказать, что вся сфера достижения мотивации благодаря оккупационному характеру власти и идеологической селекции вытеснена из публичного существования в области частной или семейной жизни. Напомним, что в соответствии с семантикой официальной речи, пропаганды и СМК, все "частное", "личное", "обусловленное собственным интересом" до последнего времени расценивалось негативно как "своекорыстное", "эгоистическое", "рваческое", противопоставлялось "всеобщим интересам" и подлежало осуждению.

Сам факт наличия халтуры и туфты, никем и никогда не подвергавшийся сомнению, нетерпимый и в то же время неистребимый, говорит о том, что с помощью этих обозначений описывается принципиальная структура взаимодействия руководителя с подчиненным, чиновника с просителем и т.п., которая самими участниками изменена быть не может. И не может потому, что поведение человека в системе любой организации содержит неупразднимую двойственность определений. С одной стороны, он носитель определенных функциональных качеств и свойств, вытекающих из характера деятельности этой организации (компетентности, квалификации и т.п.). С другой - государственный служащий, обязующийся лояльностью в отношении всего символического целого или представляющих его инстанций.

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ВЛАСТИ И ДВОЙНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

На уровне власти две этих ипостаси представлены в ролевом разделении авторитетов на любом производстве или в любой советской организации: всюду есть свои командир и комиссар (политработник), директор и первый отдел, заведу-

* См. Тимофеев Л. Технология черного рынка, или крестьянское искусство голодать. - Октябрь, 1990, N 7.

** Народное хозяйство СССР в 1989 г. М., 1990, с. 519.

ющий и парторг. Понятно, что в обществе они представлены разными социальными институтами, обеспечивающими согласованность всего социального целого - партийными органами и их системами контроля и устрашения (КГБ), с одной стороны, и хозяйственными связями и системами административного управления, с другой. Даже если они объединены в одном лице, то аналитически должны быть разведены.

Социальный смысл этих образований различен. Партийные органы в целом обеспечивают сохранение авторитета и структуры власти на каждом уровне и в каждой точке функциональной дифференциации (на каждом уровне организационного управления - ведомства, предприятия в целом, в цехах, отделах и т.д.), контролируя иерархическую систему позиций и статусов (кадровый контроль, формирование актива, обеспечение порядка продвижения и проч.). Хозяйственно-административная же система обеспечивает деловое и функциональное исполнение, эффективность деятельности. При этом приоритеты - бесспорные и однозначные - отданы сохранению символического целого, которое "выше" интересов любых отдельных функциональных звеньев и образований.

Важно, что не свободен не только подчиненный, но, как мы уже показывали, и начальник: ведь он связан со своим статусом, с местом в иерархии не деловыми качествами (компетентностью, знанием дела и т.п.), а лояльностью в отношении инстанций, поставивших его на эту должность. Иными словами, любой советский служащий, вне зависимости от положения в системе иерархии, находится под двойным контролем и двойной оценкой - символического поведения в отношении структур власти и исполнительской деятельности по отношению к инструментальным и деловым предписаниям как работника. В этом смысле социальный порядок обеспечивается не деловой рациональностью и эффективностью, хотя именно это, казалось бы, является предметом административного управления, а символическими значениями самих властных отношений и позиций, интегрирующих и связующих отдельные образования в систему. Приоритет лояльности в отношении власти над собственно деловыми качествами обеспечивается уже и попросту тем, что даже минимальное социальное продвижение в наших условиях (по меньшей мере до конца 80-х) годов, было обязательно связано с членством в партии. Благодаря партийности руководства любого уровня и достигалась организационная связанность всего целого бюрократического управления обществом. Если говорить о функциях в обществе, то можно сказать, что партийно-властные структуры берут на

себя задачу его механического интегрирования, вытесняя или замещая социальные механизмы рынка. Идеологическая лояльность в отношении власти - это в наших условиях превращенный заместитель денег, компетентности и заслуги.

Каждый из функциональных императивов системы, претендующий на контроль всего и применительно к любому, может, соответственно, выступать специфическим ресурсом исполнителя относительно требований целого. Поэтому рядовой работник систематически не подчиняется начальству, делая вид, что исполняет его распоряжения. (Так, по данным ноябрьского опроса 1990 г., поступают 21 % ответивших, еще 16 % добросовестно исполняют даже нелепое распоряжение, 11 % пытаются уклониться от исполнения и 29 % открыто указывают начальству на ошибочность приказа.) Но и его непосредственный начальник вынужден идентифицироваться со своим коллективом, дабы ослабить прямое и весьма осязаемое давление на себя властных структур.

Поскольку государственная (идеологическая и партийная) лояльность не включает в себя достижительских критериев эффективности, инструментальной рациональности, а производственное достижение не гарантирует социального статуса и в строгом смысле вообще не связано с адекватным вознаграждением и социальным продвижением, то внутри самой системы советского общества (равно как и в устройстве советского человека) заложено неустрашимое противоречие. Невозможно заставить работать индивида без реального вознаграждения, а вознаграждать его невозможно, не признавая значимости индивидуального достижения, способностей, компетентности и не увеличивая тем самым авторитета работника. А это, по условиям монополии на власть, невозможно без разрушения самой власти. Поэтому понятно, что в советской действительности имеют место не фактическая лояльность, но и не фактическое исполнение той или иной функции в организации любого типа, а их разыгрывание, демонстративное внешнее исполнение. Причем эта демонстрация - что очень важно - взаимная: она идет и "сверху" и "снизу", идет согласованно, так что на этом согласии покоится все социальное целое советской системы.

МЕСТО В ИЕРАРХИИ И САМООЦЕНКА ИНДИВИДА

Нельзя сказать, чтобы свое незавидное положение в обществе советский человек совсем не осознавал. Но оценка собственных деловых качеств, с одной стороны, и вознаграждение за сделанное, с другой, идут дифференцированно; различают-

ся оценки себя, ближайшего окружения, обобщенных "других" и, наконец, начальства. В оценке себя как работника советский человек не склонен прибегать к крайним позициям, он придерживается скорее средних баллов. Причем оценка эта не индивидуальная: ровно так же он оценивает и коллег, тем самым идентифицируя себя с коллективом (опять-таки как работника среднего, обычного). Зарплату же однозначно оценивают как слишком низкую и реже - как нормальную. Зарплата начальника подавляющим большинством рассматривается как нормальная и завышенная (данные ноября 1990 г., в процентах).

Оценка уровня зарплаты

	"слишком низкая"	"адекватная"	"слишком высокая"	затрудняюсь ответить
Своей собственной	59	36	1	4
Начальника	14	51	18	17

Подчеркиваем: речь идет не об индивидуальных оценках, а об устойчивых групповых нормах, фиксирующих принципиальные позиции в распределении власти: это ее (власти) анти-проекция, "массовое сознание" - менталитет колхоза. Именно эта "крышка" не позволяет "высовываться" никому.

Сопоставим оценки себя и коллег в качестве работников (по школьной пятибалльной системе, в % к ответившим, приводим доли процента, чтобы показать близость оценок себя и других):

Оценка рабочих качеств	"я"	"коллектив"
1	0,9	1
2	1,5	1,7
3	22,8	22,7
4	59,6	59,1
5	15,2	15,4

Жесткость коллективной нормативной регуляции, как говорится, бросается в глаза: по коду лояльности к системе доминирует оценка "четыре". Причем держат планку на этом уровне как раз "высшие" государственные ранги - начальство и военные. Так, ставят себе "четверку" (в процентах от соответствующих групп):

Руководители предприятий	74
Офицеры Советской армии, органов внутренних дел	67
Гуманитарии	60
Руководители отделов, секторов и т.п.	57
ИТР	55
Разнорабочие	53
Квалифицированные рабочие	51
Работники технического обслуживания	51
Колхозники, рабочие совхозов	49

Именно руководители выступают как самые "скромные", адаптированные к системе: она работает на средних и через средних, усредняя тех, кого сама назначила "высшими". Напротив, те, кому нечего терять, отчасти освобождены от давления стандартов "скромности", отчасти же компенсируют высокой самооценкой собственное униженное положение.

Оценки же начальников подчиненными идут по другому коду - коду иерархии. Поэтому руководство склонно оценивать тем выше, чем больше у него подчиненных. Руководителям, у которых от 1 до 5 подчиненных, ставят "4" в 56 % случаев, до 15 человек - в 68 %.

В свою очередь, начальник оценивает подчиненных тем критичнее, чем у него их больше: это отношения превосходства. То же сохраняется и применительно к равным по статусу: здесь можно говорить об отношениях соперничества. В отношении вышних действует код угодничества.

То же можно показать и на удовлетворенности оплатой труда: начальник тем довольнее зарплатой, чем больше людей у него в подчинении. Не столь тривиально другое - у членов КПСС удовлетворенность зарплатой в полтора-два раза выше, чем у комсомольцев и беспартийных. Еще раз повторяем: власть не связана с компетентностью (именно поэтому в ее оценке и работает такой фактор, как количество подчиненных), а меряется свободой от лояльности в отношении своего коллектива. Отсюда и связь оценки начальства с членством респондента в партии, то есть его лояльностью в отношении начальства и целого:

партийные характеристики опрошенных	оценка начальства	
	"четыре"	"пять"
Члены КПСС	40	16
Члены других партий	20	7
Беспартийные	28	13

Удовлетворенность своим положением в советских условиях отнюдь не связана с высотой статуса или уровнем доходов. Больше того, "давление начальства" чувствительней всего, как мы показывали, именно для представителей начальства. Они же лидируют по степени уязвимости для "социальных" страхов, больше других групп боясь массовых репрессий (21% при среднем по стране 13%) и публичных унижений (33% при среднем 18%). В известном смысле, чувство несвободы усиливается пропорционально степени сложности социального окружения, индивидуации личности, ее автономности, уровню культуры и объему символического капитала. В этом смысле можно сказать, что усиление чувства зависимости - это плата за сложность. Тогда как простые "колхозообразные" структуры - это гарантия чувства нормальности, нечувствительности к стеснениям. Система власти работает на упрощение и социального устройства (именно это обеспечивает ей необходимую проницаемость социальных связей для доминирования и давления), и индивида: в идеале, он ничего не требует, ощущает себя нормально ("зато ни от кого не завишу") и отвечает ей лояльностью. Сравним данные в крайних статусных и культурных группах: чувствуют себя несвободными (в процентах к опрошенным в соответствующей группе):

муж.	жен.	20-39 лет	60 лет и старше	высшее образ.	9 классов и ниже	крупнейшие города	село
50	42	59	22	53	35	55	38

Ощущают зависимость от начальства: не имеющие книг - 17%, располагающие 500-1000 книгами - 36; от государства: среди не имеющих дома книг - 19, имеющих свыше 1000 томов - 30%. В национальном разрезе: зависимость от начальства минимально ощущают узбеки (9%), максимально - латыши (61%), от коллектива - минимально таджики и туркмены (0% и 4%), максимально - литовцы и латыши (19 и 33%).

ФОН СУЩЕСТВОВАНИЯ: 1. СТРАХ ПОДНАДЗОРНОГО

Советский человек долгие годы жил и во многом доныне существует в атмосфере тотального, диффузного страха перед насилием и репрессиями. Какими бы ни были источники этих чувств - опыт революционного насилия в период гражданской войны, раскулачивания, борьбы с вредителями, шпионами и диверсантами, ограничение гражданских прав прежних имущих классов и сословий, мобилизационный режим управления в тех или иных регионах (или периодах становления со-

ветской власти), страх перед преступниками и хулиганами на улицах, в транспорте и т.п. - они создают специфический психологический настрой повседневного существования каждого. Рационализироваться он может и в образах вымышленных врагов (иностранцы, шпионы, империалисты) или "реальных" преступников. Однако функциональная роль этого компонента существования заключается в том, что повседневная жизнь для многих - это жизнь в горизонте страха, угрозы насилия, повседневной настороженности. Презумпция виновности, выдвигаемая и обосновываемая такими сталинскими юристами, как Вышинский, лишь формальное выражение этого обстоятельства.

Практически половина опрошенных испытывает страх стать жертвой того или иного преступления (декабрь 1989 г., в процентах к опрошенным):

Опасность очень серьезна	15
Опасность достаточно серьезна	31
Опасность не очень серьезна	30
Опасность совсем не серьезна	18

Еще заметнее страх произвола начальства на работе. Если вычесть 22% не работающих респондентов, то в процентах к ответившим величина подобной опасности в последние годы распределяется для респондентов так (ноябрь 1990 г.):

Испытывают очень часто	19
Испытывают иногда	50
Никогда не испытывают	31

Но еще важнее то, что ежедневное правонарушение предопределено: оно непреложно фактически, а не просто скрыто в потенции. В ситуации распределения всех материальных ресурсов и благ, тотальной регламентации повседневного поведения человек как объект государственной собственности (наряду с государственным имуществом, правами и обязанностями, включая свободное время, частную жизнь, потребительское или прокреативное поведение) не может не нарушать какой-либо из норм административного, уголовного права, должностных инструкций (огромная часть которых представляет собой регламентацию только для служебного пользования и по определению не может быть известна индивиду). Ни один технологический процесс, ни одно из жизненных проявлений не может быть реализовано и осуществлено без нарушения какого-либо пункта, статьи или положения, утвержденного властными инстанциями. Лишь 30% людей считают, что

в стране можно жить, не нарушая какого-либо закона, тогда как 51 % уверены в обратном (данные ноября 1990 г.). В декабре 1989-январе 1990 г. на невозможность решить важную проблему, не используя незаконных путей, указали 54 %. Полная регламентация, к которой в принципе тяготеет советское управление, порождает, как это сформулировал в свое время Дюркгейм, повседневное беззаконие. Речь не только об огромной армии заключенных (среди которых значительную часть составляют люди, не могущие считаться правонарушителями в других странах - так называемые хозяйственные преступления), но и о массовом воровстве (несуны), спекуляции, взыточничестве, дисциплинарных проступках, без которых вся социальная жизнь в обществе с нерыночной экономикой просто бы прекратилась или развалилась. В результате около трети советских людей были судимы сами или имеют судимых среди родственников.

ФОН СУЩЕСТВОВАНИЯ:

2. НЕДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНОСТЬ К СОСЕДУ

Другим модельным чувством, действующим в отношении обобщенного партнера, у нас является зависть.

Зависть в отличие от конкуренции можно описать как негативную форму социальности и социальной идентификации. Ее функциональная нагрузка - дисквалификация потенциального партнера, перекодирующая его в противника. Этим производится как бы символическая компенсация за блокированную возможность социальной мобильности: зависть как культурный механизм мотивации работает не на собственное продвижение, а на преграждение пути другому. Тем самым вновь удостоверяется значимость власти и выдаваемых ею дефицитных благ, но на индивидуальном уровне - повторяется действие государственного контроля над мобильностью подданных: индивид сам выступает теперь в отношении другого элементом системы, ее деталью, "винтиком". Иначе говоря, здесь проявляется (и усиливается индивидом, становится рутинным функциональным компонентом практически любого действия) особый мотивационный "узел", механизм социальной селекции, действующий на уравнивание и понижение. Можно было бы назвать его механизмом деградации, который отражает мотивационную структуру соревновательности, конкуренции, но в "черном" зеркале властно-уравнительного сознания, сознания, уравненного властью и перед властью. Так формируется фундаментальное отношение к социальному партнеру как конкуренту за дефицитное благо или элемен-

тарное удобство (чувство магазинной очереди или транспортной давки). Во многом эти чувства окрашивают, например, отношения жителей больших городов к выходцам с периферии, приезжающим за продуктами и товарами (до полного развала открытой торговли в 1990-91 гг.), к мигрантам, "беженцам". Характерна агрессивная реакция "человека в очереди" на "других" у почти половины опрошенных в исследовании "Советский человек".

Что Вы подумаете, если встанете в очередь, а товара Вам не хватит?

Нужно было всем давать меньше, тогда досталось бы и мне	18
Развелось слишком много имеющих льготы, а остальным не хватает	14
Если товара не хватит на всех, вообще не надо торговать, дразнить людей	8
Досадно, но ничего страшного, возьму в другой раз	44
Затрудняюсь ответить	14

Оборотная сторона этой агрессивности в отношении других - ощущение равнодушия окружающих, недоверия к ним, социальной заброшенности. Приведем распределение ответов на два вопроса по этой теме из декабрьского исследования ВЦИОМ 1989 г. (сравнив данные второго из них с более поздним):

Согласны ли Вы с нижеследующими суждениями?

Люди в большинстве пекутся не только о себе, стараются помочь другим	35
Люди чаще всего заботятся лишь о своей выгоде, судьба других им безразлична	55
Затрудняюсь ответить	10

	декабрь 1989 г.	январь 1991 г.
Людам можно доверять, они не подведут	54	36
Людам доверять, на них полагаться чаще всего нельзя	40	41
Затрудняюсь ответить	7	23

Уровень исходного доверия к людям - презумпция нормальной социальности - в обществе снижается, тогда как мера привычного недоверия остается неизменной, достигая двух пятых населения. Сравнивая данные 1989 и 1991 гг., видишь, как нарастает число затруднившихся с ответом, прежде отвечавших на вопрос с благожелательностью к ближним. Отметим, что в этих же рамках конструируется, становится действующим, получает функциональную нагрузку образ "внешнего" и "внутреннего" врага (как и его "мягкий" вариант и двойник - отбракованный "неудачник"). Тема неудачи, прова-

ла, поражения, отщепенства, ставшая государственной в период планового вытеснения и истребления целых слоев и групп прежней социальной структуры в "героический" после-революционный период, характеризует крайне важный для данного общества процесс и механизм селекции нормативных качеств "нашего" человека, разбора и сортировки "социально-близких", "попутчиков". Так складывается реестр типических свойств и черт, запрограммированных дистанцией до нормы и фиксируемых на шкале социальных позиций от "власти" до сознательных "подданных"; все, кто за ее пределами, расцениваются как "чуждые", "негодные".

Объем подобного "отсева" в советском обществе несопоставим ни с каким другим. Готовность власти (и лояльных к ней подданных) считать браком целые слои общества, народы и др. в этом смысле сопоставима лишь с отношением начальства шарашки к нелимитированным ресурсам, которых не жалеют, чтобы дать 5% продукции нужного качества. Это подводит нас к теме "природы человека" в советской трактовке.

ИЕРАРХИЯ КАК АНТИКУЛЬТУРА

Определение себя как человека советского означает, по-вторим, отождествление с властью как источником (или гарантом) любых благ и в этом смысле - носителем позитивных значений, относятся ли они к самому индивиду, его личному или семейному благополучию, либо к уровню и престижу державы. Не противоречим ли мы себе, когда говорим это, а с другой стороны утверждаем, что враждебность и порождаемый ею страх составляют нормальный модус жизни нашего человека, входят в само его определение? Нисколько.

Страх и заставляет принять этот строй жизни, потому что только власть и может обеспечить здесь социальный порядок - указать человеку место в системе социальных связей, социальных ролей внутри всего целого. Поэтому повседневное существование индивида проходит на самой границе законности, он чувствует постоянную опасность оказаться обвиненным, живет жизнью потенциально поднадзорной, и, соответственно, сам страх удостоверяет его в качестве "гражданина". "Боюсь, следовательно, существую". Степень страха долгие годы была мерой дееспособности власти, в свою очередь, служившей залогом порядка, нормальности.

Но тем самым, власть становится мерой социальной значимости индивида, его признания как социального существа. Иными словами, внутреннее отношение к власти является или

становится собственной антропологической характеристикой социальной природы человека в его всеобщности. В этом смысле власть редуцирует культуру, если под последней понимать смысловое, ценностное разнообразие, в чем бы оно ни выражалось (сексуальное поведение, кулинарные вкусы и традиции, установки в отношении смерти или символических кодов реальности - искусства, религии и т.п.). Механизм воспроизводства властных отношений данного типа, структуры советского общества работает как устранение или дисквалификация любых иных возможностей самоопределения, признания ценностей, которые могли бы служить основанием для кристаллизации самодостаточной личности или автономной группы. Дело не в прямом насилии - хотя мера его применения в данном обществе в прошлом превосходила всякие мыслимые пределы, а в идентификации с властью и целым. Механизм подобной идентификации запускался официальной партийной идеологией.

Как показало время, заменить или устранить какую-либо из реально действующих культурных систем (науку, искусство, религию), равно как и привить населению "марксистскую" догму в сколько-нибудь серьезных масштабах не удалось (убежденных сторонников "научного коммунизма" сегодня насчитывается не более 4-5%). Гораздо важнее, как нам кажется, было другое: выданный идеологией от имени высшей власти мандат на нигилистическое отношение к любым символическим значениям, к ценностям любых культурных систем, а также к самой идее автономности, самооценности и самодостаточности культуры. В каком-то смысле, говоря словами Достоевского, было "все дозволено". Перечислять опустошенные действием этого "мандата" сферы жизни не имеет смысла, их было достаточно много, существенен общий механизм.

Он сводился к перекодировке, пересинтерпретации или переоценке принципиальных моментов как современных, так и традиционных ценностных систем, могущих быть основанием потенциального авторитета. В этом смысле ставится под подозрение, подвергается критике или вовсе уничтожается идея любого другого независимого от власти авторитета - будь он семейным, групповым или профессиональным. Равно отрицательно оцениваются и средства его достижения, личного успеха, не санкционированные государством или его субститутами. Прежде всего - это рациональность и ее критерии (например, эффективность), а также действие универсальных

средств обмена, делающих индивида независимым от структур власти, - деньги, информация.

В процессе официальной перекодировки "свобода" другого выступает с точки зрения власти как скрытая ангажированность и претензия на господство, "вседозволенность", информация - как "манипулирование" или "клевета", разум - как "расчетливость", "хитрость", "лицемерие", "бездушность", искусство - как безответственное, паразитическое занятие или раздувание низменных инстинктов и т.п. Алгоритмы этой перекодировки заключаются в переводе культурного кода на природный, а универсального - на частный и партикулярный.

Иными словами, идеологический смысл производимой операции состоит в снижении авторитета культуры, культурности, в уничтожении смысла культивирования, рафинирования какого-либо смыслового или ценностного качества, т.е. в своеобразном "развоспитании". Это один путь.

Другой - грубое, жесткое упрощение и ограничение развитой системы взаимодействия, сведение механизмов коммуникативного и символического обмена до моделей индивидуальной, причем - чаще всего традиционной или архаической мотивации. Чрезвычайно важно, что в любом случае идеологическое понижение ("юрродство лукавого упростиельства", по выражению Ф.Степуна) осуществляется как отыскивание "скрытых", низменных мотивов или обстоятельств за сложными или высокоорганизованными формами поведения, межинституционального или межгруппового взаимодействия, и в этом смысле сопровождается подозрением, что индивид что-то скрывает, что он не искренен. Отсюда, опять -таки, представление о потенциально всеобщей криминальности общества или индивида, а с другой стороны, такой способ организации социальной жизни, который предполагает безусловность всеобщего контроля, ограничиваемого только физическими ресурсами и систематической халтурой.

Тем самым, запланированное снижение культурного многообразия, ценностного плюрализма выступает идеологическим ресурсом власти. И не просто механизмом насилия, средством социального контроля, но устройством, поддерживающим необходимость этой власти и "разумность" насилия, оправданность претензий на всеобщую мобилизацию и чрезвычайный режим управления. Иными словами, именно это снижение культурного горизонта обуславливает легитимный консенсус в отношении власти ("с нами иначе нельзя!").

Поскольку же власть долгие годы обладала монополией на смыслополагание, на интерпретацию реальности не только

своих, но и чужих действий, то все социальные отношения перекодировались так, что частным интересам властей придается значение всеобщности, всеобщий и парадигмальный смысл - модус императивного предписания, нормативности. Напротив, универсальным механизмом регуляции, идеям, ценностям отводятся значения частного, ограниченного, чужого и неприемлемого, даже незаконного. В результате не только культура как сфера рафинирования и традиционных и экспрессивных значений, но и рутина повседневного существования, заботы и радости человека с точки зрения власти теряют свою значимость: они второстепенны, малозначимы и с ними, в лучшем случае, мирятся как с естественными отправлениями.

ФОН СУЩЕСТВОВАНИЯ:

3. МАТ КАК ИНСТРУМЕНТ ВСЕОБЩЕГО ПОНИЖЕНИЯ

Однако полное уничтожение культурного и социального ресурса означало бы для власти уничтожение собственной базы существования (системы воспроизводства вне коллективных форм, т.е. семьи, приватности, культуры, частного интереса). Поэтому любое социальное образование, любая социальная структура в организациях данного типа получает двойственную структуру - номинально властные и реальные ресурсные компоненты: парадно-ритуальные и идеологически-риторические формы соединяются с "презренной прозой", низкой природой некодифицированных отношений. "Толкач" и "взятка" - неизбежное дополнение распределительной экономики, первенство по числу абортів - изнанка ханжеской официальной морали и специфической организации здравоохранения и медицинской промышленности, грубость нравов - редуцированный ответ идеологической риторики "нового человека" и т.п. "Словесные оскорбления" в своей жизни помнит каждый третий советский человек; среди людей с высшим образованием эта цифра достигает 40 %, руководителей - 41 %, представителей гуманитарных профессий - 45 %, среди москвичей - 60 %, а у наиболее культурно-квалифицированной части, среди имеющих самые крупные домашние библиотеки - 62 %. Остановимся в этой связи на особой роли матерного языка.

Мат у нас это не просто язык оскорблений: в этом случае он был бы локализован особыми характеристиками ситуации употребления. Мат - нормальный язык социального взаимодействия, демонстрирующий систематическое поругание высшего понимания человеческой природы, последовательное

снижение вплоть до автооскорбления, самонасилия, симптом присутствия власти как "культурного" элемента в любом социальном проявлении. Значимость и демонстративность матерного языка на всех уровнях и практически во всех жизненных ситуациях не могут быть объяснены лишь остаточным влиянием лагеря или блатного мира на язык общества. Скорее, это самосвидетельство общества о конститутивном характере принуждения как кода социальной организации советского типа, немыслимой без ежесекундного, нормального ощущения себя изнасилованным существом. Этот символический элемент, разумеется, может меняться и замещаться другими семантическими компонентами (например, начальственное "ты" или стандартная грубость работников обслуживания, невозможность повседневного обращения "господин" или "госпожа" и другой уважительной к собеседнику титулатуры). Лишь 7% людей не сталкивались с государственным "хамством и равнодушием", треть к этому привыкла и терпит, лишь 11% удается, активно протестуя, переломить ситуацию. 37% считают, что хамство со стороны начальника - в порядке вещей и даже необходимо. Каждый девятый, а в Москве, Ленинграде - каждый шестой, переживали и физические унижения.

Мат - это онтологический уровень социальности в советском обществе, его антропологическая норма. Русская матерщина проникает в языки всех народов Советского Союза. Главный момент, который фиксирует здесь уловос человеческое качество, может быть эфемистически и фигурально выражен как опущенность, забитость, униженность, изнасилованность. В этом смысле семантика принудительного или перверсивного полового акта точно отражают человеческие параметры обобщенного партнера.

Вездесущность мата означает всеобщность низкой природы, намеренную оскорбительность в принципе, а не только в отношении того партнера, к которому прямо обращена матерная речь. Эта вменяемая оскорбительность отражается в ответах респондентов как общая грубость людей, хамство и т.п., возглавляющие список того, "от чего следует избавиться нашему обществу". Речь не просто об эмпирической распространенности брани, а о принципиальной оскорбительности стоящего за этим видения реальности как нормы и модели, как безусловного определения советского человека, "совка".

В этом смысле, мат это язык, дополнительный по отношению к риторике официальной речи, составляющей с ней неразрывную пару иерархического взаимодействия, разговора с вышестоящим или нижестоящим. Универсализм мата уничто-

жает саму презумпцию культурности как автономной субъективности, поскольку вводит общее мерило или основание, разрушающее принципиально любой смысл рафинируемости. В этом положении культура может рассматриваться только как приличия, т.е. как цензурирующие нормы внешнего поведения, фальшивые, театральные-нечестные по самой их сути. Напротив, мат выступает как коммуникативный базис принудительного, уравнительного понимания другого, его ценностей, мотивации, его статуса - эквивалент естественности, "естества". Дело не в том, каким является тот или иной субъект взаимодействия сам по себе - важно, каким он задается, что ему вменяется "на самом деле". Эта апелляция к горизонтальной лояльности и идентичности ("не возникай", "не высывайся", "будь проще") предполагает не просто круговую поруку изнасилованных, но является и своеобразной защитой власти от конкуренции с нею, возможной как сопоставление разных легитимностей, разных культурных оснований, ценностей.

Наличие этих разных языков - идеологического (собственно официальной власти), мата, культуры (в первую очередь языка письменной культуры, "классической" литературы) и повседневного, бытового, фиксирующего рутинный ресурс повседневного существования, воспроизводит не просто частичность или дробность социального бытия, но многозначность, многоаспектность любого сегмента социальной жизни, возможность ее перекодировки, выражения на любом из этих языков. Сфера значений каждого из них является ресурсом соответствующих социальных структур. Но "законодательным", управляющим, социально упорядочивающим все возможные контексты иерархический социальный строй является только язык официальной власти.

Таким образом, в советском обществе мы имеем дело не с дифференциацией различных социальных сфер, функционирующих в соответствии с собственной логикой развертывания соответствующих социальных отношений и взаимосвязей, а с парцелляцией, дроблением, сегментацией общества, механически упорядочиваемого лишь иерархическими властными отношениями.

ПРОЦЕСС И РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИАЛЬНОГО ОТБОРА

В общем смысле можно сказать, что система власти, выступая как механизм организации всей социальной жизни, воспроизводит свою структуру, поддерживая и воссоздавая нормативный состав контингента подданных. При этом разделяют-

ся, отбираются и закрепляются определенные типы человеческого материала, наборы стимулов и мотивов действия, представления об авторитете, норме правильного поведения. В результате любая подсистема обучения в советских условиях (независимо от содержания передаваемых навыков - корпуса знаний и умений) обязательно имеет своим отдельным предметом обучение послушанию и доминированию.

Для первого организуются ситуации символического снятия предшествующих (домашних и т.п.) социальных и культурных определений. Отсюда - долгое время бывшая обязательной в школах короткая стрижка, форма одежды и т.п., специальная оценка за "поведение", требования неукоснительного подчинения учителю, лояльности в отношении "своих товарищей" (нарушитель "подводит весь класс"). Для второго - обеспечиваются особые ситуации ограниченного рамками и этим контролируемого начальством доминирования - милитаризованного и принципиально нейтрального поведения. Обычно, эти возможности - стать дежурным "по чистоте", старостой, звеньевым, председателем совета отряда или дружины, комсомольским вожаком - предоставляются не в качестве вознаграждения за образцовые инструментальные достижения (сообразительность, знания и т.п.), а за демонстративную лояльность "высшим" и проявляемую готовность руководить своими сверстниками, т.е. быть свободным от обязательств перед ними и связанным обязательствами лишь перед дарующей привилегии властью. Ситуация на "неформальном" уровне (анти-лидер класса - заправский хулиган со своими подручными и т.п.) лишь повторяет официальную структуру. Относительно этой главной - властной - оси структурообразования можно наметить и ряд основных типов человека.

1. Начальник (заведующий, бригадир, "бутор", "хозяин") представляет собой обобщенную роль доминирования. Он обладает максимумом полномочий в заданных сверху пределах - предприятия, лагеря, отрасли и освобожден от формальных обязательств по отношению к подчиненным. В этом смысле его общая функция - разрушение любых сложившихся и претендующих на самодостаточность образований и отношений, равно как и на независимость самого индивида-подчиненного. Поэтому он, обязанный лояльностью лишь назначившей его власти, имеет "право" даже на нарушение конвенций элементарной социальной, вынужденной все-таки учитывать значимость рутинного порядка.

Склонность к чрезвычайным мерам (увольнение, снятие с должности) в этом смысле его функциональная особенность, ролевое определение. В принципе он и назначается как раз в те коллективы, которые, по мнению, вышестоящей власти, "разболтались", неэффективны, не хотят и не могут работать "как надо", т.е. апроприировали неподобающе большие ресурсы пассивного выживания, слишком "туфтят" или "халтурят". Но тем самым начальник свободен и от ответственности перед подчиненными (поскольку мера его ответственности определяется только вышестоящей инстанцией). Систематическая переброска его с одного места на другое должна обеспечить полный контроль над различными сферами управления, а тем самым - установленный порядок и режим существования всего целого. "Человек со стороны", специалист, назначенный руководителем для наведения жесткого порядка, - переходный вариант этого типа, выработанный в 70-е годы (так называлась известная тогда пьеса И.Дворецкого).

Понятно, что классической выраженности этот тип достиг в фигуре "уполномоченного", "ответственного", который всегда "работал на тех участках фронта, куда его посылала партия". К концу 70-х годов этот тип практически начал сходиться на нет, поскольку бюрократия сама, исходя из интересов своего сохранения, парализовала его активность и потенциалы чрезвычайных полномочий. Геронтократия 70-х годов стала лишь феноменальным выражением этого процесса склеротизации чрезвычайщины, дегеронизации системы. Исчезая как реальный функционер, как часть тотального механизма власти, этот типаж сохраняется в мифологии бюрократии и коллективных представлениях о легитимности иерархии власти. Он воспроизводится в ностальгических воспоминаниях о "большом порядке", по ироническому выражению Бориса Слуцкого ("Порядок был, большой порядок"), необходимости "железной руки", о "хозяине, при котором все было в магазинах", "цены снижались" и т.д., во многом входит в массовые представления об армии и госбезопасности, сохраняющих достаточно высокую авторитетность до последнего времени (и тем более высокую, чем ниже авторитет центрального руководства).

Роль его в организации не просто производства, но и всей социальной жизни на примере лагеря и фигуры бригадира показана Варламом Шаламовым. "Бригадира переводят на новую бригаду, чтобы не пропал опыт. Бригадир расправляется с новой бригадой. Бригадир жив, а бригада его в земле" ("Леша

Чеканов, или Однодельцы на Колыме"). * Как видим, по своему функциональному назначению эта роль подобна "крысиному волку", т.е. особи вожака, специально дрессированной для уничтожения себе подобных. Понятно, что память или ответственность за сделанное при этом принципиально отсутствуют, поскольку время и его наполнение в виде выслуги, наград, позиций, чинов и проч. отмеряет только власть.

2. Помощник ("правая рука", а на неофициальном, прибалтненном языке "шестерка", "подголосок"). Его функция - посредничество между коллективом в режиме "колхоза" и властью. Для власти, начальства он разыгрывает коллектив как образец чисто лояльного поведения, задавая разметку соответствующих позиций. Но самое важное, что он выступает внутри коллектива агентом власти, поддерживая в нем необходимый уровень разобщенности, позволяющий управлять другими членами или звеньями подвластной системы. Без этой роли власть не в состоянии осуществлять свою основную функцию - структурирования всего социального порядка, экспансии в иные системы социальных отношений и сфер существования. Собственной власти или авторитета у "шестерки" нет, он связан с хозяином личными отношениями следования, служения, зависимости, поскольку собственно инструментальными умениями или квалификацией не располагает.

3. Полноту же представления интересов власти, обеспечение ее "легенды" как власти легитимной, опирающейся на поддержку народа, авторитет у "всех прогрессивных классов" и т.д. берет на себя "парторг". С одной стороны, относительно вышестоящих, он обеспечивает "парадное", "витринное" представление о характере работы и жизнедеятельности коллектива, с этой точки зрения по своему контролируя деятельность начальника. Этим самым, кстати, гарантируется взаимное сдерживание и контроль властей разного типа и уровней. С другой стороны, относительно подчиненных "парторг" - это звено добавочного или параллельного контроля над подвластными, но не в отношении их инструментальных достижений или исполнения своих производственных функций, а исходя из соображений лояльности данного коллектива ко всему порядку властных отношений, т.е. по отношению ко всей иерархии. Третья функция - диффамация образов возможных кон-

курентов, противников и "чужих". Как и "шестерка" (или помощник), парторг должен обеспечить необходимый уровень внутренней "склоки", конфликтности, без которой невозможно управление данного рода. Понятно, что эти роли могут достичь своего развития уже в поздний период разложения системы, по меньшей мере - в фазе рутинизации чрезвычайного режима террора и устрашения. В функции "парторга" входила и селекция тех членов коллектива, которые выбивались из требуемых рамок демонстративной лояльности. Систематические профилактические разборки "морального облика" или "политической зрелости" устанавливали санкционированный порядок послушания и исполнения на самых разных уровнях организационной иерархии.

Совершенно логично, что от "парторга" не требуется деловая компетентность и заинтересованность собственно инструментально-функциональными аспектами организационной деятельности. Его карьера идет параллельно иерархии собственно административного продвижения, но не сливается с ней.

4. "Исполнитель" представляет собой противоположный конец шкалы распределения власти: он - человек лояльный. Иначе говоря, его идентичность обеспечивается принадлежностью к коллективу одинаковых и задана властью, а его инструментальные навыки и производственные обязанности ограничены административной инструкцией и начальническим приказом. Возможное разнообразие определений простирается здесь между различными (реализованными на разных фазах советской истории и ныне распределяемыми по разным возрастам и регионам) моделями подданного с их разным уровнем включенности в целое и типами позитивной мотивации к исполнению - "энтузиаст" ("коммунист"), "винтик", "честный работник" и т.п. Кроме того, различия диктуются известным исходным, "природным" разнообразием человеческого материала - половым, национальным, региональным и др. Важно, что эти как бы "природные" характеристики (и в этом - одна из задач идеологии) переозначиваются: они рассматриваются как моменты (ограничения или, напротив, плюсы) усвоения нормативного кода власти и подчинения. Причем организован этот порядок индоктринации (и в конечном счете интеграции с властью) как возрастная последовательность, своего рода очередь ожидающих повышения, увеличения элементарных благ и т.д. - стаж, выслуга и другие моменты, сегрегирующие людей и структурирующие общество с точки зрения отделов социального обеспечения. Вместе с тем, эти

* Шаламов В. Перчатка или КР-2. Рассказы. - М., 1990, с.196. Ср. у Солженицына "... бригада это такое устройство, чтоб не начальство законов поучало, а злы друг друга. Тут так или всем дополнительное, или все подыхайте". (Солженицын А. Один день Ивана Денисовича. М., 1963, с.30)

отметки сигнализируют и о степени выработанности человеческого материала, порядке его замены. Во многом этот человек - взятый в подобной утрированности характеристик подчинения - есть один из аспектов легенды власти и прикрывает халтуру, туфту и другие ресурсы выживания.

5. "Работник" ("работяга", "специалист") составляет необходимый резерв выживания всей системы, поскольку лишь он обладает, с одной стороны, нужной для созидательной работы квалификацией, а с другой - мотивацией к совершенствованию, максимизации способностей. Его характеризует, в принципе, непринудительный труд и в этом смысле - некоторая неподневольность существования в целом. Показательно, что в нынешнее время ИТР демонстрируют значительное дистанцирование от власти (гораздо большее, чем гуманитарная обслуга массовых профессий), известную критичность. "Специалисты" и образуют такую организацию как "шарашка". В этом смысле власть никогда до конца не устраняет "специалистов", (а это может быть и реальный крестьянин-работник, важно, что он - не колхозник), но превращает их в "спецов", и между ними заключается своего рода договор.* Он дает специалисту как "спецу" право на интерес и собственное понимание дела в обмен на известный объем работы в пользу начальства и всего "колхоза". Этим работяга включается во всеобщее двойное поведение и двоемыслие, составляющее конститутивную характеристику здешней организации социальной жизни.

Специфической формой "повышения" специалиста является назначение его "лауреатом" ("стахановцем, орденоносцем" и т.п.). "Сталинские соколы" как собственно в авиации, так и в спорте, на производстве, в науке - это "боковой" вариант карьеры - обретение почетного статуса, но чаще всего без реальной власти. С другой - это фактическое отстранение от профессионального дела. И по линии инструментального достижения, и по оси властной иерархии подобное назначение есть, по сути, дисквалификация (ср., например, судьбу Шолохова, космонавтов и т.п.). Характерно, что подобный избраннык непременно наделяется качеством "человека из народа" и становится "образом народа", каким бы его хотела видеть власть сквозь очки идеологии. Этот вариант роли "шестерки" естественно, контрастирует с "работягой" и "исполнителем".

* Ср. такую характеристику властей, относящуюся уже к 1930 г.: "Трезвое отношение к частнику, которого при случае можно использовать" (Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом. Л., 1989, с. 103; о халтуре - там же, с. 137).

6. Социальный предел - границу социальных связей и отношений - составляет "антипод". Этот человек выпал или исключен из системы власти и поэтому не обладает никакими социальными определениями. Он - объект негативной идентификации для любого "достойного" члена общества, поскольку "хуже любого", "ниже всех". Понятно, что подобный объект обозначается не социальными, а опять-таки природными характеристиками, но теперь они уже носят на себе след негативной оценки, отторжения, расподобления. Пример такой отрицательной характеристики - "бомжи", тогда как позитивная характеристика - обладание ПМЖ (постоянным местом жительства). В принципе это проекции социальной угрозы, но не со стороны соперничающей силы (противника, врага, хотя он и может при символическом поругании получать подобные обозначения), а со стороны бесструктурности, неопределенности, своего рода "стихий асоциальности".

РЕЗЕРВЫ СИСТЕМЫ

Попробуем связать сделанные по ходу анализу обобщения с характеристикой сегодняшней ситуации.

Многие из приводимых данных свидетельствуют: всерьез рассчитывать на одобрение подчиненных ни один начальник не может. Царит достаточно устойчивое недовольство каждым отдельным руководителем. Не может он похвастаться и своей авторитетностью: ею не обладает и весь корпус правящих в своей конкретности - совокупности данных лиц и фамилий. Вызывают массовое раздражение конкретные действия и проявления власти - прежде всего коррумпированность, хамство, равнодушие - "бездушность" - начальства. Параллельно этому растет, как свидетельствуют наши данные, и диффузная агрессивность в отношении окружающих людей, недовольство повседневными условиями жизни. И тем не менее, решающих действий и заметного перелома ситуации ни со стороны власти, ни со стороны подчиненных не происходит. Ситуация неопределенности лишь затягивается.

Растет ощущение, что власти в стране нет ни у кого (так считали 58% в конце 1991 года). Нынешние структуры руководства теряют популярность от месяца к месяцу. Уверенность людей в будущем систематически снижается. Казалось бы, в этих условиях, по аналогии с историческим опытом нашей и других стран, можно было ожидать массовой потребности в сильном вожде, "твердом порядке", "жесткой руке" и тому подобным авторитарно-харизматическим экспектациям. Неко-

торые данные последних месяцев будто бы дают основу для подобных тревог. 51 % респондентов в августе-сентябре 1990 г. на вопрос: "Согласны ли Вы с тем, что сильный руководитель может сделать для стран больше, чем все законы и парламентские обсуждения?" ответили согласием. Твердого порядка в стране (декабрь 1990 г.) хотят 69 %. За необходимость порядка высказались в июне 1992 г. 63 % россиян (из 1667 опрошенных), за демократию - 17 %.

Разберемся в этих ожиданиях чуть подробнее, идя от ожиданий в отношении ближайшего руководства.

От руководителя не слишком ждут каких-либо новых идей или программ деятельности. Но незыблемым условием является негласная санкция коллектива на занятие должности: согласились бы занять руководящую должность, только если их выдвинет коллектив, 18 %; столько же ставят условием свободу действий, остальные условия упоминаются реже. В этом смысле начальник нужен строгий (так считает 54 %), но заботливый. В принципе он должен стать символом коллектива, его единства, получив за это мандат на управление. Целедостижительные моменты, рациональные соображения об эффективности управления явно отступают перед символическими и интегративными (скажем, специальное образование считают необходимым для руководства лишь 11 %). А сплотить подчиненных он может в силу своих нерядовых качеств, "способностей" ("особого таланта" для руководства людьми требуют 49 %).

Обобщим: он должен быть человеком системы (это и есть необходимый ему "опыт руководителя", который считает нужным 25 %) и вместе с тем быть готовым порвать с ней, встать "на сторону" подчиненных, повернуться лицом к ним. Собственно, это и есть тот "шаг", которым измеряется сейчас в наших условиях социальное движение в аспекте власти: один, самый лучший, критичный член системы должен символически сменить направление ориентации, источник своей авторитетности.

Тем самым заключается как бы негласный договор, обеспечивающий длительное "сотрудничество", ассоциацию и взаимозависимость власти и подданных, начальника и подчиненных, администрации и граждан. Власти при этом предоставлено право "не разрешать", не вызывая бунтов и открытого неповиновения ("ты дай мне жить..."). А за это с их стороны ожидают особого рода "терпения", снисходительности - способности смотреть сквозь пальцы на некоторые нарушения и отступления от правил, позволяющие "населению" существо-

вать и самообеспечиваться. Это и есть люфт взаимодействия и для населения, и для власти. Коротко говоря, система руководства в целом, ее рутинный порядок продолжают приниматься как должные. К крайностям относятся либо настороженно, либо явно отрицательно, поскольку это грозит "беспределом" или "полной нищетой".

Ситуация неопределенности достаточно серьезна. В массе преобладает осторожный скептицизм в отношении власти в целом и ее реформаторского руководства. 48 % респондентов полагают, что доверять можно не идейному вождю или носителю какого-либо учения, той или иной партии или структуре, а лишь собственному "здравому смыслу". Это последнее обстоятельство, видимо, и есть наиболее важная черта нынешней ситуации. Как бы был широк спектр различных причин, по которым отказываются от упований на харизматического лидера, веры в его сверхъестественные качества, в способность вывести из ситуации крайней нужды, прорваться к иной смысловой реальности, дать новое откровение или учение и тем самым сплотить общества в целом, - общий баланс настроений оказывается выжидательным. На новые жертвы государству, новые испытания сегодня общество не подвигнуть никому. (Это, разумеется, не значит, что в отдельных анклавах или регионах не может появиться харизматической фигуры, но она вряд ли будет пользоваться признанием за пределами своего региона.)

И потому, несмотря на все раздражение и недовольство властью, ее слабостью и недееспособностью, 51 % опрошенных решительно высказываются против концентрации власти в одних руках. Но и готовности предъявить к руководству требования компетентности, профессиональных знаний, соответствующей квалификации, образования не ощущается. Важнейшими ожиданиями в отношении начальника являются забота о подчиненных, а от подчиненных ожидается за это лояльность и поддержка (или, в языке советской коллективности, "доверие и ответственность", "сознательность"). Ресурс прочности самой системы власти в этом смысле оказывается много большим, нежели можно было бы предполагать, если опираться на отдельные реакции населения.

Из ситуации не видится определенного выхода в обозримый и подлежащий планированию срок еще и потому, что альтернативных сил и фигур, если говорить серьезно - то есть, альтернативных по ресурсам авторитетности, по выдвигаемым целям - нет. Система организации, конституция власти, как и многие десятилетия, все еще предполагает и системати-

чески осуществляет подавление даже потенций какой-либо конкурентной силы - на любом уровне и на самых ранних фазах формирования. Сам порядок идентификации и продвижения по служебной иерархии исключает возможность функциональной дифференциации. В этом смысле элиминируются процессы возникновения и развития различных элит, средства их культивации и взращивания, возможности взаимодействия (упорядоченного, институционального) со структурами власти. Таким образом, не возникает и альтернативной картины мира, иного видения реальности, а соответственно, и другой инструментальной политической или социальной программы, которые могли бы обеспечить изменение базиса власти и властных отношений. Способный на альтернативные идеи андерграунд заведомо отказывается от политических претензий. А поскольку власть контролирует порядок воспроизводства в масштабах всего общества (система образования, подготовка кадров и проч.), оттесняя возможных конкурентов от этой сферы едва ли не строже, чем от любых других, то возможность формирования иной мотивации поведения, кроме привычной, в сколько-нибудь широких масштабах пока что невелика.

ШКОЛА ЖЕСТОКОСТИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Витальные темы болезни, смерти, страхов, влечений в их связи с проблематикой пола, возраста и т.п. в нашем исследовании приобрели особую постановку. Суть ее - в соотношении всех названных предельно интимных тем с рамкой предельно широкого масштаба - с государством. Его воздействием на все стороны жизни советского человека не обойдена и жизнь внутренняя.

В современном советском сознании эти темы быстро отвыкают себе место, на которое прежде не допускались. Страна тонула в ежедневном и еженощном насилии, творимом в камерах и бараках, но в публичное нормативное общественное сознание темы насилия, смерти, как, впрочем и секса, сумели не впустить. По свидетельствам наших респондентов, только у 28 % в их семьях старшие говорили с ними о репрессиях, тюрьмах, ссылках. Разговоры с родителями о смерти всплывает 11 %, о сексе - 4 %, о самоубийстве - 2 %. Предельные состояния человека и общества как таковые были табуированы.

Благодаря гласности подобная тематика широко выплеснулась на страницы массовых изданий. (Так, 54 % узнали о репрессиях 1930- 50-х годов посредством чтения.) Меняется и представление о соответствующей норме. Табу на обсуждение полномочий осуществлявшего эти репрессии КГБ требует сохранить только 6 %, однако обсуждать проблематику секса в печати пока не готова почти втрое большая доля людей (17 %).

В отношении к насилию существуют весьма значительные различия со стороны разных групп, из которых состоит общество: мужчин и женщин, старых и молодых, образованных и необразованных и т.д. Чтобы заметить порядок в распределении мнений в обществе и связать мнения о насилии с особен-

ностями строения нашего общества и спецификой его главного героя - "советского человека", мы двинемся "от противного". Рассмотрим социальную позицию, которая в наименьшей степени ассоциирована с насилием, и соответствующие представления о человеке, его наиболее ценных чертах. А для этого вначале воспроизведем весь так или иначе значимый реестр давних черт, дав его в кросс-культурном сопоставлении.

ДВА ОБРАЗА ЧЕЛОВЕКА

Сравним, какие качества в первую очередь хотели бы видеть у своих детей матери в США и в СССР.

Американские данные собраны в ходе опроса женщин - жительниц небольшого американского городка в штате Индиана, повторяющего и развивающего классическую работу супругов Линд в 1920-е гг.*

Качества, которые в первую очередь женщины хотели бы видеть у (своих) детей

США 1978 (опрошено 374 женщины)		СССР 1989 (опрошено 1417 женщин)	
1. Независимость	75,8	1. Уважать родителей	70,6
2. Терпимость	46,8	2. Быть честными, порядочными	70,6
3. Забота о судьбе других	25,7	3. Стремиться к знаниям	48,2
4. Откровенность	25,5	4. Стараться понять другого	47,3
5. Хорошие манеры	23,3	5. Любить свой дом, родину	47,0
6. Исполнение того, что требуется от прихожанина	22,4	6. Быть самим собой	32,5
7. Экономность в трате денег	16,8	7. Быть экономными	29,4
8. Беспрепятственное поступание	16,8	8. Открыто говорить, что думают	25,3
9. Любознательность	9,9	9. Уметь быть счастливыми	15,8
10. Знание гигиены половой жизни	7,8	10. Не забывать своих корней	12,2
11. Сосредоточенность	7,7	11. Помнить о праздниках за грехи	7,8

* Результаты цитируются по: Alwin D.F. Changes in traits desired in children. - Public Opinion Quarterly, 1988, 52:33-52.
Lynd R.S. and H.M.Lynd. Middletown: a Study in American Culture. New York: Harcourt, Brace & Co, 1929.
Lynd R.S. and H.M.Lynd. Middletown in Transition: A Study of Cultural Conflicts. New York: Harcourt, Brace & Co, 1937.
Caplow T. and H.M.Bahr. Half a century of change in adolescent attitudes: A replication of a Middletown survey by the Lynds, Public Opinion Quarterly 43:1, 17, 1979.

США 1978 (опрошено 374 женщины)		СССР 1989 (опрошено 1417 женщин)	
12. Отличные оценки в школе	6,3	12. Не выделяться	7,5
13. Умение ценить искусство, музыку, поэзию	4,8	13. Не упускать своего	6,6
14. Патриотизм	4,5	14. Работать для общего блага	6,5
15. Стремление сделать себе имя	0,9	15. Во всем стремиться к новому	5,6
		16. Быть хитрей, не давать себя провести	5,4
		17. Уметь довольствоваться малым	4,9
		18. Стремиться занять видное положение	3,5

Сравнение результатов всесоюзного исследования с результатами исследования в одном небольшом городе, разумеется, не может считаться вполне корректным. Но следует отметить достаточно высокую степень сходства выбранных (независимо) американскими и советскими исследователями наборов "родительских чаяний".

Развитие американского общества вело к изменениям в ориентациях людей, в том числе в их родительских пожеланиях. Увидеть эти изменения можно, проследив за тем, как менялась за полвека после исследований супругов Линд иерархия этих пожеланий, отражаемая в их порядковых номерах или, иначе, рангах. Положительная разность рангов говорит об увеличении веса данного мотива в общественном сознании респондентов, отрицательная - о падении его распространенности. В приведенной ниже таблице указаны разности рангов и их знаки.

Черты и качества, предпочитаемые в детях.

Динамика приоритетов в США, сравнение США и СССР

	Ранги			Разность рангов	
	СССР 1. '89	США 2. '24	США 3. '78	2-3	1-3
Терпимость, эмпатия	3	10	2	+8	+1
Работа для общего блага, забота о других	10	8	3	+5	+7
Независимость, верность себе	5	5	1	+4	+4
Стремление к новизне, любознательность	11	12	8	+4	+3
Сосредоточенность, хваткость	9	9	9	0	0
Прямота, откровенность	7	3	4	-1	+3

	Ранги			Разность рангов	
	СССР 1. '89	США 2. '24	США 3. '78	2-3	1-3
Поиск высочестатусной, авторитетной позиции	12	11	12	-1	0
Стремление к знаниям, успехи в школе	2	8	10	-2	-8
Экономность в тратах	6	4	6	-2	0
Ценности религии, церкви	8	1	5	-4	+3
Патриотизм, верность дому	4	6	11	-5	-7
Уважение к родителям, послушание	1	2	7	-5	-6

Различие между иерархией предпочтений у советских женщин, опрошенных в 1989 году, и у американок, опрошенных в 1978 году, как можно видеть из таблицы, в значительной степени сопоставимо по тенденции со сдвигами в ответах американок разных поколений. (Что видно из значительного числа совпадений разности по знаку). Это позволяет предполагать, что советское общество претерпевает изменения, которые относятся в общем и целом к той же линии трансформаций, на которой лежит эволюция американского общества. При этом, однако, расчеты показывают, что пожелания советских женщин конца 80-х годов находятся ближе к пожеланиям американок середины 20-х (суммарная разность рангов по модулю 33 пункта), чем к пожеланиям американок конца 70-х (суммарная разность рангов по модулю 42 пункта). Более того, они ближе к Америке времен исследования супругов Линд, чем сама Америка времен повторного исследования (суммарная разность рангов по модулю 41 пункт).

Две позиции, снискавшие наибольшую поддержку у нас в стране, - регулятив "порядочности", как и ценность "почтения к родителям", - при сравнении показали свою специфичность для советского общества. (Не менее специфичным для него является слабая проявленность ценностей независимости и толерантности). Существенно, что эти специфические черты поддерживаются женщинами сильнее, чем мужчинами. Это говорит о принадлежности данных черт воспроизводственной, стабилизирующей, сохраняющей существенные и устойчивые качества социальной подсистеме. Данную проблему мы и рассмотрим теперь подробнее.

"ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ"

Итак, среди качеств, которые надлежит иметь детям, наиболее широко советскими женщинами отмечаются два: "уважать родителей" и "быть честными, порядочными". Но и уровень их поддержки в целом по выборке таков (67-68%), что заставляет считать их общепринятыми.

Однако есть группы, в которых поддержка этих принципов много выше средней. Можно полагать, что эти группы и выступают в обществе как "держатели" данных норм и ценностей. Некоторые из групп "держателей" - возрастные. Иными словами, особая приверженность таким взглядам связана не с "природой" данного человека, не с его характером или воспитанием, а с его возрастной или половозрастной ролью. (Но есть группы иного типа, в них приверженность этим принципам связана не с возрастом или полом, а сама выступает группообразующим фактором, о чем мы скажем ниже).

Что касается почтения к родителям, то за него наиболее активно выступают люди в возрасте родителей, имеющих подростков или почти взрослых детей (т.е. детей в таком возрасте, что можно ставить вопрос о наличии или отсутствии уважения с их стороны).

Три четверти (!) женщин 30-40 лет и мужчин 40-50 лет выдвигают этот принцип почтительности. (Но среди их "сыновей" его поддерживают в полтора раза реже). Те же группы (и еще интенсивнее) акцентируют и общую норму честности и порядочности. Надо отметить, что вообще ни одна половозрастная группа не печется так сильно о какой-либо норме или ценности, как эти две "родительские" - о порядочности и честности. Но их озабоченность этими фундаментальными для взаимодействия регулятивами объясняется видимо еще и тем, что сыновья вдвое меньше, чем отцы, склонны поддерживать эту норму.

Такой принцип, как "работать для всеобщего блага" - сильнее всего поддерживают "дедушки". "Не забывать своих корней" - пожелание "бабушек". Возвращает к теме честности призыв пожилых - учить детей "открыто говорить, что думают".

Среди молодежи, напротив, наибольшее по сравнению с другими возрастными группами уважение получают принципы из иного кодекса - "быть хитрей" и напрямую относящийся к насилию - "уметь ударить первым".

Налицо предпосылки (или следы?) конфликта "отцов и детей". Мы не хотели бы морализировать ни по поводу самого

конфликта, ни по поводу "нравственного облика молодежи". Добавим, что мы склонны рассматривать эту коллизию в данном случае как структурную, то есть связанную с действием механизма социализации, смены возрастных ролей (См. также в главе "От поколения к поколению").

По поводу же только что упоминавшихся максим "добропорядочности" наше исследование позволяет узнать, кто их "главный блюститель", постоянный приверженец, то есть какая группа исповедует эти принципы как абсолютные.

Если мы выделим в пределах опрошенного нами контингента лиц с высшим образованием, выписывавших на момент исследования "толстые" литературно-художественные журналы, собравших домашние библиотеки объемом более 0,5 тысяч книг и отвечающих всем этим признакам одновременно (назовем их "тип И"), мы обнаруживаем весьма значительные отличия в их позициях по различным вопросам жизни общества от позиций людей, не характеризующихся ни одним из этих признаков (назовем их "тип Н").

Например, отвечая на вопрос анкеты "как следовало бы поступить с гомосексуалистами", тип Н чаще всего, а именно в 36 случаях из 100 выбирает наиболее репрессивный вариант общественной реакции - "ликвидировать". "Тип И", напротив, этот вариант выбирает реже всего: менее 4 человек из 100 в пределах этого типа готовы поддержать "ликвидацию" гомосексуалистов. Подобные различия прослеживаются и в ответах на другие вопросы об отношении к различным девиантам. В 2,4 раза чаще, чем "тип Н", респонденты "типа И" высказываются за отмену смертной казни. В качестве меры борьбы с преступностью они вдвое чаще выступают за необходимость не только карать, но и исправлять преступников (29% против 15%), воздействовать на всю общественную среду (61% против 28%). (В дальнейшем мы вернемся к этим сюжетам). В полтора раза чаще они выступают за право человека на свободный выезд из СССР. Среди них за это - абсолютное большинство в 65%, тогда как среди "типа Н" относительное большинство в 44%.

Позиции "типа И" относительно политических перспектив нашего общества характеризует резкое неприятие "сильной руки". В среде респондентов "типа Н" соотношение сторонников и противников "властного руководителя" 1:1,5, в среде же респондентов "типа И" это соотношение 1:7.

Для более образованных групп, связанных с печатным словом, фундаментальной является норма свободного обсуждения в прессе любых проблем. Поэтому "тип И" в 2,3 раза чаще

"типа Н" утверждает, что нет таких проблем, которые было бы нельзя обсуждать в печати и на телевидении (соотношение 47% : 21%). Эта установка находится в соответствии с приоритетной ориентацией интеллигенции на свободу и демократию в обществе. В определении "главных задач, стоящих перед страной" эта группа ставит на первое место (47%) "построить свободное демократическое общество", придавая этой задаче в полтора раза более важное значение, чем следующей за ней. Для "типа Н" же цели свободы и демократии оказывались на момент исследования оттеснены на пятое место. На первое место поставлена задача "обеспечить народу материальное благополучие" (40%).

На фоне мнений большинства, названного нами "типом Н", мнения сравнительно малочисленной группы более образованных, самостоятельных и критичных в суждениях ("типа И") предстают как своего рода маргинальные случаи, смещения к одному из полюсов мнений, существующих в обществе по большинству вопросов. Подобное сознание и характеризуется (как и вся группа в целом) повышенным, ненормальным для "массы" значением, придаваемым определенным принципам, ценностям, началам и пр. Тогда как в общественном сознании, разумеется, присутствуют практически все эти принципы и ценности, но они как правило "уравновешены" противоположными им ценностями: правила предписывают, когда использовать описанные выше нормы "честности и порядочности", а когда - иные.

(Не входя в детали, скажем, что "симметричным" социальным хранителем противоположного нормативного порядка, т.е. группой, которая столь же безраздельно исповедует набор противоположных норм, мы считаем внутрилагерное сообщество, "зону". Но мы не имеем достаточных данных для развернутого анализа ситуации "на зоне" и ниже воспользуемся ее ближайшими аналогом - ситуацией в казарме).

Зачастую описываемая группа более образованных является не только хранителем рационалистическо-гуманистических принципов, но и производителем художественных, научных, дидактических и политических текстов, выступающих в обществе как "образцовые". Потому они и построены на рационально-гуманистических началах как единственно возможных. Образумый этими текстами нормативный кодекс оказывается, в свою очередь, единственным кодексом писанных норм, находящимся в распоряжении "советского человека". Нормы альтернативной морали - не писанные.

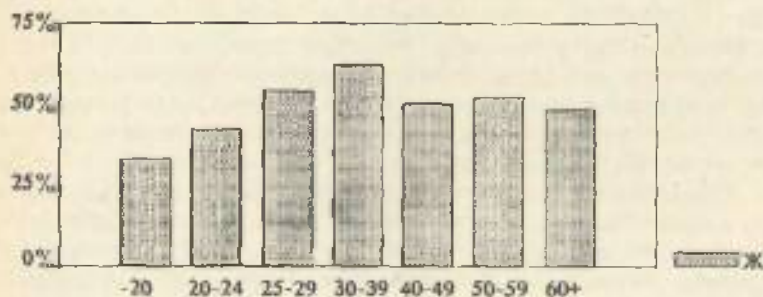
Добавим, что подобные размежевания синонимичны таким, как "сила права" versus "право силы", "общечеловеческие нормы" versus "азиатчина", а также - "кооперативно-ролевые отношения" versus "статусно-доминантные".

СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК: МУЖЧИНА ИЛИ ЖЕНЩИНА?

В жизни рядовых обывателей идет постоянное взаимодействие двух этих кодов - нормативных порядков, что требует определенных правил их попеременного использования. Наиболее доступна для массовых опросов детекция половозрастных переходов от кода к коду.

Мы уже отметили, что наибольшая приверженность данному набору норм характерна для людей в те периоды их жизни, когда они оказываются воспитателями детей в семье - родителями или дедушками и бабушками. (Это можно видеть, например, на рисунке 1, где дано распределение по возрастным группам женщин частоты ответа "Следует лучше воспитывать детей" на вопрос о мерах снижения преступности).

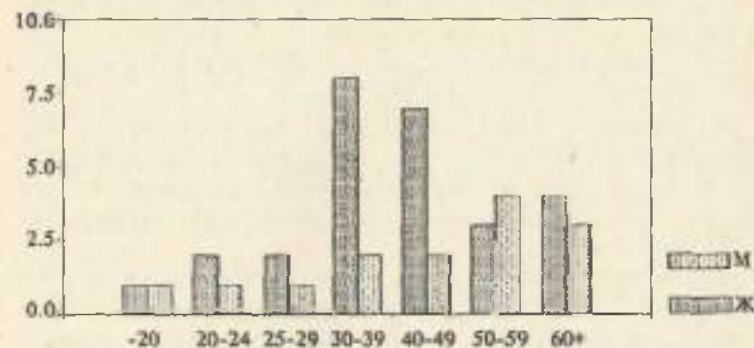
1. Следует лучше воспитывать детей

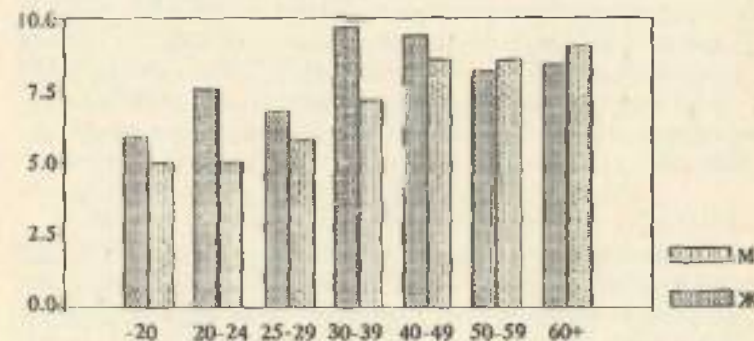
Различие в возрастном апогее приверженности к данным нормам для мужчин и женщин заставляет добавить, что агентом ранней социализации детей к этому корпусу норм выступает женщина - мать, учительница. Если в этом процессе участвует мужчина, то скорее не в качестве отца, а в качестве деда (т. е. не в "паре" с матерью и не в пределах своей собственно-половой роли). (См. рисунок 2, на котором показано соотношение по мужским и женским возрастным группам пропорций высказывающихся по проблемам насилия в армейской среде с позиций закона, с позиций, солидарных с насильниками или примирительной к ним. На рисунке 3, где приводится распределение ответа "дедовщину пресечь, виновных наказать" видно, что женщины занимают "легалистскую" позицию

в возрасте матерей подростков детей (допризывников), мужчины же приходят к таким позициям в возрасте дедов).

2. Отношение мужчин и женщин к проблемам насилия в армейской среде

3. Дедовщину пресечь, виновных наказать

В опросах ВЦИОМ не участвуют дети, что не дает возможности установить, до какого возрастного предела эти ценности продолжают существовать как основные в сознании детей. Однако, начиная опрос с 16-18 летних, мы застаем следы прежнего социализационного слоя.

В начале молодости люди переживают переход от этой системы ценностей как единственной - к альтернативной. Этот переход от "книжных" представлений к "настоящим" (с любой ценностной окраской тех и других) многократно описан в литературе.

Наши данные заставляют считать, что для девушек этот переход совершается раньше, чем для юношей. Поэтому в

ответах девушек от 18 до 20 лет мы уже находим резкое снижение тяги к добродетелям, названным выше материнско-женскими, и повышение приверженности к ценностям, принадлежащим противоположному (маскулинному) кодексу.

Так, если с образом женщины в номинальной системе нашей культуры связывается мягкость, жалостливость и терпимость, то поведение девушек часто демонстрирует противоположные и значит - маскулинные - черты.

В ходе исследования респондентам задавался вопрос: "Как следует поступить с проститутками?" Такие же вопросы относились еще к 12 носителям отклоняющегося поведения, дефектов. (Подробное рассмотрение этого материала будет предложено ниже).

Анализируя на диаграммах (Приложение) распределение репрессивно-агрессивных ответов "ликвидировать" (проститутки, гомосексуалисты, бродяги и пр.), мы видим, что в 11 случаях из 13 девушки до 20 лет репрессивнее юношей. Но в 7 случаях из 13 у девушек с переходом в следующую возрастную группу (20-24 года, иногда - 20-30 лет) склонность выбирать самый репрессивный ответ падает. У юношей же, как правило, она возрастает. Девушки становятся "женственнее", а юноши - "мужественнее". Для юношей этот переход сдвинут на период 20-24 года и осуществляется в значительной степени в армии через посредство системы, известной под названием "дедовщина".

ЧТО ТАКОЕ "ДЕДОВЩИНА"?

Сложившиеся в последние десятилетия обычаи в армии предусматривают чрезвычайно жесткую статусную иерархию среди солдат каждой части. Главным основанием для приписывания каждому солдату его статуса служит стаж его пребывания в части. В целом солдаты первого года службы подчинены солдатам второго года во всех аспектах и моментах своего существования.

Во многих военных или иных закрытых учебных заведениях мира известно разделение по сходному принципу. Ирвин Гоффман описал его как "тоталитарный институт".* Однако в Советской Армии в последние десять лет этот институт приобрел гипертрофированные размеры и принял на себя выполнение весьма широких функций, выходящих за рамки института армии. Функционирование этого института ныне осуществляется с непрерывным использованием физического насилия над

молодыми солдатами со стороны старших. То и дело это приводит к физическому калечению, убийству солдат, к частым самоубийствам, душевным заболеваниям, побегам. Потери армии от этих причин, по оценкам независимых экспертов из общественной организации военных "Щит", за пять лет стали равны объявленным потерям за десять лет боевых действий этой армии в Афганистане. Еще до того, как были опубликованы эти оценки, ВЦИОМ провел опрос населения СССР, в ходе которого 43% опрошенных поддержали мнение о том, что "служба в нынешней армии калечит юношей морально, а порой и физически". (Мнение более традиционное - о том, что "именно в армии юноша может получить нравственную и физическую подготовку", разделило 32%; прочие затруднились ответить).

В другом всесоюзном опросе выяснялось мнение людей о том "насколько благополучно положение дел в советских Вооруженных Силах?" Ответы распределились следующим образом (в процентах к числу опрошенных):

Вполне благополучное	3
Скорее благополучное	7
Скорее неблагоприятное	40
Совершенно неблагоприятное	33
Не могу сказать	17

При этом 44% опрошенных указали, что неблагоприятие заключается в первую очередь в падении дисциплины, 31% указал непосредственно на "неустойчивые отношения".

Проблема казарменного террора и насилия в силу ряда причин оказалась в годы перестройки триггер-проблемой, вызвавшей широкое общественное возмущение со значительными последствиями для всего процесса социальных перемен в СССР. Это связано с тем, что армия - один из осевых институтов того общественного устройства, кризис которого переживает сейчас страна. Кроме того, в силу действия закона о всеобщей воинской обязанности внутриказарменные отношения задавают практически всех молодых людей мужского пола в стране, а это значит - по меньшей мере половину семей, имеющих детей. Недаром люди 40-49 лет, т.е. в возрасте "солдатских родителей", чаще всех иных возрастных групп (83%) отмечают неблагоприятие в армии. (Почти так же часто - 82% - его отмечают люди из поколения их детей, тех, кто испытал армейскую жизнь на собственном опыте или знает о ней по рассказам ровесников).

Еще в конце 1980-х годов получил широкую огласку один

* E. Goffman. Asylums N. Y. 1961 p. 4-5.

из случаев издевательств "старших" солдат над "молодым". "Молодой" солдат убил семерых своих мучителей и затем сошел с ума.

Статья об этом была опубликована в молодежной газете "Комсомольская правда", имевшей тираж около 20 миллионов экземпляров. Количество писем в редакцию по поводу этой статьи - около 15 тысяч, что представляет рекорд читательской почты какой-либо статьи в какой-либо из газет СССР за все время их существования. В России после публикации статьи об этом случае впервые началось открытое и широкое обсуждение того, что происходит в армии.

В Литве, откуда родом этот солдат, вокруг связанных с ним событий стало организовываться движение, которое в конечном счете привело к массовым отказам юношей из этой и других прибалтийских республик служить в Советской Армии. Напомним, что формальным предлогом для ввода в Литву войск накануне попытки военного путча и последующего убийства мирных жителей в Вильнюсе 13 января 1991 года было именно "обеспечение призыва в Советскую Армию".

Одним из оснований для республик утверждать свой суверенитет в рамках или вне рамок Союза ССР было стремление оградить своих молодых людей от того, что им уготовано в рядах Советской Армии. В качестве некоей меры избавления от этого было предложено, чтобы призванные в Советскую Армию юноши проходили службу на территории своей республики. Предложение тогда не нашло поддержки у военных руководителей, однако среди населения страны, по данным ВЦИОМ, его поддержало относительное большинство опрошенных - 43% (против - 23%, остальные выбрали неопределенный ответ или не высказали мнения).

Что касается России, то гибель молодых солдат в армии от руки своих почти одногодков послужила почвой для консолидации одного из самых активных общественных движений. Это так называемый "Комитет солдатских матерей". Об активности этого комитета может говорить то, что ему удалось преодолеть сильнейшее сопротивление военного ведомства, всячески скрывавшего и отрицавшего наличие подобных трагических явлений, и заявить свои требования парламенту, правительству и президенту. Требования включают (помимо вопросов расследования преступлений и наказания виновных) реформу Вооруженных сил, общественный контроль над ними и пр.

Эксперты полагают, что давление этого и ему подобных

общественных органов, проблемы "дедовщины" и "землячества" будут серьезно стимулировать военные власти СССР переходить к профессионально-добровольной наемной армии. Таков социально-политический контекст явления, именуемого словом "дедовщина".

Само слово "дедовщина" (синоним "стариковщина") на солдатском жаргоне обозначает ясную систему отношений господства солдат отслуживших половину срока ("деды", "старички") над имеющими меньший стаж ("сынки", "молодые"). Жаргонному термину противостоит официальное именование этой практики как "неуставных отношений". Эта практика многократно публично осуждалась военным руководством, однако, по мнению 60% опрошенных, в том, что в армии получила распространение "дедовщина", виновата в первую очередь "сама армия, командиры, допускающие и поощряющие насилие среди подчиненных". (Распространяемое военным руководством мнение о том, что виновата "среда, в которой растет молодежь - родители, учителя и другие" разделили с ним 28%, прочие не дали ответа).

Наиболее типичные взгляды людей из разных слоев общества на проблему "дедовщины" были выявлены в ходе анализа упоминавшейся почты читателей газеты "Комсомольская правда". (Анализ этой почты проводился авторами настоящей работы).

Анализ показал, что в обществе присутствуют две точки зрения на проблему насилия, царящего в казармах. Одна - трактующая это насилие как преступление, не только не смягченное, но, напротив, отягощаемое специфическими обстоятельствами военной службы. Соответственно, с этой точки зрения практику "дедовщины" следует немедленно пресечь, виновных - наказать. Такой точки зрения придерживалось абсолютное и подавляющее большинство авторов писем в газету (в том числе коллективных, имевших иногда десятки и сотни подписей).

С этих позиций выступает упоминавшаяся организация "солдатских матерей", союз защиты военнослужащих "Щит" и поддерживающая их общественность. С этих же позиций написаны многочисленные статьи в советских газетах либерального направления. Военная юстиция с этих позиций в ряде случаев возбуждает уголовные дела по фактам насилия одних военнослужащих срочной службы над другими, опираясь на специальную статью уголовного кодекса.

Однако очень распространена иная точка зрения на эти же

явления. Она целиком или в большой мере оправдывает либо даже одобряет ту систему воспитания одного поколения солдат другим, о которой идет речь. Резоны, которые при этом приводятся, многообразны. Наиболее распространенные сводятся к тому, что это, в конце концов, благо для юношей, что иначе невозможно и что это необходимо для поддержания дисциплины и пр. Весьма существенно, что при своей широчайшей распространенности в армейской и граничащей с ней субкультурами, эта точка зрения очень редко выражается в тех же публичных формах, что и первая. Поборники и защитники "дедовщины" очень редко выступают публично, в прессе. Поскольку это мораль, трактуемая как мораль внутригрупповая, будь то группа "военных", "настоящих мужчин" или даже вообще "мужчин", она в принципе тяготеет к тому, чтобы быть тайной. Ее надлежит скрывать от "общества", от женщин, от семьи. Такие институты открытого общества, как пресса, парламент, собрания, по их мнению, не место для обсуждения подобных тем. По данным опроса ВЦИОМ, 21% мужчин (и лишь 18% женщин) выступает против "обсуждения проблем армии с привлечением всей общественности страны". Даже в газеты сторонники "мужских" форм наведения порядка пишут очень редко. Их жанр - устный! Упомянутая читательская почта состояла по преимуществу из писем женских, содержавших ту или иную меру негодования по поводу "дедовщины" и порядков в армии.

Военные же весьма остро реагируют не только на критику внутриармейских порядков, но даже на их обсуждение.

Несмотря на эти протесты и прямое сопротивление опирающихся на армию политических сил, обсуждение армейских проблем и проблемы "дедовщины" как одной из самых острых, развернулось. Но позиция "защитников армии" в этой дискуссии лежит в иной плоскости, нежели позиция "обвинителей". "Защитники мундира", выступающие публично, либо отрицают сам факт распространенности или даже наличия "дедовщины" либо утверждают, что такая дискуссия наносит вред армии, ее боеспособности и пр.

Впрочем, мнение общества о том, чем вызвано недовольство высших военных руководителей критическими выступлениями в адрес армии, таково (в процентах к числу опрошенных, можно было выбрать несколько ответов):

Желанием сохранить свое политическое влияние в стране	31
Стремлением защитить "честь мундира"	29
Желанием сохранить дисциплину в армии	18
Стремлением оградить армию от вмешательства некомпетентных лиц	18
Узостью политического кругозора	12
Стремлением сохранить для молодежи идеалы и традиции	8

ПЕРЕКОВКА НАСИЛИЕМ

Бессмысленные, на первый взгляд, издевательства, которым подвергается новобранец в казарме, оказываются глубоко функциональными, если признать, что "дедовщина" есть система ресоциализации, перевода личности, воспитанной в первой из перечислявшихся выше систем, во вторую. Для осуществления этого перевода весьма эффективны, во-первых, демонстрация абсолютной недействительности "общечеловеческих" норм в той новой среде, в которую юноша попал, а затем придание статуса настоящих, действительных тем нормам, которые ему демонстрируют "старики".

Одним из средств психологического запечатления этих новых норм, построенных на принципе безусловного подчинения старшему, является обесмысливание мотивации подчинения. Приказ, требование старшего, "деда" должен выполняться не в силу разумности, целесообразности, этичности своего содержания, но лишь потому, что отдан старшим. Практика обучения подчинению командирам зачастую вполне подобна описанной. И зачастую оказывается неразрывно связанной с "неуставным" угнетением. Но именно как практика, ибо по уставу, восходящему в своей логике все-таки к "первой" системе, приказ непременно должен быть разумен, логичен, нравственно обоснован и пр. и лишь в силу этого подлежит беспрекословному выполнению (ср. известное западной юриспруденции понятие "преступного приказа").

Нарочитая иррациональность и антиморальность казарменной практики происходит не из простой "испорченности нравов", а из необходимости уничтожить *ratio* и мораль как основы действия индивида.

К технике ресоциализации относится и причинение физических страданий любого рода - содержание новобранцев в голоде, в условиях хронического недосыпания, физических перегрузок, наконец, боли от побоев, истязаний. Те, кто причиняет все эти мучения "молодым", заслуживали бы в обычной жизни квалификации как садисты и т.п. Можно было бы говорить и о проявляющейся при этом патологической же-

стокости. Но массовость и стереотипность такой практики не разрешают говорить о какой-либо психической патологии. Да и творится все названное людьми, которые были освидетельствованы медицинской комиссией и признаны годными к службе в армии. Более того, они по выходе из казармы рассматриваются как вполне нормальные люди, "настоящие мужчины".

Повторим, объяснение этим действиям - не в индивидуальной психологии истязателей либо жертв (которые сами становятся истязателями через строго определенное время). Дело и не в "массовой" психологии, агрессивности "толпы" и т. п. Психологический компонент, на наш взгляд, в другом. Редукция эмоционально-волевой сферы новобранца до задач физического выживания, вкупе с разрушением его нравственных устоев, превращает его в аналог младенца, своего рода *tabula rasa*. Эта "обработка" подготавливает его к принятию норм поведения, демонстрируемых, этологически выражаясь, "доминантными особями", а говоря на социально-психологическом языке - "авторитетными другими", каковыми становятся для него в замкнутом мирке казармы "деды".

Феномен принятия жертвой своего палача как "авторитетного другого" описан, помимо специальной литературы, в романах Кестлера, Набокова. Но там рассмотрены, так сказать, индивидуальные казусы. Нам же приходится говорить о процессе, ежегодно охватывающем ни много ни мало миллионы молодых людей.

Те, кто все стерпел, все вынес в течение первого периода службы - а их, конечно, большинство, оказались на второй год в положении творящих - по убеждению или под социальным давлением - точно то же самое. Именно они и есть главный продукт "дедовщины" как процесса ресоциализации, те же, кто не вынес - это, так сказать, ее неизбежные "отходы".

С какой бы искренностью или неискренностью солдат-второгодок ни принимал обязательные для него функции "деда", он оказывается носителем той второй морали, которая диаметрально отличается от "общечеловеческой". Даже если эта школьно-книжная мораль в нем не вытравлена до конца, она вынуждена потесниться в его душе и дать большее или меньшее место принципам поведения "настоящего мужчины".

Это можно видеть, сравнивая ответы мужчин разного возраста на вопрос нашего исследования об их реакции на то, что новобранцы в письмах домой рассказывают о притеснениях, которым они подвергаются со стороны "старых". В качестве

вариантов ответов приводились наиболее частые суждения из упоминавшихся писем в "Комсомольскую правду".

Общее распределение ответов мужчин и женщин приводится ниже. Таблица дает детальное распределение ответов по возрастным и образовательным группам.

Молодые солдаты в письмах домой рассказывают о жестокостях, которым они подвергаются со стороны старших.

Что Вы об этом думаете?

- (1) это неправда, в армии такого нет
- (2) бьют тех, кто не хочет служить, как надо
- (3) это необходимо пресечь, а виновных наказать
- (4) настоящий парень себя в обиду не даст
- (5) ничего страшного - умнее будут
- (6) как бы там ни было, писать об этом домой не надо
- (7) все через это прошли, с нашим народом иначе нельзя
- (8) другой ответ
- (9) затрудняюсь ответить

Ответ	1		2		3		4		5		6		7		8		9	
Пол	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м	ж	м
Возраст:																		
до 20	1	0	2	7	47	40	23	29	1	1	6	7	2	1	2	2	16	13
20-24	3	2	2	9	60	40	11	22	0	1	9	18	3	3	0	5	11	7
25-29	0	0	4	3	54	48	18	16	0	1	2	19	2	6	4	4	14	7
30-39	0	1	3	4	77	58	4	16	0	0	2	10	1	4	3	2	11	6
40-49	0	4	1	6	76	68	9	12	0	0	1	2	0	5	1	0	10	4
50-59	2	3	5	9	64	68	10	8	0	2	1	4	2	3	0	4	17	6
60 и старше	5	2	2	3	66	72	6	13	2	4	3	5	1	0	2	0	16	3
Всего Ж	1		3		66		11		0.5		1		1		2		16	
Всего М		2		5	58		16		1		8		3		2		6	
Образование:																		
Высшее	0.5		2		69		10		0.5		5		2		3		10	
Среднее	1		4		60		15		1		6		3		2		9	
Неполное среднее	3		6		58		14		1		4		2		1		12	
ВСЕГО	1		4		63		13		1		5		2		2		10	

В таблице обращает на себя, в частности, внимание то, что в сравнении с респондентами-тинэйджерами, у молодых мужчин в возрасте "дембелей" доля ответов "писать об этом домой не надо" в 2,5 раза выше. В дополнение к самой низкой поддержке "легалистской" позиции безусловного осуждения дедовщины это формирует комплекс неопределенного отношения,

утаивания и стыда, но не отказа от силой навязанных им принципов.

С этой двойной моралью покидает казарму отслуживший солдат. В гражданской жизни - в зависимости от условий, в которые он попадет, - "мужская" система поведения будет или не будет актуализирована. Нетрудно представить, какие социальные условия способны и какие препятствуют подобной актуализации. Напомним, что "неуставные отношения" воздействуют на юношу одновременно и параллельно с его собственно армейским "уставным" воспитанием. Именно в единстве они образуют армейско-мужской синдром. Физическое насилие и статусно-иерархическое представление об обществе сплетены в нем в один узел с одобрением институционализированного - вооруженного - насилия, с картиной мира как поля противостояния врагов. Чисто-милитаристские ценности сплетаются с "мужскими", сила государства и сила кулака оказываются эманациями одной силы, атрибутами одного авторитета.

Как уже говорилось ранее, среди более образованных принципы насилия чаще всего отвергаются. Наиболее массовый ответ с требованием пресечь "дедовщину" и наказать виновных среди рабочих поддерживает 60 %, среди инженеров - 70 %, а среди руководителей предприятий - 80 %. Если среди лиц, вообще не имеющих дома книг, это требование поддерживает только половина, то люди, имеющие дома хотя бы сотню книг, уже смотрят на проблему иначе - среди них 70 % и более поддерживают требование о пресечении эксцессов дедовщины.

В подобных данных можно увидеть отражение не только самого процесса распространения насилия и ответного сопротивления общества. Представляется, что в обществе с ростом его урбанизированности, распространением образования и сопутствующих этому стандартов оценки и действия возрастает общая толерантность, понимание ценности человеческой личности, появляются идеи ее неприкосновенности, личного достоинства. Эти идеи входят через группу более образованных, распространяясь прежде всего посредством словесности.

Иными словами, нетерпимость к подавлению достоинства, обостренное отношение к унижениям и побоям, наконец, неприятие гибели ребенка как неизбежного зла - это атрибуты новой городской культуры, привнесенные в нее в основном более образованными и квалифицированными слоями общества, потомственными горожанами.

В свою очередь, в среде более образованных эти понятия и

нормы появились в связи с определенным влиянием западной культуры, в условиях большей открытости к ней в крупнейших городах, начиная с 60-х гг., причем геополитические особенности советской истории действуют так, что траектория распространения подобных воззрений идет с "Запада" на "Восток".

Вот как меняется по регионам страны потенциал сопротивления насилию законными методами (ответ "это необходимо пресечь, а виновных наказать" на вопрос о мнениях по поводу физического насилия над молодыми солдатами, о каком-то они сообщают в своих письмах домой; в процентах от числа всех опрошенных):

Узбекистан	48	Грузия, Армения	60
Азербайджан	49	РСФСР, Европейская часть	64
Казахстан	54	Украина	65
Молдова	56	Литва	83
РСФСР, Сибирь	59		

ПОСЛЕ ДЕМОБИЛИЗАЦИИ

Последствия воздействия описанного механизма "дедовщины" на наших респондентов проявляются в том, что принципы "гуманистической" этики поддерживает меньшинство среди юношей, прошедших эту "школу жизни". В этом они противопоставляют себя абсолютному большинству населения, во всех половозрастных группах которого сторонники "школьно-книжных" взглядов - в большинстве.

Характерно также изменение воззрений мужчин от первого послеармейского этапа жизни к позднеродительскому и дедовскому. Взгляды их становятся все более толерантными. Среди женщин процесс идет несколько иначе. Девушки до 20 лет не только наиболее склонны выражать агрессивные и репрессивные установки, но и в наибольшей степени солидарны с одержимыми "армейской удачью" парнями (допризывниками и, особенно, демобилизованными). Девушки в этом возрасте максимально поддерживают парней в утверждении постулатов проармейского, казарменного фольклора. (Это может дополнительно объясняться и тем, что, согласно установившемуся порядку, партнерами по общению для 18-летних девушек являются парни 20 лет, они же - "дембеля").

Становясь старше, девушки все менее склонны разделять этот "мужской" кодекс, а входя в возраст матери сознательного ребенка, женщины резко смешают свои позиции в сторону "истинно - женских" и, значит, принципиально противостоя-

ших безжалостной идеологии деловщины. Характерно, что это именно ролевая особенность, а не "пришедшая с годами" мудрость или доброта. Женщины, у которых сыновья уже отслужили (и получили "свое"), с течением времени снижают остроту реакции на бесчеловечные принципы дедовства, начинают относиться к этому более спокойно.

Итак, сила, насилие суть ценности, конститутивные для системы, внедряемой как "настоящая", взрослая в отличие от "книжной", детской. По отношению к мужской карьере можно сказать с уверенностью, что подобная социализация включает переживание роли объекта насилия, затем - субъекта насилия. В случае с женской судьбой можно говорить лишь о той или иной мере приближения к данной модели.

Однако в женском варианте может отсутствовать проигрывание альтернативной роли доминирующего, подчиняющего начала. В этом, так сказать, традиционное отличие "пассивного женского" начала от "активного мужского". Пока еще правило таково, а довольно многочисленные случаи агрессии и доминирования в среде девочек-подростков и девушек являются исключением. Но тенденция к подобного рода маскулинизации половозрастной роли девушки кажется нарастающей.

Наряду с этим надо отметить и нарастающую обструкцию "мужской" социализации юношей. В одном из упоминавшихся опросов ВЦИОМ о "неблагополучии" в армии, выражающемся в "неуставных отношениях", острее всего высказываются респонденты допризывного и призывного возраста (34% лиц до 20 лет против 28% среди лиц старше 50 лет). Они же в полтора раза чаще среднего отмечают, что такая армия нравственно "калечит" человека.

В другом исследовании было отмечено, что среди молодежи допризывного возраста наиболее высока уверенность в том, что "отказы от службы в армии будут нарастать" (среди лиц до 20 лет так думали 46%, при средней частоте этого ответа - 34%). Вдобавок, 66% населения поддерживает освобождение студентов дневных высших учебных заведений от военной службы.

Так образуется если не целое "непоротое поколение", о необходимости которого для общественных перемен не раз говорили русские историки и обществоведы, то, по крайней мере, определенная прослойка в поколении. Особо важно, что это - прежде всего люди, получающие высшее образование, которое является одним из факторов, стимулирующих принятие либерально-демократического этоса. Производство

этой социальной группы идет, и существенным моментом этого воспроизводства оказывается открытое противостояние гуманистических позиций и идеологии институционализированного насилия. Тот факт, что ответы студентов, как правило, имеют наиболее высокий антимилитаристский потенциал, служит подтверждением сему.

Разумеется, по мере удаления от социализационного перехода - или своего рода инициации - резкость разграничения двух систем воззрений снижается. Они начинают в той или иной степени диффундировать. Индивид в соответствии с различными факторами, воздействующими на него изнутри и снаружи, сам выбирает, так сказать, место на континууме между одной и другой системами. Он совершает этот выбор и в глобальном (по отношению к своей жизни) масштабе, и в малом, принимая всякий день и час те или иные решения, становясь на ту или иную позицию.

В сознании "совокупного советского человека" на момент исследования "гражданская" модель общества преобладала над "милитаристской". С тем, что "устройство армий является образцом построения всего общества", выразили несогласие 47% опрошенных, а согласились 28% (прочие не смогли дать определенный ответ). Таким образом, армия как институт социализации сумела привить свои взгляды более чем четверти населения страны.

ТРИНАДЦАТЬ ДЕВИАЦИЙ

Для уточнения того, как в обществе взаимодействуют начала репрессивные и толерантные, рассмотрим ответы на вопрос, как следует поступить с каждой из 13 категорий девиантов и делинквентов. Предлагались варианты: "ликвидировать", "изолировать", "оказать помощь", "предоставить самим себе" и "затрудняюсь ответить". Набор девиаций и видов лиц с отличиями от нормы был составлен таким образом, чтобы были представлены "мишени" и для целиком традиционалистического, и для переживающего модернизационные стрессы сознания. Поясним некоторые особенности трактовки этих категорий в советских условиях.

Набор включал только одну категорию лиц, в которых массовое сознание видит самых тяжких преступников, - это убийцы.

В набор были включены три категории лиц, так или иначе связанных с нарушением некоторых норм сексуального поведения. Это проститутки, гомосексуалисты и больные СПИД.

Следует предполагать, что рынок платной любви в СССР

растет по мере углубления урбанизации и, вместе с тем, "открытости" жизни. Однако, в год, предшествовавший нашему исследованию, по средствам массовой информации, прошел бум соответствующей темы. Можно сказать, что дестабуляция секса, а быть может, и вообще разрушение привычных табу, в широкой печати, изопродукции, на телевидении, в массовом советском кинематографе проходила именно через обращение к теме проституции. Возможно, отчасти поэтому реакция населения на вопрос о проститутках была весьма острой, что будет видно из таблицы.

Гомосексуальные отношения к моменту опроса еще очень мало обсуждались в печати. Лишь спустя год после проведения исследования в СССР заявило о себе либертеринское движение. Полученные нами данные отражают нормативную негативную установку по отношению к гомосексуальным отношениям. Следует помнить, что в советском уголовном законодательстве "мужеложство" считается преступлением. В больших городах в недавнем прошлом нередко бывали милицейские облавы на гомосексуалистов. Слово "педераст" (в искаженной форме "пидор") является одним из самых оскорбительных мужских ругательств. Вместе с тем, помимо, так сказать, нормального гомосексуализма, то есть добровольно осуществляемых контактов и связей, существует его насильственная разновидность. В мужских колониях и в казармах гомосексуальное изнасилование является одним из способов унижения и подчинения человека другому человеку или группе.

Все эти обстоятельства могли сказаться на реакции наших респондентов по отношению к гомосексуалистам.

Что касается заболевших СПИД, то в действительности в СССР как нигде в мире мала сексуальная компонента в распространении этого заболевания. Она потеснена другой, имеющей совершенно иную институциональную основу. В органах государственного здравоохранения, осуществляющих массовое медицинское обслуживание, ввиду халатности при стерилизации оборудования уже не раз происходило массовое заражение вирусом СПИД пациентов, в том числе - детей.

Число больных СПИД в СССР еще очень невелико, и опыт личного знакомства с ними у наших респондентов еще реже, чем с гомосексуалистами и проститутками. Поэтому здесь действует общая атмосфера страха перед новой болезнью.

Традиционно в России существовало нищенство и бродяжничество. В советское время против нищих и бродяг применялись репрессии, различавшиеся по интенсивности в различные периоды. Официальная мораль, как и закон, осуждали

людей, ведущих "паразитический" образ жизни, то есть не прикрепленных административно к какому-либо государственному учреждению. При наличии закона о "прописке", то есть о прикреплении каждого жителя страны и к определенному месту проживания, люди "без определенного места жительства" также попадали в категорию нарушителей. И нищие и бродяги удалялись милицией из городов. Только в последнее время, уже после проведения настоящего исследования, милиция прекратила их интенсивно вылавливать, и они в значительном количестве вернулись в большие города.

Для значительной части советских людей явными маргиналами выступают религиозные сектанты. Официально поддерживаемая самодержавным государством русская православная церковь возглавляла преследование различных малых вероисповедных объединений в период и до 1917 года. Но в советское время преследованием значительного количества сект занималось государство как таковое. Для средних и старших возрастных категорий опрашиваемых памятна кампания гонений против сектантов в хрущевский период, бурно подхваченная официальной прессой, словесностью и кино. В результате слово "сектанты" имеет в массовом мнении определенный негативный оттенок.

Включенные в набор вопросы о психических больных и родившихся неполноценными адресуются уже к непосредственному опыту людей. В СССР, с одной стороны, доля койкомест для лечения нервно-психических болезней среди всех мест в лечебных учреждениях существенно ниже, чем, например, в США. Это отражает отношение государства к подобного рода заболеваниям. Они - пренебрегаемая часть болезней. В то же время, сохраняется "архаический" страх перед душевнобольными. С опорой на этот страх и эти чувства возникла официальная карательная психиатрия: объявление душевнобольным и лишение свободы человека, чем-либо не угодного властям, легче произвести в среде, где "душевнобольной" выводится из под действия обычных норм и, стало быть, лишается общественной симпатии и определенной социальной защиты.

Родившихся неполноценными, по свидетельствам специалистов, у нас в стране становится все больше, чему способствует алкоголизация населения, загрязнение среды вредными веществами, радиоактивность, многочисленные аборт и др. Расширяется практика отказа матерей (особенно - молодых возрастов) от неполноценных детей непосредственно в родильных домах. Такие дети растут в изоляции от общества. Но

и среди детей, живущих в семьях все чаще появляются страдающие теми или иными дефектами. Наш опрос показывает, как реагирует на эти перемены народ.

Проникновение некоторых атрибутов западной культуры в СССР ознаменовалось в свое время появлением у нас в городах хиппи. Они образовали достаточно устойчивую и сравнительно высокоорганизованную субкультуру (ее самоназвание "Система"). И эта субкультура оказалась преследуемой властями. Известны многочисленные случаи ареста, избивания милиционерами молодых людей - хиппи. Кроме того, в молодежную моду очень широко проникли некоторые атрибуты внешности хиппи, прежде всего - длинные волосы. С этими атрибутами, воспринимаемыми как "вызов обществу" (а иногда - как влияние "чуждой", западной культуры), вели борьбу тысячи школьных учителей, родителей, пропагандистов и т.п. Можно предполагать, что для среднего советского человека именно эти ассоциации - волосы, неряшливость, противостояние обществу, инородность и малопонятность - являются определяющими при выработке реакции на вопрос о хиппи.

Наркоманы - такой же "новый" атрибут советской жизни, как и хиппи. Однако о наркомании очень много писали в прессе. Наркомания, понимаемая в русском речевом обиходе как употребление особых веществ, не существующих в открытой продаже, расценивается иначе, чем алкоголизм. Этот вид поведения также организован преимущественно субкультурально. Широкая публика знает о жизни наркоманов из печати, телевидения, кино.

Алкоголизм - наиболее известный публике вид отклоняющегося поведения - складывается на пересечении трех основных тенденций: это, с одной стороны, официальная антиалкогольная пропаганда и политика, с другой стороны, широчайше распространенная, прежде всего среди женской части населения, активная негативная установка в адрес пьющих, алкоголиков, и, наконец, развитая и пронизывающая все слои общества традиция выпивки, а также одобрения и защиты "выпивающих". Социальная норма состоит в одобрении регулярного винопития по соответствующим поводам (по крайней мере, для взрослого здорового мужчины). Воздержание от питья рассматривается как странность, подозрительная аномалия и воздерживающийся сплошь и рядом испытывает острое социальное давление.

В предложенный респондентам список была введен вопрос "Как следует поступить с рокерами?" Вопрос имел целью вы-

яснение самой установки на репрессивность/толерантность. Слово "рокеры" в широком обиходе отсутствует. В жаргонах некоторых молодежных групп оно имеет два разных значения. Во-первых, иногда применяется как название и самоназвание участников молодежных групп, разъезжающих летними ночами на мотоциклах и вступающих в многочисленные конфликты с милицией, водителями автомобилей, жителями "спальных" микрорайонов и др. Во-вторых, оно означает музыкантов или певцов из рок-групп (аналогично слову "джазмэн" для эпохи джаза). И то и другое словопотребление при-язаны к достаточно локальным ситуациям, и исследователи предполагали, что мера отчетливого понимания респондентами, о ком или о чем именно идет речь в вопросе, будет невелика. Предполагалось однако, что контекст вопроса, и западный облик слова создадут необходимый образ "малоизвестного и чужого".

Общая картина ответов на каждый вопрос представлена на рисунках Приложения.

Как следовало бы поступить с

(в процентах от числа опрошенных, ранжировано по первому столбцу)

- (1) ликвидировать
- (2) изолировать
- (3) оказывать помощь
- (4) предоставить самим себе
- (5) затрудняюсь ответить
- (6) нет ответа

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Убийцами	71	22	1	1	5	0
Гомосексуалистами	33	30	6	10	19	2
Проститутками	28	32	8	16	15	1
Наркоманами	27	24	39	1	5	4
Родившимися неполноценными	22	9	49	1	17	2
Рокерами	21	14	8	26	29	2
Больными СПИДом	16	24	50	1	6	3
Бродягами	9	22	44	6	16	3
Алкоголиками	8	24	54	4	8	2
Хиппи	7	12	6	38	34	3
Сектантами	5	7	3	54	29	2
Ниддими	3	3	79	3	9	3
Психически больными	3	36	54	0	5	2

Анализ данных показывает, что предложенный набор во-ображаемых персонажей спровоцировал все реакции - от мак-симально-репрессивной ("ликвидацию" убийц) до максималь-но-толерантной ("предоставить самим себе" сектантов) и, на-конец, максимально-покровительственной ("оказать помощь" нищим). Наиболее высокая степень согласия опрошенных от-мечается по двум поводам: более 70% выступают за крайнюю меру репрессий в отношении убийц и почти 80% готовы к оказанию помощи нищим. В прочих случаях уровень согласия не поднимается выше "простого большинства" в 50-54%.

Как показал анализ, частоты ответов "предоставить самим себе" и "затрудняюсь ответить" положительно связаны друг с другом. Это значит, что толерантность к чужой норме поведе-ния и неспособность выработать отношение к тому, что какие-то люди не выполняют "мою" норму, идут рука об руку и являются вариантами одного отношения. Мы назвали бы его "нетвердость в норме", "неуверенность в норме".

Содержательные ответы распределились в целом следую-щим образом:

Как следовало бы поступить...

- (1) ликвидировать
- (2) изолировать
- (3) оказывать помощь
- (4) предоставить самим себе
- (5) затрудняюсь ответить

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
ВСЕГО	20	20	31	13	15
Высшее	15	21	35	17	12
Среднее	21	20	32	13	14
Неполное среднее	21	20	30	10	19

Разумеется, соотношение реакций в целом по массиву (строка ВСЕГО) предопределено в значительной степени под-бором типов девиаций, который осуществил исследователь. Так, если бы в наборе было больше "безусловных" преступни-ков, репрессивная реакция была бы выражена сильнее, если бы было больше малоизвестных групп, выросло бы число за-труднившихся и т.д. Но распределение ответов по разным образовательным группам, которым был предъявлен один и тот же набор, позволяет оценивать различия в установках этих групп. И если в целом репрессивные и нерепрессивные реакции на предложенный набор проблем имеют почти одина-ковый вес: 41% и 43%, то образование оказывается диффе-

ренцирующим фактором. Достаточно очевидно, что чем ниже уровень образования, тем больше затруднившихся ответить. В группе низкообразованных у нас повышенное количество лю-дей с ограниченным кругом личного общения, сниженным участием в информационном обмене - здесь много пожилых, людей на пенсии, жителей небольших населенных пунктов. Напротив, среди лиц с высшим образованием повышенная доля жителей крупных городов, людей активно включенных в связи общения.

Чем выше у людей образование, тем реже они предлагают "ликвидировать" и тем чаще - "предоставить самим себе" де-виантов. Посмотрим, как распределяются максимальные вы-ражения чувств в каждой из названных образовательных групп. В таблице 7 даются сведения об ответах, имеющих первый ранг в каждой из групп по каждой из позиций.

Как следовало бы поступить...

	высшее	среднее	неполное среднее
Ликвидировать убийц	65	убийц 75	убийц 75
Изолировать психически больных	34	психически больных 39	проститутки 32
Оказывать помощь нищим	83	нищим 81	нищим 77
Предоставить себе сектантов	67	сектантов 53	сектантов 52
Затрудняюсь ответить рокеров	27	киппи 30	киппи 47

В предложенном тест-наборе девиантов фигурировали те, по отношению к которым закон нейтрален (или редко приме-няется), но практика органов охраны порядка в основном ре-прессивна. Это гомосексуалисты, проститутки, бродяги, ни-щие. Треть мужчин и женщин за "ликвидацию" сторонников однополрой любви. Еще тридцать процентов за их изоляцию от общества. Лишь 11% девушек моложе 20 лет думают о помо-щи этой категории лиц, в старших возрастах - еще реже. (Сре-ди мужчин их больше). Среди молодых мужчин до 30 лет около 20% готовы "предоставить гомосексуалистов самим се-бе", среди женщин этого же возраста такие мнения встреча-ются в 2-3 раза реже.

Достаточно велики вариации отношения к девиантам и преступникам у разных народов. Ликвидировать убийц пред-лагают 83% узбеков, 79% украинцев, 75% русских, прожи-вающих в РСФСР. Однако среди русских за пределами этой республики лишь 65% выступают за такую меру. Среди лито-вцев, казахов уровень примерно таков же (67-69%), среди молдаван 57%, грузин и армян - 51%. Во всех этих случаях снижение доли выступающих за "ликвидацию" сочетается с

соответственным повышением доли выступающих за "изоляцию от общества".

Проследим различие реакций представителей двух народов - восточного (узбеки) и западного (литовцы)

*Ответы узбеков и литовцев
(в процентах от числа опрошенных в группе;
ранжировано по ответу узбеков - "ликвидировать";
приведены ответы узбеков/ литовцев)*

Как следовало бы поступить с...

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Убийцами	83/67	11/27	0/1	2/1	4/3	0/1
Проститутками	59/23	19/34	4/6	14/27	4/10	0/0
Гомосексуалистами	49/26	19/26	9/7	4/19	17/21	2/1
Рокерами	39/11	28/11	9/4	9/38	15/36	0/0
Наркоманами	35/22	35/36	19/28	0/5	9/9	2/0
Сектантами	25/4	38/2	2/2	19/54	16/39	0/0
Больными СПИДом	23/18	43/29	32/45	0/0	2/8	0/0
Алкоголиками	23/8	21/48	47/31	2/4	5/7	2/2
Хиппи	23/1	32/11	4/2	11/50	26/36	4/0
Нищими	14/1	4/3	74/80	4/4	4/11	0/1
Родившимися неполноценными	5/20	0/14	81/57	5/0	9/9	0/0
Бродягами	0/8	12/40	58/25	0/7	30/19	0/1
Психически больными	0/3	7/30	90/60	0/1	2/6	1/0

- (1) ликвидировать
- (2) изолировать
- (3) оказывать помощь
- (4) предоставить самим себе
- (5) затрудняюсь ответить
- (6) нет ответа

"ПРЕДОСТАВИТЬ САМИМ СЕБЕ"?

Толерантность - качество, нехарактерное для людей, воспитанных в тоталитарном государстве. Фактическое равнодушие и безразличие к тому, что делает и как живет кто-то другой, сочетается с догматическим представлением о том, что все должны следовать определенной норме, санкционированной государством. Как видно из таблиц, степень толерантности прямо связана с мерой высвобожденности людей (за счет возраста или рода занятий) из-под пресса тоталитарной идеологии.

Влияние возраста на определенность выбора толерантной позиции

(* преобладание ответа "предоставить самим себе" над "затрудняюсь ответить" в различных мужских возрастных группах)

Возраст:	до 20	до 30	до 40	до 50	все
Алкоголиков	*				
Больных СПИД	*				
Бродяг	*				
Нищих	*				
Гомосексуалистов	*	*			
Рокеров	*	*	*		
Проститутков	*	*	*	*	
Хиппи	*	*	*	*	
Сектантов	*	*	*	*	*

Выбрать вариант "предоставить самим себе" в данном контексте значит не только мысленно отказаться от репрессий в адрес данной группы, но и отказаться от включения государственных и общественных организаций в решение этой проблемы, признать групповые интересы некоторого чуждого респонденту сообщества. Вот позиции четырех разных групп населения:

*Готовы "предоставить самим себе"
(чаще, чем в среднем по выборке)*

Работники науки, образования, здравоохранения	Инженерно-технические работники	Военнослужащие	Рабочие
сектантов	хиппи	сектантов	алкоголиков
хиппи	проститутков	хиппи	нищих
рокеров	бродяг	больных СПИД	
проститутков	алкоголиков		
гомосексуалистов	наркоманов		
алкоголиков			

Высок уровень репрессивных устремлений в отношении проститутков. Минимальный (15%) уровень требований "ликвидировать" проститутков в среде мужчин 25-29 лет. В других возрастных группах мужчин и женщин уровень крайних требований в 1,5-2 выше.

Бродяги и нищие у общественности вызывают совсем другие чувства. Отношение к нищим, быть может, единственный случай, который позволяет вспомнить о традиционно вменяемом "народу" чувстве сострадания, жалости к убогим и т. п. Доля людей, высказавшихся за то, чтобы "оказать помощь"

нищим - максимальная среди всех ответов в данном разделе исследования (80%). Бродягам - хотя в чем их отличие от нищих? - не так повезло: за "помощь" им высказалось почти вдвое меньше людей. При этом на нищих не поднимается рука ни у кого, кроме маргинальных 5%, а "ликвидировать" бродяг среди женщин готово вдвое большее число респондентов.

Сомнений по поводу того, как поступать с убийцами, почти не высказывалось. Заслуживает внимания близость этих ответов и мнений по вопросу о смертной казни. Сторонников сохранения или расширения этого вида казни среди мужчин в 2,4 раза больше, чем приверженцев немедленной или постепенной его отмены. Среди женщин их в 3,6 раз больше. В отношении к убийцам женщины так же проявили большую склонность к крайнему решению - экстерминации. Существенно то, что именно среди мужчин 20-50 лет находилось 3-7% склонявшихся к тому, чтобы оказать убийцам помощь. Среди женщин такая позиция близка только двум человекам на сотню девушек до 20 лет. Уже чуть более взрослым свойственна "мужская" суровость и "старческое" неверие в то, что и к убийце надо отнестись как к человеку, который может нуждаться в помощи.

О СМЕРТНОЙ КАЗНИ

В ходе нашего опроса подавляющее большинство - 65% опрошенных - высказались за то, что нужно сохранить этот вид наказания. За немедленную отмену выступили 6%, а за то, чтобы идти к постепенной отмене смертной казни - 20%. (Прочие затруднились дать определенный ответ). Опросы ВЦИОМ показали, что основные соотношения сторонников и противников данной меры почти неизменны в эти годы. Но можно ожидать некоторого снижения доли сторонников смертной казни и увеличения доли ее противников.

В пользу сохранения смертной казни (и теперь и в будущем) среди наиболее молодых, то есть тех, кому предстоит жить в этом будущем, выступает менее половины опрошенных. Зато среди людей предпенсионного возраста более трех четвертей высказываются за то, чтобы такой вид наказания сохранялся и впредь. Среди учащихся и студентов, составляющих значительную долю этих "молодых", за сохранение казни - 43% (это близко к минимуму), а среди рабочих, за это же выступает свыше 70% (это близко к максимуму).

Среди членов КПСС вдвое меньше выступающих за немедленную отмену казни, чем в среднем, и почти рекордное число сторонников сохранения такого наказания и впредь:

71% при среднем по обществу 65%. Среди сторонников этой казни особенно велик процент людей, очень низко оценивающих свое положение на общественной лестнице. Свойственное им чувство ущербленности они связывают с тем, "что они менее образованны".

Неуверенность в безусловности нормы для себя и для других, "нетвердость" в норме, есть, видимо, та особая форма анонии, которая функционально связана с обсуждавшимся выше "двойным сознанием". Норма одновременно предстает для индивида, с одной стороны, в своем заявленном, номинальном варианте - как правило, подлежащее безусловному соблюдению в силу самого порядка вещей, а с другой - как "чужое", "пустое" требование, за неисполнение которого внешняя сила - государство - то ли накажет, то ли нет.

Что касается связи личностных характеристик с таким косвенным показателем аноничности, как стремление "качать смертию", то о ней говорит в 1,5-2 раза более высокая, чем в среднем, готовность чаще применять "высшую меру" и "ужесточать режим в местах заключения" со стороны тех, кто видит себя в самом низу общественной лестницы.

Анонию этого рода, т.е. отсутствие уверенности в социальном порядке, можно изживать разными путями. Поскольку это неуверенность общества в обществе же, возможно предположить путь, на котором общество воздействует само на себя. Но возможно и предположение о другом пути, при котором на общество воздействует другая инстанция - государство.

Наше исследование показывает, что "государственный" путь в нашем обществе представляется многим единственно возможным. Представления об индивидуальных или свободно-ассоциированных силах граждан гораздо более редки. Так, среди предложенных на усмотрение респондентов мер снижения преступности те, которые предполагают прямое противодействие граждан преступникам, получили 15 условных баллов. А те меры, которые предполагают прямые действия государства, получили более 140 баллов.

Среди сторонников демократического порядка до недавнего времени широко бытовало такое представление: на нашем обществе, которое естественно (или в потенции) стремится к демократическому устройству, висят оковы тоталитарного государства (оно же - административно-командная система, сталинизм, репрессивные структуры и т. п.). Стоит их сбросить, и настанет свобода.

Дело оказалось сложнее. Оковы - не нечто безусловно чуждое самому обществу. Они выросли в него, а как думают неко-

торые, - и выросли из него, соприродны ему. Не будем спорить, заслуживает ли наш народ того государственного устройства, которое он имел или имеет. В такой общей постановке вопрос не имеет решения.

Опросы показывают, что в "народе" есть достаточно многочисленные сторонники демократического устройства и те, кому впору жить при тоталитаризме. Ответы на вопрос об отношении к смертной казни указывают на то, в каких слоях общества находит основную опору одна общественная перспектива, а в каких - другая.

Сторонники смертной казни, поборники государственного насилия, склонны поддерживать и такие лозунги, как борьба с привилегиями в качестве основного средства решения наших проблем, и такие, как опора прежде всего на КПСС и правительство. Для них характерен "авторитарный комплекс" в его классическом виде: они выступают за "сильную руку", им видятся кругом враги внешние, они сильно опасаются также врагов внутренних. Среди этих людей наиболее высок авторитет армии и КГБ как органов государственного насилия в его "чистом" виде. Они же выступают за наиболее жесткие формы этого насилия, включая применение оружия, при ликвидации с помощью армии разного рода социальных беспорядков, в том числе митингов и демонстраций с "антисоветскими лозунгами". Себя они, в свою очередь, характеризуют как "советских людей".

Пониженный уровень образования, преклонный возраст и другие обсуждавшиеся выше признаки в сумме с различными житейскими обстоятельствами, чертами характера и пр. формируют у этих людей то, что можно назвать специфическим синдромом советского человека: тяга к государственной репрессивности в отношении других при чувстве собственной социальной незащищенности. Последним широко используемым ныне словам хотелось бы вернуть их исходный смысл.

Эти люди, выступающие "за", - за "властного руководителя страны", за сохранение и даже умножение казней, на первый взгляд, кажутся представляющими самую толщу общества и еще чаще выдаются за таковых. Но они-то сами не чувствуют себя связанными с обществом, со своим ближайшим и более широким окружением. В этом смысле они общественно т.е. социально, не защищены. Потому они не ждут защиты со стороны общества. Они ищут защиты у государства - ведь карает преступников, в том числе смертной казнью, именно оно.

Но и навстречу им от лица государства сейчас часто апеллируют именно к проблеме "социальной незащищенности".

Его глашатаи - в какие бы популистские одежды они ни рядились, сколь радикальные меры ни предлагали - говорят о необходимости повысить "социальную защищенность". Но разумеют под этим государственные меры вроде пенсий, дотаций, введение разнообразных систем распределения благ, а также жесткое "наведения порядка", "борьбу с преступностью", "пресечение спекуляции" и пр. и пытаются дискредитировать формы и способы неподконтрольной им самоорганизации общества - угрозу всей государственной системе опеки и распределения - обвинениями во "враждебности народу", чья "незащищенность" им так на руку.

ЭТНИЧЕСКИЕ РАМКИ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Среди главных событий последних лет обычно называют резкое обострение межнациональных отношений. Оценивая перспективу их развития, политологи говорят о нарастающих симптомах разрушения империи, распаде прежней механической системы интеграции советского общества, базировавшейся на силовом внеэкономическом принуждении, национальном подавлении, единой централизованной структуре управления и господства. Крах тоталитарной идеологии заставил действовать резервный ресурс интегративных механизмов и связей - чувства и идеологии национальной солидарности.

Конфигурация наметившихся разломов в административно-государственной системе СССР не просто обнаруживает силовые линии социальных напряжений, но и проявляет действие самых разных по характеру механизмов объединения людей. Среди них на сегодня сфера "национального" - одна из наименее рационализируемых и проясненных.

Распад империи сопровождается как усилением рутинных образований и пластов традиционной регуляции, имеющих архаическую или до-модерную природу (например, в Средней Азии или Казахстане), так и движениями национально-демократического толка, направленными против тоталитарного режима (Прибалтика, Армения и др.). Русский имперский национализм, опирающийся на солидный символический фонд и традиции, необходимо отличать от консервативных романтических утопий почвы, автократии, имитационного традиционализма, шовинистических фобий, характерных для антимодернизационной, изоляционистской версии русского национализма, в свою очередь имеющих мало общего с требованиями суверенитета Узбекистана или Татарстана, где их выдвигают местные партийно-хозяйственные функционеры, исламские фундаменталисты или националистически-настроенные интеллектуалы.

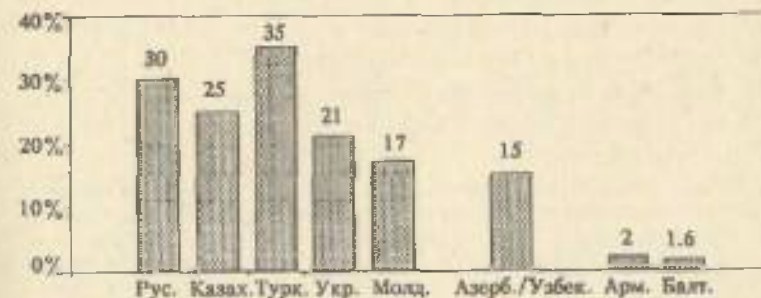
Иными словами, для понимания связей между динамиче-

скими и консервативными элементами социальной жизни общества важны не только чисто экономические, политические или собственно идеологические факторы, но и антропология, отражение в конституции того или иного человеческого типа - различных институтов, специфики культуры и истории.

Цементирующим элементом, хотя со все более слабым действием, сегодня и является интересующий нас своеобразный антропологический тип, образующий преимущественную основу режима, его культурный и социальный ресурс - "советский человек". Этот тип, наряду с другими механизмами и институтами, обеспечивает легитимацию и функционирование централизованной системы управления, господства, позволяя удерживать в рамках советской империи самые разные образования - племенные и трибалистские структуры, феномены, близкие к государственному феодализму на национальных окраинах (в бывших колониях империи - союзных и автономных республиках), и новые, еще не отделившиеся национально-демократические формирования.

В общей массе оснований для идентификации собственно национальные самохарактеристики составляют сравнительно скромный объем. Специфичны они главным образом для коренного населения союзных республик и других "нерусских" народов. (см. рисунок.) Напротив, в качестве "советских лю-

Национальная идентификация

дей" в первую очередь характеризует себя именно русское население (в России удельный вес этой самохарактеристики равен уже 30%, а среди москвичей и ленинградцев, т.е. жителей столиц, центра - 38%). Достаточно высока частота этого элемента самосознания у казахов (25%), еще переживающих сегодня первую фазу урбанизации, изменения традиционного образа жизни. Еще выше она у туркмен - 35%, характеризующихся наиболее низким жизненным уровнем, традициона-

лизмом и выраженностью советских форм организации власти и управления. У украинцев - 21%, молдаван - 17%, азербайджанцев и узбеков, особенно жителей крупных городов - по 14-15 %. Напротив, "советский человек" как матрица самоидентификации практически отсутствует у народов, переживающих сейчас подъем национального самосознания и восстановление собственной национальной государственности. Например, у литовцев и других жителей Прибалтики этот показатель равен всего 1,6%, у армян или грузин - 2-2,5%.*

Что у Вас прежде всего связывается с мыслью о Вашем народе?

- (1) не чувствую, что принадлежу к какому-то народу
- (2) территория, на которой мы живем
- (3) наше прошлое, наша история
- (4) родная природа
- (5) место, где я родился и вырос
- (6) государство, в котором я живу
- (7) язык моего народа
- (8) великие люди моей национальности
- (9) наша военная мощь
- (10) наше умение трудиться, хозяйствовать
- (11) наши беды
- (12) наша религия
- (13) знамя, герб, гимн, наши святыни и символы
- (14) наши песни, праздники и обычаи
- (15) родные могилы, памятники
- (16) наша вина перед другими народами
- (17) воля моего народа к свободе, независимости
- (18) идеи, которые мы несем другим народам и странам
- (19) душевные качества моего народа
- (20) затрудняюсь ответить

* Сказанное нуждается в некотором уточнении. Растождествление с "советским человеком" обусловлено не только мотивами национальной консолидации, но и общим отторжением от официальной идеологии, характерным для самых образованных групп. Так, если среди подписчиков партийных журналов, газеты "Правда" квалифицируют себя в первую очередь как "советских людей" 33% опрошенных, а среди читателей главного теоретического журнала КПСС "Коммуниста" - 46%, то у читателей и подписчиков изданий либерального толка - "Нового мира", "Литературной газеты" и "Огонька" - их насчитывается лишь 16-18%. Однако меньше всего их в аудитории журналов, выходящих на языках коренного населения в союзных или автономных республиках. Поскольку их читательская публика образуется, главным образом, из местной интеллигенции, то неудивительно, что относящих себя к "советским людям" здесь всего 13% (причем, и это количество набирается в основном за счет Украины и среднеазиатских регионов).

Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о Вашем народе?

В ШЕЛОМ*	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)	(15)	(16)	(17)	(18)	(19)	(20)
Результат	4.1	11.9	27.0	14.7	35.5	21.0	32.3	8.0	2.2	7.4	11.5	8.5	6.7	17.2	8.2	1.1	11.8	2.6	11.5	5.3
Москва	7.0	9.6	26.1	18.3	36.5	31.3	27.0	11.3	0.9	7.0	8.7	2.6	3.5	17.4	5.2	0.0	12.2	4.3	12.2	1
РСФСР																				
европейская часть	4.0	8.4	27.0	18.4	41.6	25.9	20.2	5.3	2.1	7.9	13.5	3.8	5.2	15.3	9.1	1.3	8.6	1.8	15.4	7
Сибирь	3.3	10.4	20.4	4.6	30.0	38.3	22.1	3.8	0.4	4.2	9.6	1.7	5.4	10.4	5.4	2.1	4.6	10.8	11.3	8
Украина	1.9	14.0	27.3	15.0	33.2	42.5	43.1	7.4	2.3	7.6	10.4	17.3	12.7	21.4	8.7	0.4	17.5	1.3	6.6	3
Казахстан	9.0	9.7	25.5	10.5	23.6	20.2	39.7	16.1	1.5	7.1	11.6	2.6	2.6	17.2	6.4	3.0	3.7	2.2	9.7	4
Узбекистан	5.5	14.1	21.1	14.1	31.3	17.2	23.4	17.2	6.3	4.7	12.5	15.6	4.7	16.4	3.9	0.0	1.6	3.1	8.6	12
Литва	0.5	13.6	22.2	16.7	42.1	12.2	46.2	5.4	0.0	9.5	13.1	14.5	15.8	21.7	5.0	0.0	27.6	0.9	10.4	2
Молдавия	8.8	19.6	31.8	15.5	45.3	19.6	51.4	5.4	2.0	10.1	1.4	6.8	4.1	22.3	11.5	0.0	18.2	0.0	4.7	0
Грузия, Армения	1.8	22.1	52.2	11.5	23.0	3.5	50.4	15.9	10.6	8.8	15.0	20.4	0.0	8.0	12.4	1.8	22.1	3.5	10.6	2
Азербайджан	2.6	19.5	41.6	6.5	9.1	2.6	49.4	9.1	9.1	7.8	20.8	26.0	0.0	22.1	14.3	0.0	19.5	0.0	20.8	3
Национальность																				
Русские в РСФСР	3.4	8.5	26.3	15.3	38.0	29.4	20.7	6.0	1.9	6.4	12.8	3.6	4.1	15.1	8.4	1.5	7.7	4.1	15.4	7
Русские в других республиках	7.7	9.6	27.0	8.7	27.3	20.9	26.4	10.9	3.5	6.4	15.4	4.8	5.1	15.8	9.0	3.9	5.5	4.5	10.3	6
Украинцы	0.9	16.1	25.2	17.9	31.2	9.7	49.1	9.1	3.3	10.9	3.6	15.5	16.7	22.7	8.8	0.0	19.4	1.2	6.7	2
Казахи	0.0	26.9	26.9	14.9	35.8	9.0	50.7	34.3	0.0	7.5	0.0	0.0	0.0	26.9	9.0	0.0	1.5	0.0	13.4	0
Узбеки	7.0	24.6	31.6	21.1	24.6	22.8	36.8	24.6	10.5	5.3	15.8	31.6	1.8	14.0	3.5	0.0	0.0	0.0	8.8	1
Литовцы	0.0	13.1	23.6	18.8	38.2	7.9	51.3	6.3	0.0	10.5	13.1	13.1	17.3	23.6	5.8	0.0	29.8	1.0	11.0	2
Молдаване	8.8	23.1	37.4	12.1	48.4	6.6	60.4	3.3	3.3	14.3	0.0	11.0	1.1	27.5	9.9	0.0	20.9	0.0	5.5	0
Грузины, армяне	2.4	22.9	53.0	13.3	24.1	2.4	53.0	19.3	6.0	1.2	12.0	21.7	0.0	9.6	15.7	0.0	28.9	0.0	12.0	3
Азербайджанцы	3.1	18.8	42.2	7.8	10.9	3.1	53.1	7.8	3.1	1.6	14.1	31.3	0.0	21.9	17.2	0.0	23.4	0.0	23.4	4

* (в процентах от общего количества опрошенных)

Чем дальше от столиц союзных республик, этих локусов национальной культуры, где сегодня кипят национальные страсти и процессы национальной консолидации чрезвычайно интенсивны, тем сильнее ощущается действие рутинных стандартов самовосприятия и самопонимания, моделей идентификации, присущих ушедшим эпохам (т.е. людям 50-60-х годов). Если в столицах союзных республик доля респондентов с гордостью называющих себя в первую очередь "советскими людьми" составляет 14% и образуют эту группу преимущественно русские и русскоязычные респонденты других национальных меньшинств, то в периферийных городах и сельской местности удельный вес людей, характеризующих себя как "советских", в целом составляет уже 26-28%. Учитывая доли русского, украинского, а также белорусского населения в демографической структуре страны, можно говорить о том, что в абсолютном измерении "советский человек" по преимуществу русский, или, по меньшей мере, русифицированный.

Речь идет не просто об отношении к советской власти и истории советского общества. Дело в разной структуре самоидентификации, включающей содержательно разные наборы символических элементов, а также их разным удельным весом, а соответственно, роли тех или иных смысловых компонентов в конституции этнического самосознания.

Как видим, у русских фокус самоидентификации заключается в определении себя в первую очередь, как "граждан государства". Чем ниже культурный и образовательный статус опрошенного (и чем старше респондент по возрасту), тем сильнее идентификация с государством. Например, у респондентов до 30 лет этот показатель равен 12-13%, старше 40 лет - 28-29%. Вместе с тем, у руководителей предприятий (33%), а также работников аппарата управления, в целом характеризующихся высоким образовательным уровнем, фиксируется тесная связь с советским государством. В профессиональном отношении теснее других отождествляют себя с государством военнослужащие и работники правоохранительных органов (35%). Понятно также, что этот показатель высок у членов КПСС - 32%.

Этот ведущий компонент самоопределения дополняется некоторыми неспецифическими в отношении национальных различий смысловыми элементами массовой культуры, компенсирующими аморфность и размытость собственно государственно-тоталитарной принадлежности. Сюда относятся "место, где я родился" ("малая родина") и "родная природа". Более определенными и характерными именно для русских являются

такие составляющие как "душевные качества моего народа" (15%, в среднем среди нерусских респондентов этот показатель составляет лишь 9%, главным образом, за счет ответов азербайджанцев и казахов). И еще более специфичными, хотя и свойственными сравнительно малочисленной группе отвечающих, являются такие элементы самохарактеристики, как "идеи, которые мы несем другим народам". Практически эти настроения, характерные лишь для консервативно настроенной части общества, сохраняющей дух имперской экспансии и идеологического миссионерства, распространены только среди русских (а также, но в существенно меньшей степени, для украинцев). Суммарная доля ответов такого рода во всесоюзной выборке составляет 2,6%, но респонденты, составляющие эту группу, относятся почти целиком к пожилым и низкообразованным людям, живущим в глубокой провинции или сельской местности. Так, в европейской части РСФСР доля этих респондентов меньше средних величин - 1,8%, на Украине - 1,3%, в Литве, Молдавии, Азербайджане и др. - 0. Однако в Москве, и что особо примечательно, в Грузии - 3-4%, что говорит о живучести здесь сталинского духа; в Сибири - 11%. Колхозники в этой группе встречаются в три раза чаще, чем в среднем среди населения (6%), пенсионеры - в 4 раза. Лица с образованием ниже 9 классов - в 3 раза чаще, чем с высшим; в возрасте 50 лет и старше - в 5-8 раз чаще, чем до 50 лет. Повышенная доля и членов КПСС.

Последний компонент, специфичный только для самоидентификации русских, встречается у очень небольшой части населения (2%) и предполагает сознание своей ответственности за насилие, причиненное тоталитарным режимом и имперской политикой другим народам (в большей мере чувством вины проявляется у русских, проживающих в союзных республиках - в целом здесь оно выражено втрое сильнее, чем у населения России; характерно также, что доля военнослужащих в этой группе в 6 раз больше среднего).

Принципиально иная структура идентификации у нерусского населения Союза. Хотя она довольно существенно различается у разных народов, тем не менее, можно выделить ряд общих черт, отличающих эти типы национального самосознания от русского. На первом месте стоят значения, традиционные для формирующегося и эмансипирующегося от имперской зависимости национального самосознания: вера в историческое единство происхождения, историческое прошлое этих народов, с одной стороны, и обособляющая, выделяющая и тем самым сплачивающая соотечественников символиче-

ская роль родного языка, с другой. В Молдавии, Грузии, Армении, Казахстане, Украине, Азербайджане, Литве и отчасти - в Узбекистане и Туркмении, эти показатели в два-два с половиной раза выше, чем у русских в России ("история, прошлое" от 53% в Грузии и Армении до 32% в Узбекистане, для респондентов из России этот показатель равен 26%; национальный язык как символ этнической солидарности указан значительным большинством нерусских респондентов: соответственно, от 60% всех ответов в Молдавии до 37% в Узбекистане, у русских этот показатель составляет лишь 21%, еще меньше он только в Туркмении - 17%). Для русских язык не является специфическим элементом самосознания, поскольку это язык неотчужденный, "всеобщий", официальный, государственный, язык "межнационального общения", как его характеризуют в официальных документах.

Наряду с общим историческим прошлым важное место в структуре национального самосознания нерусских народов занимают персонифицированные символы нации - "великие люди моего народа". Частота упоминаний этих признаков в ответах нерусских респондентов в 2-3 раза выше, чем у русских. Особенно значимым этот элемент является для респондентов в Казахстане, Узбекистане, где такие показатели в 4-5 раз больше, чем у русских (6% и соответственно 34% и 25%), а также для Грузии, Армении и Азербайджана (17-19%).

Сильнейшим объектом национальной референции становятся и территория, занимаемая тем или иным народом. Значимость этих символических компонентов национального обособления, естественно, выше там, где между народами или республиками возникли острые территориальные разногласия и конфликты. Если у русских соответствующий показатель составляет 8%, то у казахов - 27%, узбеков - 25%, молдован, армян и грузин - 23%, азербайджанцев - 19% (у украинцев лишь 16%).

Стремление к независимости от диктата Центра само по себе окрашивается в цвета национального сопротивления и усиливает внутреннюю органическую сплоченность. Удельный вес подобных ответов ("воля к свободе и независимости моего народа") у респондентов из Литвы, Грузии, Армении, Азербайджана, несколько в меньшей степени - у украинцев и молдован, в 3-4 раза больше, чем у русских (8% и соответственно - 30, 29, 20-21%).

Резко выражено также и отношение к религии как компоненту национального самосознания, этнического своеобразия и выделения. Этот элемент важен в первую очередь для

мусульманских народов - Азербайджана, Узбекистана (у русских он составляет 3-4%, у узбеков и азербайджанцев - 31-32%), у респондентов из Грузии, Армении, Украины и Молдавии - от 22 до 11%.

Менее значимы для русских и такие традиционалистские компоненты национального самосознания, как "связь с предками", "святость могил", с одной стороны, и народные обычаи, фольклор, с другой. Если у русских на такие признаки указывали от 9% до 15% всех опрошенных, то у грузин или армян, казахов или молдаван эти показатели составляли уже от 17% до 27% респондентов соответствующей национальной группы.

Таким образом, можно говорить о значительных расхождениях в характере и структуре самоопределений различных национально-этнических групп в Советском Союзе. В первую очередь необходимо выделить представления русских (или русифицированного населения, по существу принявшего их ценностные установки и нормы) о себе, базирующиеся на сильнейшей идентификации с государством, с советской властью как практически единственной консолидирующей и устанавливающей социальный порядок силой, играющей роль своего рода заместителя национальной истории и культуры. В отличие от этих представлений, совокупность черт и характеристик, определяющих этническое самосознание коренных национальностей в союзных республиках, образуют конфигурации символических элементов и значений, которые обеспечивают не просто органическую солидарность этнической общности у нерусских народов, но и придают им традиционалистский, а точнее традиционализирующий характер. (Эта характеристика в меньшей степени относится к балтийским народам, у которых процессы модернизации развивались иным образом, чем в Закавказье, Средней Азии и на Украине). Подобные структуры национальной идентичности позволяют адаптировать изменения лишь в той форме, которая согласуется с воображаемым или действительным составом национальных норм и представлений.

Поэтому и структуры этнической идентификации здесь также весьма неоднородны. Можно говорить не просто об отличиях от русского самосознания, но о двух тенденциях, развивающихся внутри этих сообществ - центробежных, характерных для тех национальных групп, которые стремятся к утверждению приоритета своей национальной группы, государственному суверенитету, выходу из СССР, и центростре-

мительных у тех, кто сохраняет свою принадлежность к Союзу. Полярными установками в этом плане характеризуются, например, эстонцы и белорусы или киргизы.

Как Вы считаете себя в первую очередь: гражданином СССР или гражданином республики, в которой Вы живете?*

Национальности	гражданином Советского Союза	гражданином республики	не могу сказать определенно
ВСЕГО	57	33	10
Русские в России	63	25	12
Русские в республиках	66	22	12
Украинцы	42	46	12
Белорусы	69	24	7
Эстонцы	3	97	0
Азербайджанцы	28	65	7
Армяне	8	83	9
Казахи	48	52	0
Узбеки	38	53	9
Киргизы	55	39	6

Таким образом, определяющим моментом русского самосознания является, как мы видели, идентификация с властью, с государством, персонифицирующим и всеобщность охвата территория СССР, и проникновение в любые социальные структуры и отношения. Власть (держава как сверхценность) осознавалась как сила, не просто удерживающая вместе разные народы, но и как создавшая это единство, породившая гигантскую империю и провозгласившая в будущем покой, изобилие, славу для всего целого, а также осуществляющая (по крайней мере - декларирующая) особую идеологическую миссию в мире - построение нового общества, прокладывание нового пути для других стран и народов.

В этом смысле новый идеологический проект, антропологической составляющей которого был "советский человек", ставил своей целью массивификацию общества, устранение традиционных (синонимичных в этом контексте "отсталых") компонентов культуры и образа жизни, локальных особенностей организации общества.

Идеология модернизации соединилась с идеологией великой державы, более того - в определенный момент стала ее

* Данные репрезентативного общесоюзного опроса 3006 человек в марте 1991 года.

легитимационным базисом, ревниво оттесняя любое свободомыслие и своеволие. Но такой синтез патерналистской, почитательской и тоталитарной по своему действию и репрессивному контролю власти сохранял неустрашимый внутренний разрыв в отношении властных структур к реальности, т.е. к разнообразным процессам внутри общества. Противоречие заключалось в том, что стремясь поставить под свой контроль, подавить любые возможности автономизации, социальной дифференциации, свободного развития любой из подсистем общества, власть разрушала и динамический потенциал своего воспроизводства, и базис собственного авторитета, включая модернизационную легенду.

Никакая власть не держится голым насилием и физическим принуждением. Для своего существования она должна, хотя бы в какой-то части своей, быть признанной - легитимной. В русском сознании (в значительной мере "советском"), заменившем ушедший тип сословно-национального самосознания, вера в единство "своего происхождения и судьбы" вытеснена идентификацией с советским государством. Для этого сознания до 1917 г. почти ничего не существует. Его лишь очень условно можно называть "национальным" (правильнее было бы - квазинациональным). Исторический план этого массового сознания неглубок и не выходит за пределы школьной программы и газетной галереи вождей, полководцев, партийных деятелей советской эпохи, погружая все прочее в смутное безвременье. (См. специальную главу настоящей книги). Более того, нынешний интерес прессы, публицистики и значительной части читательской аудитории к прошлому, к истории - это болезненная реакция на нарушения табу в расколдовывании вождей и идеологических мифов, рационализацию сакральной версии государства ("хватит очернять наше прошлое..."). При том, что большинство опрошенных (46% против 20%) утверждали в декабре прошлого года, что пресса слишком мало пишет об истории, в особенности об истории советского государства, 62% респондентов заявили, что как раз о сталинской эпохе, о сталинских преступлениях, напротив, пишут слишком много. Причем анализ национального состава респондентов, давших подобный ответ, говорит о том, что чаще всего такие ответы дают русские. Покушение на авторитет, символы власти различного уровня или государства в целом поэтому воспринимается определенной частью русского населения именно как агрессия против "русского", вызывающая квази-невротические реакции. Согласно данным репре-

зентативного августовского опроса 1990 г., проводившегося в РСФСР, значительная часть опрошенных (хотя и не составляющая большинства) отметила, что "русским" в результате изменений за последние годы угрожает опасность "духовного вырождения" (35%), "упадка или утраты русской культуры" (46%), "утраты ведущей роли" среди народов СССР (42%), засилье нерусских народов и национальностей, а также потеря русской самобытности (39%). Вместе с тем, следствием подобной идентификации с властью, подвергающейся сегодня жесткой критике, становится негативная, мазохистская самоидентификация. В общесоюзном исследовании "Общество-90 (Новый год)", проведенном в конце декабря 1990 года, 54% опрошенных заявили, что наша страна никому не может служить примером (разве что чисто отрицательным). Такой результат (этот показатель за два года с 1988 по 1990 гг. увеличился с 7 до 54%) свидетельствует не только о конце миссионерской, идеологической функции и легенды первого "социалистического" государства, но и явлениях дезориентации, разрушении внешнего слоя идеологических ценностных представлений. В сентябрьском опросе 1990 г. (по репрезентативной выборке городского и сельского населения СССР) 82% опрошенных заявили, что "сегодня многое разрушилось из того, во что верили наши отцы", столько же, - что "все сегодня неустойчиво и может произойти что угодно", 71% - что "при нынешних беспорядках трудно понять, во что верить", причем во всех случаях большую растерянность обнаруживали именно респонденты, живущие в России.

Нельзя сказать, чтобы эти механизмы формирования национального русского самосознания были так уж новы. В известном смысле, именно эти моменты имел в виду П.Я. Чаадаев, когда писал, что "мы имеем пока только патриотические инстинкты. Мы еще очень далеки от сознательного патриотизма старых наций, созревших в умственном труде, просвещенных научным знанием и мышлением..." В нашей истории на каждой странице можно найти глубокое воздействие власти... и почти никогда не встретите проявлений общественной воли".* Актуальность этих высказываний сегодня говорит о том, что это не момент или фаза очередного наполнения структур национального сознания, а стабильные структуры квазинациональной идентификации.

Эффективность негативной самоидентификации означает, что формирование образа "Мы" идет в первую очередь

через соотнесение с образами "чужих" или "других". Рассмотрим состав этих образов, задав осевую для русской культуры шкалу Запад-Восток (модерное - традиционное)*.

В исследовании "Советский человек" такая шкала задавалась образами условного, воображаемого европейца ("англичанина") и жителя Средней Азии ("узбека"), а их аналогами, равно как образами "анти-Мы", служили столь же мифологизированные черты "литовца", "еврея", "русского"**. Приведем наиболее устойчивые характеристики этих "персонажей", данных русскими.

*Представления русских о наиболее характерных чертах самих русских и людей других национальностей
(в % ко всей группе ответов)*

Англичане	Узбеки	Евреи	Русские
Культурные, воспитанные 58	Почтительные со старшими 44	Лицемерные 74	Открытые, простые 62
Энергичные 47	Гостеприимные 34	Энергичные 36	Терпеливые 55
С чувством собственного достоинства 40	Религиозные 32	Скупые 26	Гостеприимные 54

* В исследовании "Образ А.Д. Сахарова в массовом сознании" (март 1991 г.) эта культурная дихотомия стала объектом непосредственной проверки. Результаты подтвердили существование определенного напряжения в самоидентификации по данной оси. СССР воспринимается как полугерманская страна, стремящаяся к западному пути развития, отталкивающаяся от "азиатчины", но не "дозревшая до западного состояния". "Людьми европейской культуры" считают себя 32% ("гражданами мира" - 37%), "людьми восточной культуры" - лишь 4%. Прочих объединяют признаки и европейского склада культуры, и азиатские черты. Эта неопределенность и отражает "переходный" характер самоидентификации, т.е. динамика западного типа в данном случае является не процессуальной характеристикой действительного развития, не его фазовыми признаками, а структурными элементами образа собственного общества, в котором модернизационная идеология является конституционной частью культуры. Чем выше культурный и социальный статус опрошенного, тем чаще он заявлял о своей причастности к европейской культуре, и напротив, "неповторимость и исключительность" советского развития отстаивали идеологические кадры руководства и поддерживающий их люмпенообразный пролетариат (неквалифицированные работники). В национально-региональной плоскости анализа "западными людьми" признавали себя коренные жители балтийских республик, об этом заявили 79% литовцев, 62% латышей, 27% русских, но только 1,6% казахов; восточными - коренное население Казахстана и Средней Азии.

** Процедура предполагала выбор из 30 качеств и черт наиболее типичные для представителя той или иной национальности; данные о "литовцах", по структуре характеристик повторяющие черты "англичан", не приводятся.

* Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989, с. 160.

Англичане	Узбеки	Евреи	Русские
Рациональные 39	Забитые, униженные 21	Рациональные 25	Миролюбивые 52
Религиозные 25	Трудолюбивые 19	Скрытные 23	Готовые помочь 51
Трудолюбивые 24	Скрытные 15	Культурные, воспитанные 20	Трудолюбивые 30
Свободолюбивые, независимые 20	Жесткие 14	Властолюбивые 17	Непрактичные 28
Почтительные со старшими 13	Лицемерные 12	С чувством собственного достоинства 16	Належные, верные 26
Готовые прийти на помощь 10	Терпеливые 11	Религиозные 14	Ленивые 23
Миролюбивые 10	Безответственные 10	Трудолюбивые 13	Свободолюбивые, независимые 20
Властолюбивые 8	Ленивые 10	Почтительные со старшими 12	Безответственные 20
	Завистливые 9	Эгоисты 12	С чувством собственного достоинства 14
		Завистливые 12	
		Миролюбивые 10	

Образ "литовцев" по структуре ценностных определений практически полностью повторяет (хотя и с меньшей выраженностью) основные черты "англичан", т.е. воспроизводит представление о людях Запада, характерное для русской культуры. Правда, есть одно существенное отличие - если мифология "дальнего Запада" не содержит негативных компонентов или содержит их в ничтожных дозах, то образ "ближнего Запада" в лице литовцев несет вполне отчетливые отрицательные черты, представляющие собой проекции собственных напряжений и фрустраций, а также перенос собственных ценностей, но уже с обратным знаком. Литовцев чаще подозревают во властолюбии, навязывании своих обычаев другим, эгоизме и заносчивости. Этот характерный комплекс господства и власти (чрезвычайно чувствительный для русского сознания, болезненно проявляемый в самых разных отношениях) еще в большей степени воспроизводится в проекциях на воображаемого "еврея" (о чем ниже).

Структура подобного образа, т.е. особая конфигурация черт и свойств национального характера, почти во всех случаях представляет собой не просто соединение (комплекс в психологическом смысле), но образование, имеющее двуслойную структуру. Верхний слой - массив наиболее часто встречающихся определений (от 2/3 до 1/3 всех суждений) - является набором признаков, названных большинством опрошенных. Свойства пересекаются и взаимодополняют друг друга, образуя определенную систему черт. "Нижний" слой (примерно от 3 до 25% всех упоминаний) - столь же устойчивый и неслучайный набор качеств, выделяемых меньшинством населения, однако также являющийся не механическим остатком, а сравнительно консистентной системой взглядов и оценок, образующих как бы перевёрнутый в отношении к суждениям большинства образ национального характера или характеров. Корреляционный анализ свидетельствует об устойчивости взаимосвязей между признаками, составляющими два этих комплекса. "Нижний пласт" суждений выступает в качестве вытесняемых самооценок основной массы населения. Это - своего рода "коллективное подсознание" русского населения. Именно эти свойства "национального характера" охотнее всего переносятся на представителей других народов. И чем мифологичнее образ чужака, тем сильнее в нем видится то, что неприятно в себе и от чего желательно было бы избавиться.

Вытесняемые черты русского характера, не образующие значительного согласия (точнее - консенсус по поводу которых наблюдается лишь у небольшой части населения), это либо чисто отрицательные определения, либо свойства, характерные скорее для "чужих". Так, менее 10% опрошенных среди русских отметили наличие у "русских" такой традиционалистский признак, как "почтительность со старшими" (5%), а также - "заносчивость" (3%), "религиозность" (8%, ср. с соответствующими показателями у других национальностей), "энергичность" (8%), "властолюбие" (4%), "жестокость" (3%), "эгоизм" (2%), "лицемерие" (3%), "скупость" (2%), "рациональность" (2%).

Эти две группы высказываний (назовем их условно А и Б) достаточно явно связаны с определенными социальными параметрами, характеристиками, ценностными ориентациями, планами на будущее, надеждами и страхами, пониманием природы общества и отношением к советскому государству. Высказывания группы "Б" существенно чаще выбирают молодые люди, а также более образованные, жители крупных городов и столиц.

Какие из следующих качеств можно встретить у людей русской национальности?

- (1) энергичные, предприимчивые (5) миролюбивые (9) терпеливые (13) непрактичные
 (2) гостеприимные (6) ленивые (10) скрытые (14) завистливые
 (3) открытые, простые (7) рациональные (11) свободолюбивые, независимые (15) безответственные
 (4) надежные, верные (8) лицемерные, хитрые (12) культурные, воспитанные (16) готовые прийти на помощь

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)	(13)	(14)
В ЦЕЛОМ	7.5	45.6	53.1	20.7	42.0	24.7	2.4	4.7	42.5	2.7	17.0	5.9	26.1	9.9
<i>Регион</i>														
Москва	8.7	59.1	66.1	31.3	43.5	22.6	6.1	4.3	54.8	2.6	18.3	5.2	30.4	8.7
РСФСР														
европейская часть	7.0	52.2	56.4	21.3	50.7	20.7	1.3	3.0	53.6	2.2	19.9	6.0	26.2	8.4
Сибирь	9.6	61.3	57.1	31.3	47.9	23.3	1.7	3.3	50.0	3.3	22.9	3.3	32.9	12.9
Украина	4.9	39.5	41.2	16.3	35.7	29.6	1.7	7.4	29.0	1.1	8.7	1.7	24.9	7.4
Казахстан	6.0	44.2	66.7	32.6	46.8	16.5	0.7	0.7	46.1	1.1	18.7	7.1	24.3	5.2
Узбекистан	14.1	19.5	50.8	16.4	35.2	13.3	3.9	0.0	43.8	3.9	23.4	30.5	13.3	2.3
Литва	9.0	37.6	43.9	4.1	10.4	52.0	1.4	6.3	11.3	1.4	6.3	0.5	33.9	17.6
Молдавия	8.8	52.7	50.0	20.3	50.0	21.6	4.1	18.6	33.8	12.2	23.0	5.4	14.2	12.2
Грузия, Армения	8.8	13.3	40.7	14.2	21.2	16.8	15.9	6.2	38.1	5.3	15.0	8.8	27.4	25.7
Азербайджан	5.2	6.5	51.9	7.8	31.2	24.7	10.4	1.3	22.1	2.6	3.9	11.7	37.7	24.7
<i>Русские - нерусские</i>														
Русские	7.5	54.4	61.7	25.8	51.7	23.0	2.2	3.3	54.9	2.7	20.4	4.9	27.9	10.0
Нерусские	7.2	36.0	45.1	15.2	31.7	27.6	2.9	5.9	28.8	2.8	13.6	5.8	24.5	9.3

Какие из следующих качеств можно встретить у людей русской национальности?

- (17) религиозные (21) почтительные со старшими (25) скупые
 (18) с чувством собственного достоинства (22) жестокие (26) властолюбивые
 (19) заносчивые (23) трудолюбивые (27) навязывающие свои обычаи другим
 (20) эгоисты (24) забитые, униженные (28) нет ответа

	(15)	(16)	(17)	(18)	(19)	(20)	(21)	(22)	(23)	(24)	(25)	(26)	(27)	(28)
В ЦЕЛОМ	19.6	42.1	7.0	11.2	5.8	5.2	4.9	4.9	22.3	7.9	2.2	7.3	14.2	6.7
<i>Регион</i>														
Москва	26.1	43.5	13.9	25.2	6.1	2.6	7.0	0.0	30.4	9.6	5.2	4.3	7.9	13.9
РСФСР														
европейская часть	17.6	50.9	7.9	13.9	2.0	2.0	3.9	2.2	29.4	8.7	0.7	2.8	5.5	5.5
Сибирь	21.7	45.0	4.6	8.8	5.0	3.3	3.3	3.3	24.2	13.8	0.4	2.1	12.1	9.6
Украина	17.8	34.0	4.7	7.6	7.2	5.7	4.2	7.0	13.1	5.5	1.9	9.7	16.9	9.7
Казахстан	12.4	46.8	4.1	12.0	3.4	1.5	4.5	2.2	26.6	5.6	3.4	4.1	15.4	1.9
Узбекистан	3.9	43.0	7.8	7.0	7.0	1.6	7.0	3.1	14.8	3.1	0.8	4.7	3.1	3.1
Литва	39.4	18.1	3.6	3.6	13.6	19.0	4.1	16.3	0.9	6.8	3.6	16.3	52.5	8.1
Молдавия	12.8	43.2	4.1	14.9	3.4	10.1	6.1	4.7	21.6	2.7	2.0	21.6	14.2	1.4
Грузия, Армения	33.6	23.0	19.5	9.7	23.0	25.9	18.6	14.2	26.5	13.3	10.6	23.9	22.1	10.6
Азербайджан	35.1	23.4	13.0	7.8	15.6	10.4	2.6	13.0	15.6	16.9	11.7	6.5	29.9	14.3
<i>Русские - нерусские</i>														
Русские	20.0	51.1	8.5	14.1	3.1	2.5	5.3	3.1	29.9	10.1	1.6	4.0	7.4	5.6
Нерусские	20.3	30.1	6.0	8.5	8.5	8.0	4.7	6.7	13.4	5.0	3.0	11.7	22.7	7.4

В процессе сравнения составляющих тех или иных описаний национальных образов, даваемых русскими и людьми других национальностей, установлено, что отмеченные в группе А однозначно позитивные черты "русских" систематически занижаются, "просматриваются" в образах всех других национальностей. (Разумеется, эта закономерность фиксируется чисто статистически, на индивидуальном уровне это обстоятельство совершенно не создается, а это значит, что здесь действуют коллективные механизмы разрядки и проекции в психоаналитическом смысле). То, что ценится у себя, приуменьшается у других, и, напротив, то, что неприятно или болезненно воспринимается у себя, усиливается в других. По этим особенностям можно судить о том, что же образует "нервный узел" проблематики национальной идентичности (как "русскости", так и "советскости"). Те же закономерности проявляются и в проективных образах, которые дают представители других национальностей.

Нерусское население, сохраняя, хотя и в меньшей степени, основную доминантную схему национального образа русских (см. таблицу выше), чаще указывает на присущую русским лень (на 1/5 упоминаний больше), покорность и зависимость от власти: здесь существенно - почти на треть - меньше тех, кто отметил такие черты характера как "свободолюбие и независимость" (14% против 20%), "миролюбие" (32 против 52%), "терпение" (29% против 55%), "гостеприимность" - 36 против 54%, "надежность и верность" - 15 против 26%, "религиозность" - 6 против 8%, "готовность прийти на помощь" - 30 против 51%, "чувство собственного достоинства" - 8 против 14%, традиционалистские ценности, меньшее уважение к старшим, равно как и меньшее трудолюбие (13% против 30%), почти вдвое чаще подчеркивалась и "скупость". Но одновременно существенно чаще, чем самими русскими, акцентировались черты властно-авторитарного комплекса: "зависчивость" - 8% против 3%; "властолюбие" - 12% против 4%; принуждение других, навязывание своих ценностей и обычаев - 28% против 7%; лицемерие - 6% против 3%.

Значительно чаще эти моменты отмечали литовцы, молдаване, армяне и грузины, т.е. представители тех национальностей, которые в наибольшей степени стремились на тот момент освободиться от советского режима. Отметим, что респондентами других национальностей гораздо реже отмечался достаточно устойчивый в русском самосознании комплекс неполноценности - "забитости и униженности" (5 против 10%).

За внешними "психологическими" или характерологиче-

скими свойствами и квалификациями проступают особенности социальной конституции антропологического типа. Трудность интерпретации подобных стереотипов состоит в непрямом соответствии тех или иных черт реальному социальному поведению, поскольку определенные признаки или свойства допускают соединение противоречивых, амбивалентных характеристик в сложное и разнородное образование, предполагающее разные коды оперативного использования в разных ситуациях.

Так, например, определяющее начало в образе "русского" - отношение к власти - сочетает в себе достаточно двусмысленные планы отношений: с одной стороны, нереплексивную идентификацию с властью, зависимость от нее, подчас болезненно переживаемую (как забитость, униженность, терпеливость и покорность), с другой стороны, столь же иррациональную и иррационализируемую готовность к предъявлению требований и претензий к власти за небеспеченность жизни, низкий материальный уровень и проч.

Перемена знака отношения к власти еще не означает иррелевантности проблематики власти и авторитета (государственного авторитета и его символического престижа), особенно для структуры самосознания, трезвого и независимого восприятия власти как таковой. Напротив, можно констатировать сверхзначимость этих моментов для структуры идентификации, обнаруживаемой и в косвенных, не прямых воздействиях семантики власти на самооценку респондентов. Как сам знак этой самооценки, так и ее структура непосредственно соотносятся внутренне с пониманием сущности и культурного смысла власти. Чем сильнее идентификация с властью, с ее авторитетом, государством, тем отчетливее выражена близость к доминантной схеме национального образа (типа А). Поэтому совершенно закономерным является то обстоятельство, что респонденты, квалифицирующие себя как "советских людей", практически не порождают суждений типа "Б".

Носители этого сознания на первый план в решении социальных вопросов ставят государственные интересы: государство для них - субстанциональная социальная сущность, персонализируемая лидерами, которым на каждый данный момент высказывается максимальное доверие и одобрение. Им противопоставляются "личные" интересы отдельных людей или групп, отношение к которым в этом случае резко негативное: они расцениваются как рвачи, эгоисты, спекулянты, предатели, люди в моральном плане недоброкачественные. Высказываются жесткие требования применить к ним санкции, ограни-

чивая свободу передвижения, выезда, сферы занятия, права на принятие того или иного решения. Одновременно на государство возлагается обязанность проведения чисто патерналистской политики в отношении своих подопечных.

Неисполнение этого "договора" ведет к резкой консервативной и популистской критике и негативизму со стороны основной массы населения, росту недовольства, неуверенности, наблюдать которые часто приходится в последнее время. "Государство" - это прежде всего символический комплекс значений социального и национального целого. На уровне индивида это преобладание авторитарных компонентов отношений над всеми прочими типами социального взаимодействия: доминирование жесткого командного типа взаимодействия, предпочтение властного руководителя, способного навести порядок в стране или предприятии, готовность командовать и подчиняться, использовать самые крутые меры в отношении несогласных или девиантов.

Таким образом, вырисовываются несколько семантических фокусов, служащих референтными инстанциями самоопределения для "советского" сознания. Во-первых, это амбивалентное представление о западном этосе личного, независимого и автономного существования, базирующегося на ценностях свободы, рациональности, предпринимательства, активизма и успеха, т.е. полноты и самодостаточности индивида (культуры). Ему противостоит позитивный "гемаиншафтный" кодекс лояльности к общности, характерный для неиндивидуализированного сознания русских, - аффективной причастности и подчиненности ее нормам (без соответствующего уточнения, какова природа этой общности; важно, что групповые императивы доминируют в любом случае). Набор черт образа русских (в суждениях самих русских) начинается с таких квалификаций как "простота" и "открытость" (демонстративная предьявленность смысловой мотивации действия), далее следуют ценности групповых ритуалов - "гостеприимство", готовность помочь, отсутствие угрозы для других ("миролюбие"), "надежность и верность" (чисто групповые нормы солидарности), отказ от собственной, "эгоистической", т.е. индивидуальной выгоды ("непрактичность") и, соответственно, неприятие на себя персональной ответственности за свои действия ("безответственность"), которая излишня или невозможна в ситуациях круговой поруки.

Третий фокус референции задан образами "чужих" - будь то "своих европейцев", как, например, "литовцев", или их антиподов - "узбеков". В максимальной степени "чуждость"

выражена образами "евреев" и складывается из таких свойств, как мотивационная закрытость, непонятность, точнее - недоступность натуры для понимания других, порождающая самые черные подозрения. Эти качества и фиксируются как "скрытость", "лицемерие" (коварство), "завистливость", приписываемые "евреям", или "жестокость" - "узбекам".

Однако в мифологическом образе евреев, устойчиво сохраняющихся в истории русской идеологии роль агентов модернизации, помимо прочего акцентируются еще и деятельностные ценности ("энергичные", "рациональные"). Кроме того, в их образ вносится отрицательная оценка индивидуализма ("эгоисты"), выступающего противоположностью групповому, коллективистскому, "общинному" духу, характерному для русских, равно как отмечается и значимость таких свойств, как автономность своей культуры, этики, образа жизни и проч., которые не являются предметом особого интереса для русских, а потому и закрыты для их понимания.*

Наконец, необходимо еще отметить подчеркиваемые в образе "узбеков" черты зависимости, покорности и подчиненности, униженности, имеющие совершенно другой иерархический и функциональный смысл, чем аналогичные по названию признаки у "русских", у которых "униженность и забитость" уравниваются символическим авторитетом своей власти, державы.

Таким образом, национальная самоидентичность советских "русских" достигается через баланс гратификаций, связей и ценностных предпочтений в системе "Мы-они". Однако конституция "Мы" производится не непосредственно, а через неявную, но тем не менее доминирующую смысловую тему: властный авторитет. Структурность культуры предполагает отнесенность к власти любых значений, любых аспектов социального существования людей, как бы ни различался при этом сам знак этого отношения.

Национальные идеологии, обосновывающие своеобразие развития тех или иных народов, ориентацию на ту или иную модель социального и политического устройства, сегодня выступают в качестве катализаторов процессов разрушения державного сознания. Внутри этнически однородного массива, например, русского населения, композиция идеологических типов (в рассматриваемом здесь аспекте) может характеризоваться достаточным разнообразием.

Казавшийся ранее доминирующим тип имперского, великодержавного сознания сегодня составляет в общей массе

* См. подробнее: Театр, 1992, № 8.

лишь около пятой. Чуть больше можно насчитать, по данным мартовского исследования 1991 г., представителей агрессивного-изоляционистского типа, считающих, что "России надо очистить свою общественную и культурную жизнь от чужеродных элементов, инородцев и их влияний", что у "России свой особый путь, отличный от всего, что представлено историей Запада и Востока", что "России пора прекратить вмешиваться в дела других народов". Умеренно-толерантное сознание, сохраняющее представление о ценности всего исторического и культурного, государственного целого, называемого Советским Союзом, но не желающее одобрять силовые приемы, принуждение к единству или прежний режим управления и господства, сегодня может быть оценен в 35-40% всего взрослого населения РСФСР. Два других типа, сравнительно немногочисленные, представляют собой группы, резко расходящиеся по степени включенности в политическую жизнь - радикальных демократов, нейтральных к национальной проблематике (6-7%), и пассивных, индифферентно относящихся ко всему происходящему из-за узости информационного и культурного горизонта (11-12%).

Иными словами, трансформация великодержавного, имперского сознания, бывшего базой всей тоталитарной системы, не носит линейного и однозначного характера. Скорее, речь идет о кристаллизации разных типов сознания, в том числе и таких, которые способствуют процессам блокировки или - по меньшей мере - сдерживанию модернизационного развития.

Если радикально-демократическая группа включает преимущественно людей с высоким уровнем образования, большими культурными ресурсами (например, домашние библиотеки этой группы, аккумулирующие интеллектуальный и литературный опыт, отечественный и мировой, наибольшие среди всех описываемых категорий; они несравнимы с библиотеками других групп), то среди тех, кто относится к агрессивному-изоляционистскому типу, представленному как идеологическими консерваторами (неосталинистами), так и почвенниками или стражами русского "национального генофонда", удельный вес людей с высшим образованием, широким информационным горизонтом, книжными накоплениями - сравнительно невелик. В отличие от первых, среди которых наибольшее число подписчиков "толстых" либеральных литературных журналов и газет (в среднем они выписывали 10-12 изданий на семью), вторые - это главным образом люди неквалифицированного труда, работники сферы торговли, бытового обслу-

живания, провинциальная интеллигенция в первом поколении, ущемленная и обделенная в доступе к тем или иным источникам и культурным благам (их подписка, как правило, не превышала 3-4-х изданий, преимущественно самого массового толка - "Труд", "Работница" и т.п., включая местную печать). Иначе говоря, представители этих типов - инновационного и воспринимающего, рутинизирующего образцы, обладают разным потенциалом воздействия в обществе, а соответственно и оценка и пространство их действия при конкуренции за авторитет и поддержку также будут значительно отличаться друг от друга.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК И ЗАПАД: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКИХ У ЖИТЕЛЕЙ ФРГ

Изучение образов тех или иных наций в массовом сознании нашло в западногерманских эмпирических исследованиях две более или менее постоянных "ниши" - социальную психологию и опросы общественного мнения. В первом случае эти образы "чужих" изучаются как одна из разновидностей предрассудков в системе социальных ориентаций индивида. В опросах общественного мнения (более рутинной сфере, где можно обнаружить следы тех или иных прежде отработанных подходов к проблеме) акцент при интерпретации делается, как правило, на стереотипности, клишированности фиксируемых национальных образов, под которыми имплицитно понимают негативное искажение реальности, ее отторжение или враждебность к ней. Социальное изменение фиксируется здесь преимущественно по шкале "позитивные установки" - "негативные установки" (типа "анти" - "про"), чем, как правило, и исчерпывается.

Первыми в послевоенной Германии эмпирическим изучением национальных стереотипов занялись представители так называемой "психологии переживания" (*Erlebnispsychologie*).^{*} При этом, как чаще всего и впоследствии, использовался так называемый "реестр качеств" (*Eigenschaftslistenverfahren*), модифицирующий методику, разработанную для исследования расовых предрассудков американскими социальными психологами Д.Катцем и К.Брейли.^{**} Развивающаяся их подход работа, проведенная в институте психологии при Берлинском университете К.С.Соджи и Р.Бергиусом, дает первый материал по "образу русских", собранный немецкими

^{*} В первый послевоенный период немецкая психология претендовала на центральную роль в исследованиях культуры социальными науками.

^{**} Katz D., Braly K.V. Racial prejudice of 100 college students. J. abn. soc. psychol., 1933, 28, pp. 280-290.

исследователями в тогда уже разделенной Германии.^{*} В сравнении с американскими исследованиями предрассудков и стереотипов, работавшими в парадигме бихевиоризма, новой здесь была реинтерпретация или "реабилитация" понятия стереотипа как важнейшего и в принципе безоценочного. К.С.Соджи и Р.Бергиус опирались при этом на более точное прочтение работы американского политолога У.Липпмана "Общественное мнение"^{**}, который, собственно, и ввел понятие стереотипа в научный оборот. У Липпмана негативные аспекты предрассудков в индивидуальном и групповом восприятии "другого" или "других" (так же, как и "позитивные" стереотипы) представляют собой в целом особые формы понимания человеком многосложного современного мира, опосредующие ориентацию и идентификацию индивида. Акцент переносится с проблемы "искажения" действительности предрассудками на задачи анализа содержания и функций этих "отклонений", поиск обуславливающих их социальных факторов.

В исследовании Соджи и Бергиуса^{***}, в сравнении с опросом Катца и Брейли, реализуются две новые методические идеи. При анализе выбранных респондентами предположительных качеств того или иного народа отмеченные при ответах суждения разделяются на три типа: а) "специфические", когда данное качество приписывается только данной этнической группе при согласии в ответах более 40% опрошенных; б) "общие", когда более чем 40% опрошенных приписывали данные характеристики лишь нескольким народам и в) "неспецифические", когда свойства приписывались более чем шести народам с той же высокой степенью согласия.

Другой методический "ход" заключался в том, что весь обширный список отобранных в предварительных исследованиях качеств (205 характеристик) был разбит исследователями на 13 "областей суждения", или систем отнесения.

Первая процедура позволила определить уровень концентрированности и расчлененности суждений относительно другого народа, а тем самым зафиксировать в виде "специфиче-

^{*} Sodhi K.S., Bergius R. Nationale Vorurteile. Berlin, 1953.

^{**} Lippman W. Public opinion. N.Y., 1922.

^{***} В ходе работы был опрошен 881 респондент, которым предложили описать 14 этнических групп. Выборка формировалась способом, близким к методу "снежного кома" - в нее вошли так или иначе связанные друг с другом люди, названные своими друзьями или знакомыми. Сознательный отказ от попытки построить репрезентативную выборку мотивировался тем, что новая и для самих исследователей, и для респондентов форма опроса незнакомых людей незнакомыми могла вызвать большое недоверие и обесценить полученные данные.

ских" суждений - различные уровни значимости образов той или иной этнической группы для опрошенных. Восемь из четырнадцати этнических групп были приписаны более четырех специфических качеств - американцам (8), немцам (13), французам (7), англичанам (8), индийцам (5), итальянцам (4), евреям (8), русским (5). Эти специфические качества, как показывают авторы, в сжатом виде выявляют содержательную структуру всего полученного списка (количество выборов не ограничивалось). Приведем только список полученных специфических качеств немцев и для более полного сравнения весь список характеристик, приписанных "русским" (суждения приводятся в порядке убывания числа выбравших их людей от гипотетических 100% до 40%)*:

немцы	русские
сознающие свой долг	безудержные в пьянстве
основательные	непредсказуемые
надежные	примитивные
любящие животных	любящие Родину
поэты и мыслители	непритязательные
храбрые	жестокие
бюрократы	любящие детей
лучшие солдаты	пьяницы
милитаристы	мрачные
терпеливые	бедные
хорошие товарищи	"большие дети"
идеалисты	музыкальные
плохие политики	"люди массы"
культуртрегеры	стихийные, повинующиеся инстинкту
приветливые	некультурные
леговерные	недоверчивые
сентиментальные	глубокие
	грязные
	гневливые
	необразованные
	раболепные
	безыскусные
	бесцеремонные
	гостеприимные
	"народ крестьян"
	загадочные

Как видим, все положительные качества русских носят неспецифический характер (т.е. относятся ко многим народам), а все специфические, относящиеся лишь к русским, - явно негативные.

* Sodhi K.S., Bergius R. Op. cit., S.35-43; подчеркиванием выделены специфические качества, курсивом - неспецифические.

Интересный материал дает сравнение суждений об общих качествах. Чаще всего те же качества, что и себе, опрошенные приписывают "американцам" (8) и "англичанам" (7); затем следуют "евреи" (5), "французам" (4) и др. И лишь с тремя этническими группами опрошенные в этот исторический период не находят ни одного общего качества - с русскими, поляками и чехами. В то же время все общие для "немцев" и других этнических групп качества носят позитивный характер. Например, немцев и американцев объединяет для опрошенных то, что и те, и другие - "спортивные", "любящие технику", "понятливые" (толковые), "чистоплотные", "рослые", "организаторы", "культурные", "практичные". "Немцев" и "французов" - то, что они "любят красоту", "понятливые", "культурные", "артистичные". "Немцев" и "англичан" - то, что они "спортивные", "понятливые", "культурные", "чистоплотные", "точные (корректные)", "семейственные", "рослые".

Та же самая процедура, проделанная для "русских", показывает, что больше всего общих качеств опрошенные находят у них с "поляками" (9 - все негативные), с "чехами" (5 - все негативные).

Соджи и Бергиус приходят к выводу, что в полученных суждениях вырисовывается три общих круга представлений: 1) о французах, итальянцах, испанцах; 2) об американцах, англичанах и немцах; 3) о русских, поляках и чехах. Тут как бы само собой напрашивается традиционное понимание этнической общности как в первую очередь языковой - отнесение сгруппированных суждений к романским, германским, славянским и другим народам. Резко негативное отношение к "славянам" (но не к "евреям", образ которых здесь скорее положительный), в свою очередь как бы провоцирует исследователя обратиться к "расовым" истокам этнических предпочтений. Кроме того, идеологически нагруженную тему расовой дискриминации "задает" сама ориентация авторов на американские исследования, порожденные к жизни социальным контекстом расовых конфликтов в США конца 20-х - начала 30-х годов.

Однако авторы, как бы внутренне полемизируя с американскими исследователями, пишут: "Насколько эта общность в суждениях о вышеуказанных группах народов может быть связана с влиянием "расовых" учений, сказать трудно. То, что имеющиеся в этих учениях представления о западных, восточных, северных и азиатских народах находят отклик в группах суждений, очевидно. Однако возможно, что глубоко укорен-

ненные и исторически обусловленные обобщения сами и дали основу для так называемого учения о "расах".

К важному выводу приходят Соджи и Бергиус, сравнивая полученные данные с результатами работы Катца и Брейля. Степень согласия опрошенных в немецком исследовании значительно выше: если здесь нижнюю границу списков составляли суждения, выбранные как минимум 40% респондентов, то американские исследователи включали в списки и качества, собравшие до 11%. Наряду с возможными методическими причинами, Соджи и Бергиус указывают на содержательное "национальное" различие. Если при составлении (по данным предварительных опросов) списка национальных качеств в немецком исследовании пришлось половину из первоначально предложенных отбросить, после чего осталось 205 позиций, то американским исследователям для составления списка из 84 характеристик понадобилось использовать специальную справочную литературу. Анализируя возможные причины такого расхождения, авторы приходят к выводу о разной значимости образов других народов для "немца" и для "американца", о разном смысле для них национальной проблематики. Для американцев речь может идти, с одной стороны, о несколько призрачном существовании географически удаленных от них народов, а с другой - о внутренней социальной проблеме, национальной дискриминации в своем обществе. Для "немцев" же обостренное внимание к соседним народам (откуда и высокая склонность к соответствующим "предрасудкам") это исторически, культурно и политически обусловленная реальность, напрямую затрагивающая само существование немцев как нации. "Не желая отрицать интерес к расовым и этническим группам в Соединенных Штатах, мы хотели бы указать на то, что этот интерес должен рассматриваться в иной системе соотношения, чем интерес немцев к другим народам. Различные этнические группы в Америке, в конечном счете, складываются из американцев же, которые, хотя и имеют различное происхождение, все-таки не "чужие": как группы они не составляют непосредственной угрозы существованию американской нации и даже претензии на нее. Поэтому эти группы не вправе требовать для себя больше внимания и интереса, чем, например, такие группы в Германии, как католики, протестанты, нижние саксонцы или баварцы".**

Вторая упоминутая ранее процедура - отнесение предложенных в списке качеств к той или иной из тринадцати тема-

тических областей - позволяет определить, какие темы преобладают в суждениях о тех или иных народах, а затем - сопоставить выделенные таким образом для каждого народа содержательные "доминанты" образов друг с другом. Почти треть всех суждений о русских (29,6%) относится к области, названной авторами "социально-этическое поведение"; следующая по величине сфера "поведение в обществе" - 18,5%, затем следует "уровень культуры, образованность"* - 14,8%. Для "немцев" наибольшее число суждений также собирает "социально-этическая" тематика (22,9%), затем следует область достижительских ценностей ("Wollen und Zeisten") - 16,7% упомянутых качеств, которая занимает первое место и в суждениях об "американцах" (24,3%).

Если же положить в основу сравнения сами тематические области, то картина будет такова. Качества, относящиеся к социально-этической сфере, чаще всего приписываются "немцам" (18,6%), за ними следуют "русские" - 13,6%. В сфере достижительских характеристик первое место занимают "американцы" (22,5%), затем идут "немцы" - 20,0%. Качества, характеризующие уровень культуры и образованность, чаще всего приписываются "немцам" и "русским" (22,2%). В сфере политики лидируют "англичане" (27,3%), и затем, с равной частотой, следуют немцы, американцы и французы. "Художественная" сфера с равной частотой (по 20%) отмечается для итальянцев, испанцев, французов и немцев; "талантами" чаще других наделяются "немцы" (26,7%), затем следуют "французы" и "евреи" (по 20%). Как нам представляется, такое сравнение интенсивности упоминаний той или иной сферы в суждениях о своем собственном и других народах позволяет выделить значимые для "немцев" оси содержательной идентификации, разные ее формы (этническую, национальную) и образы значимых обобщенных партнеров.

Самоотождествление с определенным этническим сообществом, с "народом" или "нацией" основывается на субъективной вере в общность с данной группой людей, которая всегда осознается в ее отличии от "других". Содержание этой веры различно (единство языка, нравов, обычаев, исторической и политической судьбы и пр.) и подвержено изменениям. Ряд идей, важных для интересующей нас социологической интерпретации функций и смысла представлений о национальной идентичности, был предложен в свое время Максом Вебером.**

* Напомним, что все качества, которые приписываются в этот период "немцам", носят преимущественно позитивный характер, а "русским" - резко негативный.

** Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft, Kap. IV, 4, Kap. VIII, 5.

* Там же, S.60.

** Там же, S.72.

Для М. Вебера одним из важнейших источников веры в этническую общность является повседневная сфера устройства жизни в составляющих ее привычках, обычаях, нормах поведения и пр., в целом задающих рамки "приличий" для взаимодействия внутри определенного сообщества и, вместе с тем, относящихся к чувству "чести" и "достоинства" самого данного индивида. Вера в этническую общность предполагает и веру в особую "честь" принадлежности к некоей группе, "этническую честь", которая не разделяется стоящими вне этой группы. Специфическое чувство этнической солидарности представляет собой важнейший источник чувства достоинства, которое, в анализе Вебера, сродни сословной чести и представляет собой специфическую честь "массы": "... на нее субъективно в равной мере могут претендовать любые члены любых взаимно пренебрегающих друг другом групп".⁴ Вместе с тем это сознание этнической общности является лишь моментом, сопутствующим (или способствующим) формированию сообщества, и прежде всего, - политического. Иными словами, усиление или ослабление национального чувства, чувства этнической солидарности сложным образом связано с определенной фазой и особыми формами становления и рационализации политических структур того или иного общества, с характером преобладающих в нем (на тот или иной исторический момент) смысловых ресурсов социального действия.

Однако, сознание этнической идентичности не равно сознанию национальной идентичности. Этнической чести на уровне национальной идеи противостоят сознание культурного престижа и престижа власти. "Совершенно ясно, что повсюду те группы, которые внутри политического сообщества обладают властью направлять общественные действия, сильнейшим образом приспосабливаются этим идеальным престижем власти, являясь специфическими и надежнейшими носителями государственной идеи как идеи империалистической властной структуры, требующей безусловной самоотдачи. Это прежде всего те, кто ощущают себя специфическими "совладельцами" специфической "культуры"... Голый престиж "власти" под влиянием этих кругов неизбежно преобразуется... в идею "нации". Идея "нации" у ее специфических носителей, "интеллектуалов" или культурной элиты, тесно связана с интересами культурного престижа, которые в данном случае реализуются в "заботе" об индивидуальном своеобразии группы, выделенной в качестве "нации".** Как и в приведенных

⁴ Op. cit., S. 239.

** Там же, S. 530.

выше данных, в материалах западногерманских опросов по кросс-национальной проблематике вплоть до начала 80-х годов характерно явное преобладание положительных автохарактеристик "немцев", в целом положительные образы западных народов, прежде всего, "американцев" и преимущественно отрицательный образ "русских". Если посмотреть на это в перспективе изложенных идей М. Вебера, "предрасудочность", а значит, и потенциальную враждебность по отношению к другим этническим образованиям можно трактовать как определенную форму социального действия, мотивированную чувством этнической солидарности, которое возникает в заданном социальном, политическом и культурном контексте. Коснемся его вкратце.

На послевоенном становлении эмпирической социологии в Западной Германии заметно сказалась одна из важнейших черт этого времени - разрыв национальной традиции. Судьба послевоенной Германии в политическом смысле не принадлежала ей самой и полностью зависела от внешних сил, от решений, принимаемых странами-победительницами. Чрезвычайно важно при этом, что проблема государственного единства Германии и единства немецкой нации, вынесенная в неопределенное будущее, приобретала со временем все более абстрактный характер. Этот разрыв между идеально закрепленным в основном законе ФРГ положением о государственном и национальном единстве Германии с одной стороны, и повседневной политической и социальной реальностью - с другой, изживался или преодолевался в массовом сознании с помощью сильнейшей переориентации людей на жизненную прагматику, на решение насущных, прежде всего, экономических проблем.

Вместе с тем, можно предположить, что в качестве реакции на эту пережитую травму национальной идентичности должно было последовать усиление чувства этнической солидарности немцев, общности взглядов, привычек, норм повседневного поведения и общения, образующих как бы "нижнюю", почти "естественную" границу интеграции социального целого. Нам здесь важно отметить актуализацию или, точнее, подчеркнутую значимость этнического самоопределения в послевоенной Германии (высокую степень согласия относительно положительно оцениваемых качеств немцев, проявляющихся в ситуации повседневного социального взаимодействия) как момент компенсации нарушенных, в том числе и искусственным разделением государства, оснований социальной интеграции. Показательны распределения ответов на вопрос, за-

данный в 1959 г. немецким респондентам в международном исследовании американцев Г.А.Олмонда и С.Вербы*:

Если говорить в целом, то чем Вы больше всего гордитесь в Вашей стране?

(в процентах к опрошенным):

Правительство, политические институты	7
Законы о социальной защите населения	6
Позиции в международной политике	5
Экономическая система	33
Черты характера людей	36
Духовные ценности и религия	3
Художественные достижения	11
Научные достижения	12
Родная природа	17
Другое	3
Ничем, не знаю	15

В приведенных выше данных из исследования Соджи и Бергиуса главным "антагонистом" этнической идентификации "немцев" выступают "славяне" и прежде всего "русские". В нашу задачу не входит анализ более глубоких исторических и культурных причин подобного "противостояния" образов "себя" и "других". Важно лишь отметить, что содержательное ядро этого антагонизма составляют полярные оценки норм повседневного социального взаимодействия "немцев" и "русских", заданные представлением о низком уровне цивилизованности (или культивированности) последних. Характерно, что положительное отношение к западным народам и прежде всего к "американцам" связано с иными содержательными узлами - сферами культурных достижений и политики.

Итак, более общим контекстом для национального и этнического самоотождествления немцев в послевоенную эпоху выступает то, что гарантом экономической стабилизации Западной Германии, равно как и развития демократической политической системы, выступал союз со странами Запада и прежде всего - с Америкой; с ними же связывалась и постепенно отодвигаемая в неопределенное будущее надежда на воссоединение с Восточной Германией. На этом фоне вытесняемое из взаимоотношений с западными странами "хрупкое национальное чувство" переносилось на сравнение "немцев" с "русскими" и принимало более выраженные формы.

* Almond G.A., Verba S. The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations. - Цит. по Schwelngler G. Nationales Bewusstsein in der BRD und DDR, 1974, S. 160.

Начиная с середины 50-х гг. опросы, в которых проблематизировался образ "русских" у западных немцев, проводились преимущественно коммерческим центром изучения общественного мнения в Билефельде (ЭМНИД - институт). При этом вплоть до 1981 г. вопрос о характерных качествах русских задавался в открытой форме, что существеннейшим образом затрудняет возможность сравнивать данные, полученные в разные годы. Кроме того, результаты этих опросов практически доступны только в форме кратких отчетов в информационных бюллетенях билефельдского института, т.е. в уже препарированном и сжатом варианте.

Главное, что можно выделить из этих материалов, - это относительно стабильный позитивный образ самих "немцев". Здесь на первый план выходят "традиционные" немецкие положительные качества - трудолюбие, старательность, основательность, точность и экономность. Негативные качества - покорность, верноподданничество, чванливость и пр. - собирают лишь небольшое число упоминаний в сравнении с позитивными (скажем, в опросе 1968 г. последних - 70%). Преимущественно положительным предстает и образ американцев. В 1968 г. 54% относимых к ним качеств имеют позитивный характер, причем на первом плане - великодушные, целеустремленность, прогрессивность, предприимчивость. Содержательная структура образа "себя" и "американцев" практически остается неизменной на протяжении нескольких десятилетий, начиная с первого послевоенного опроса, проведенного в Западной Германии силами оккупационных властей по заказу ЮНЕСКО в 1948 г.⁴ Тогда образ "западных немцев", "русских" и "американцев" выглядели следующим образом⁵ (число упоминаний, в %):

позитивные качества:	"западные немцы"	"американцы"	"русские"
Работающие	90	19	12
Понятливые	64	34	4
Смелые	63	6	11
Практичные	53	45	8
Прогрессивные	39	58	2
Миролюбивые	37	23	5
Сдержанные	12	11	3
Щедрые	11	46	2

⁴ Buchanan W., Cantrill H. How nations see each other. Westport, 1953.

⁵ Цит. по: Der neue Flirt: Russen und Deutsche auf dem Weg an veränderten Beziehungen, 1989, S. 101.

негативные качества:	"западные немцы"	"американцы"	"русские"
Тщеславные	15	15	3
Властолюбивые	10	10	12
Отсталые	2	1	41
Жестокие	1	2	48

Если перегруппировать эти данные в ранговой последовательности, то мы увидим, что первые места у "немцев" и "американцев" занимают сходные положительные качества, тогда как собравшие наименьшее число упоминаний отрицательные свойства - "жестокость" и "отсталость" - занимают первые места в характеристике "русских".

Однако с течением времени представление о русских приобретало более дифференцированный характер. Резко негативный образ, фиксировавшийся в первое послевоенное десятилетие, постепенно становится более взвешенным: в опросе ЭМНИД 1968 г. уже 37% вынесенных суждений носят позитивный характер, 47% - негативный, причем возраст опрошенных не вносит заметных колебаний в ответы.*

В опросе, проведенном институтом ЭМНИД в 1981 г., где использовался заранее сформированный закрытый список качеств, образы "американцев", и "русских" претерпевают существенные изменения. Приведем из этого исследования характеристики "немцев" в сравнении с "американцами" и "русскими" (число упоминаний в %):

	"немцы"	"американцы"	"русские"
Прилежные	68	24	25
Тщеславные	64	39	27
Понятливые	52	37	21
Надежные	43	30	6
Прогрессивные	42	53	20
Требовательные	41	35	8
Культурные	41	25	11
Спортивные	37	44	30
Симпатичные	31	27	8
Расчетливые	28	31	40
Вежливые	28	21	15
Чувственные	20	13	14
Высокомерные	19	20	5
Шумные	18	35	15
Бесцеремонные	15	19	41
Враждебные	6	6	33

* EMNID-Informationen, 1968.

Как видим, наблюдается общая тенденция: положительно оцениваемые качества (за некоторыми исключениями) чаще более активно приписываются немцам, затем следуют американцы; отрицательные же, реже всего приписываются немцам, несколько больше американцам, но чаще всего - русским. Если рассмотреть эти данные как оппозицию "немцев" и "американцев", с одной стороны, и "русских", с другой, (а оценки "американцев" значительно ближе к самооценкам "немцев"), то наиболее сильные перепады относятся к следующим качествам: "русские" значительно менее надежны, прогрессивны, требовательны, культурны, симпатичны, чем "немцы" и "американцы", они менее высокомерны, но гораздо более бесцеремонны и враждебны. Лидирующие качества русских, таким образом, - бесцеремонность, расчетливость и враждебность, затем следуют спортивность, тщеславие и прилежание. Вместе с тем наименьшее число упоминаний собрали, применительно к русским, такие качества, как высокомерие, надежность, симпатичность и требовательность, изыскательность.

Приведем для сравнения основные качества политического лидера этого времени Л.И. Брежнева, которые западногерманские респонденты приписывали ему в опросе того же института и примерно в то же время (1982 г.). Пять характеристик собрали наибольшее число упоминаний: в порядке убывания, это расчетливость, бесцеремонность, ум, агрессивность, решительность. Совпадение в оценках качеств народа и его лидера в этот период весьма значительно.

В опросе, проведенном в 1982 г. институтом демоскопии в Алленсбахе, задавался вопрос о симпатичных и несимпатичных опрошенным странах и населяющих их народах. В ответах прослеживается общая тенденция. Говоря о своих симпатиях и антипатиях к западным странам, опрошенные выражают большую симпатию к стране, чем к ее жителям: например, симпатичной назвали Австрию 63% опрошенных, австрийцев - 52%; Швейцарию - 63%, швейцарцев - 47%; Францию - 43%, французам - 31%. Советский же Союз и русские, так же, как Чехословакия и чехи, симпатичны в равной степени мало (3-4%). Исключение здесь составляет лишь ГДР: она симпатична лишь 4% опрошенных, в то время как ее жители - 26%. В ответах на вопрос о несимпатичных странах и людях прослеживается иная тенденция. Страны "соплагеря" оцениваются гораздо негативнее, чем населяющие их люди (первый процент - доля назвавших несимпатичную страну, второй - людей): Советский Союз - 57:37, Чехословакия - 32:18, ГДР -

46:6. Если же говорить об антипатии к "капиталистическим" странам, то она более выражена в отношении национальных групп, чем самой страны (первый процент - антипатия к стране): Италия - 18:23, Нидерланды - 10:26 и т.д."

Таким образом, можно сказать, что в процессе экономической и политической стабилизации Западной Германии образ русских для немцев постепенно утрачивает черты "антагониста" национальной идентификации. Более негативное отношение вызывает сама советская система.

Последние из известных нам данных по "образу русских" были собраны в опросе, проведенном по заказу журнала "Штерн" коммерческим центром изучения общественного мнения СИНУС в 1988 г. В книге "Новый флирт: русские и немцы на пути к новым отношениям", большая часть которой отведена изложению этого и проведенного по аналогичной анкете в 1989 г. силами ВЦИОМ исследования в Советском Союзе, главным результатом выступает зафиксированное начало разрушения взаимных образов врага. Действительно, теперь, в сравнении с опросом 1981 г., респонденты более активно подчеркивают в образе русских положительные черты. Сравним образы немцев, американцев и русских по 14 лидирующим для каждой группы характеристикам в порядке убывания числа упоминаний (в процентах):

"немцы"		"американцы"		"русские"	
Прилежные	80	Прогрессивные	74	Патриотичные	51
Совестливые, с чувством долга	70	Ориентированные на будущее	65	Верноподданные	51
Предприимчивые, активные	69	Патриотичные	62	Дисциплинированные, сдержанные	43
Надежные	66	Предприимчивые	60	Вежливые	37
Демократичные	62	Демократичные	59	Чужденные	32
Прогрессивные	60	Оптимистичные	58	Предприимчивые, активные	30
Дисциплинированные, сдержанные	58	Простые	56	Прилежные	29
Миролюбивые	58	Самостоятельные	52	Идеалисты	29
Готовые прийти на помощь	56	Великодушные	48	Консервативные	25
Ориентированные на будущее	52	Идеалисты	44	Миролюбивые	25
Вежливые	48	Миролюбивые	38	Готовые прийти на помощь	25
Верноподданные	48	Вежливые	37	Ориентированные на будущее	23
Самостоятельные	41	Поверхностные	37	Совестливые, с чувством долга	23
Оптимистичные	39	Готовые прийти на помощь	35	Простые	21

* Allensbacher Jahrbuch der Demoskopie, 1978-1983, S. 582.

Единственное негативное качество среди лидирующих характеристик в образе "немцев" - "верноподданничество" - опрошенные почти с той же интенсивностью приписывают и "русским" ("американцам" лишь 14%); другое качество, которое отличает "немцев" и "русских" от "американцев" - дисциплинированность и сдержанность (соответственно, 58 и 43; "американцам" его приписывают 25% опрошенных). Прочие традиционные положительные качества немцев приписываются здесь русским, хотя и менее интенсивно чем американцам, но все же достаточно часто. Сильное расхождение между "немцами" и "американцами", с одной стороны, и "русскими" с другой, видны в частоте упоминаний таких качеств, как "демократичность" (соответственно, немцы, американцы, русские - 62:59:8), прогрессивность (60:74:19) и самостоятельность (41:52:12). Вместе с тем, американцы и русские сходны, по этим оценкам, своим патриотизмом и отличаются в этом от самооценки "немцев" - 62:51:22.*

Одним из новых, неожиданных для авторов этого опроса результатов было довольно критичное отношение опрошенных к американцам. Отрицательные качества, как указывается в обзоре авторов исследования, приписываются респондентами американцам чаще, чем русским. Однако, если сравнить эти данные с самооценками немцев, картина не столь уж однозначна:

	"американцы"	"русские"	"немцы"
Поверхностные	37	9	9
Заниженные только в собственной выгоде	34	14	28
Высокомерные, надменные	27	6	15
Властолюбивые	27	17	19
Тщеславные	26	5	23
Воинственные	24	17	7
Агрессивные, задиристые	18	12	16

Как видим, чисто "американской" негативной чертой здесь, пожалуй, выступает только поверхностность, остальные же негативные качества достаточно сильно "выражены" и у самих "немцев". Вероятно, срабатывают сложившиеся установки исследователей: в сравнении с прежними десятилетиями, они ждут более критичного отношения к американцам под влиянием леворадикальной критики политической линии США с начала 80-х гг. Если до 80-х гг. негативному образу СССР как супердержавы противостоял в целом позитивный

* Данные взяты из: Der neue Flirt... S. 103-114.

образ Америки, то к концу 80-х гг. эти образы постепенно "выравниваются", причем прежде всего за счет большей критичности западных немцев относительно политики США (прежде всего администрации Рейгана). Так в 1980 г.⁹ только 3% опрошенных считали, что США сегодня - главная страна, вмешивающаяся во внутренние дела меньших стран, в 1988 г. - 10%; по отношению к Советскому Союзу такого мнения придерживались в 1980 - 49%, в 1988 г. - 12% опрошенных. Доля же тех, кто считает, что обе страны вмешиваются во внутренние дела других стран в равной мере, возросла за это время почти в два раза (с 38 до 69%). Более чем вдвое сократилось за этот период число тех, кто считает необходимым для Западной Германии поддерживать хорошие отношения только с США (с 33 до 15%). При том, что за это десятилетие резко упала доля людей, считающих СССР главной угрозой миру на земле (с 71% в 1981 г. до 11% в 1988 г.), постепенно прорисовывается новое отношение к Америке: она перестает быть единственной сверхдержавой, от которой в позитивном смысле зависит дальнейшая судьба германской государственности.

В целом можно сказать, что данные 80-х годов свидетельствуют не столько о значительном росте доверия к СССР, сколько скорее о "растущей потребности самостоятельных действий"¹⁰ со стороны ФРГ, стремлении к определенной политической эмансипации страны.

NOMEN EST OMEN

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Одним из способов исследования обобщенных ценностных ориентаций советских людей был анализ символических конфигураций, представленных именами наиболее популярных персонажей прошлого и настоящего.

Процедура сбора первичной информации заключалась в следующем. Интервьюер обращался к респонденту с просьбой: "Назовите десять самых выдающихся людей всех времен и народов". Названные респондентом имена фиксировались на бланке.

Исследователи исходили из предположения, что такая формулировка задачи будет стимулировать респондента к поиску имен-символов, то есть знаков, символизирующих его наиболее общие ценностные позиции. Предикат "самых" должен был направить сознание респондентов на поиск символов предельной степени качества. А задание назвать "выдающихся" - без указания, в какой области, в каком отношении выдающихся, - должно было провоцировать поиск наиболее обобщенных символов. Наконец, требование указать десять имен должно было обеспечить разносторонний, объемный снимок ценностно-символической конфигурации, характерной для данного социального субъекта - советского человека.

Задание оказалось понятным и доступным 9/10 опрошенных. Но большинству оказалось трудно отыскать десять имен, удовлетворяющих поставленным требованиям. Около половины ограничились четырьмя-шестью именами. Примерно 10% назвали все десять имен и столько же - всего одно-два имени. Учитывались только имена названные в нескольких республиках СССР. Те, что популярны в пределах только одной республики, на данном этапе исследования не привлекались, поскольку нами отыскивались наиболее универсальные черты "Homo Sovieticus".

⁹ Все приводимые далее без ссылок данные взяты из кн. Der neue Flirt... S.129-133 и представляют собой результаты опросов, проведенных в разные годы фирмой СИНУС.

¹⁰ См. об этом: Reuband K.H. Antiamerikanismus - ein deutsches Problem. In: Vierteljahresschrift für Sicherheit und Frieden, 3. H.1. 1985. S.46-52.

Для первоначального анализа был сформирован список из 115 имен, названных не менее, чем 0,5% респондентов каждое. (Он приводится в таблице) Однако проведение сравнений и других процедур было возможно только с именами, названными более значительным числом опрошенных. Поэтому в тексте, в диаграммах, таблицах фигурируют и иные списки (первые 40, первые 28 имен и т.п.).

Эти отобранные для анализа имена, а также сведения о назвавших эти имена респондентах представили исходный материал, который разрабатывался под несколькими углами зрения.

Исследование "Homo Sovieticus" проводилось с использованием техники массового опроса, опроса общественного мнения. Соответственно, один из подходов к нашему материалу будет таким, какой часто применяется в исследованиях общественного мнения. А именно: постулируется существование единого и целостного субъекта этого мнения. В нашем случае это будет означать, что весь набор названных респондентами имен должен рассматриваться как единое целое и в этой своей целостности свидетельствующее о тех или иных качествах, состояниях, изменениях другого целого - советского общества, советского человека, советской ментальности и т. п. Под таким углом зрения нами будет рассмотрен общий набор имен и его структура, чему посвящаются первые два раздела главы.

Однако в социологических исследованиях (в том числе и в опросах общественного мнения) реализуется и иной подход к материалу. Число социальных субъектов становится больше единицы. Ими оказываются различные общности: категории населения, группы, коллективы и пр. В нашем случае будут рассматриваться два типа общностей:

А. Социально-демографические группы т.е. респонденты одного пола, либо возраста и т. п., иными словами, объединенные по признакам, которые имеют принципиально иную природу, нежели высказываемые ими мнения, в то числе - мнения о выдающихся исторических персонах. При анализе внимание будет обращаться на то, какие обнаруживаются воздействия со стороны этих "объективных" характеристик на предпочтения в выборе таких символов, как имена публичных фигур.

Б. Группы людей, объединенных тем, что в своих ответах они называли одни и те же имена. В этом случае нас будет интересовать та же проблема, но с другой стороны: если людей объединяет общность выборов одного и того же имени, то каковы иные характеристики этой группы людей, такие, как упоминавшиеся социально-демографические параметры, и

такие, как ответы на иные, не имеющие прямой связи с именами, вопросы.

Общности типа А и Б представляют "советских людей" в виде типов, вариантов, имеющих между собой как сходства, так и различия. Такой подход применяется в двух последних разделах главы.

КТО "НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ"?

Итак, представим, что перед нами ответы единого и целостного "советского человека" о том, кого он считает наиболее выдающимися личностями всех времен и народов.

Первые 115 имен "наиболее выдающихся людей всех времен и народов"

УЧЕНЫЕ, ФИЛОСОФЫ

7. Ломоносов	29. Леонардо да Винчи	72. Коперник
12. Менделеев	43. Архимед	74. Кант
14. Циолковский	49. Аристотель	79. Фрейд
15. Эйнштейн	56. Платон	83. Вавилов
20. Дарвин	59. Галилей	93. А. Попов
21. Королев	60. Гиппократ	95. Гегель
22. Ньютон	61. Курчатов	99. Пифагор
23. И. Павлов	63. Сократ	100. Карамзин

ИСКУССТВО

Композиторы

24. Чайковский	42. Бетховен	82. И. Штраус
41. Бах	47. Моцарт	102. Пастинини

Художники

79. Микельанжело	98. Рафаэль
------------------	-------------

Артисты

101. Чатплин	103. Пугачев
--------------	--------------

Писатели, поэты

5. Пушкин	33. Достоевский	84. Солженицын
13. Л. Толстой	44. Чехов	88. Л. Украинка
16. Шевченко	52. Шолохов	96. Маяковский
28. Лермонтов	53. Высоцкий	97. Хамза
30. Шекспир	60. Есенин	108. Низами
32. Горький	80. И. Франко	113. Ахматова

Спорт

114. Пеле

ИСТОРИЯ ПОЛИТИКИ, ВОЙН

"Классики"

2. Маркс	6. Энгельс	66. Плеханов
----------	------------	--------------

Вожди восстаний

38. Spartak	78. Пугачев	106. Гарибальди
-------------	-------------	-----------------

Советские герои

10. Гагарин	89. Терешкова	109. Чкалов
-------------	---------------	-------------

Военачальники России

9. Суворов	17. Кутузов
------------	-------------

Советские политические и военные деятели

1. Ленин	50. Киров	92. Рокоссовский
4. Горбачев	55. Андропов	94. Ельцин
8. Сталин	58. Чапаев	100. Буденный
11. Жуков	69. Крупская	104. Котовский
19. Дзержинский	70. Рыжков	107. Блюхер
35. Хрущев	71. Фрунзе	110. Ворошилов
40. Сахаров	81. Тухачевский	112. Свердлов
48. Брежнев	91. Калинин	

Прочие

39. Колумб	67. Кашпировский	76. Макаренко
------------	------------------	---------------

Зарубежные политические деятели

27. Гитлер	46. Рузвельт	75. Кастро
31. И. Ганди	51. Дж. Неру	85. Черчилль
36. Линкольн	62. Дж. Кеннеди	105. Мао
37. Вашингтон	64. Тэтчер	

Вероучители

34. Христос	90. Магомед
-------------	-------------

Монархи, князья

3. Петр I	45. А. Невский	87. Д. Донской
18. Наполеон	54. Чингисхан	88. Князь Владимир
25. Юлий Цезарь	77. Иван Грозный	115. Ярослав Мудрый
26. А. Македонский	86. Екатерина II	

Имена разделены нами по условным рубрикам. Перед каждым именем обозначено его место в ряду, упорядоченном по убыванию числа респондентов, назвавших данное имя. Этот показатель в основном будет использоваться в следующем разделе, а при знакомстве с данной таблицей в данном разделе, т. е. в контексте холистского подхода, реифицирующего и антропоморфизирующего такое понятие, как "советский человек", он может быть трактуем так: чем меньше числовое значение данного показателя, тем, значит, больше важность, вес данного персонажа в глазах "советского человека". Однако основная цель данной таблицы в том, чтобы представить именно все поле в целом.

Из кого же составил этот советский пантеон?

Первое, с чем приходится столкнуться при рассмотрении образовавшегося "всесоюзного" набора имен - концентрация этих структур на советской реальности. Почти 80% опрошенных внесли в свои списки тех или иных деятелей советского периода. Анкет, не содержащих каких-либо фигур советской

истории, - менее одной десятой. Хотя в целом более 60% опрошенных упомянули хотя бы одного персонажа зарубежной истории или современности, в значительном числе случаев это были только Маркс или Энгельс. Свыше четверти списков "людей всех времен и народов" не содержат вообще ни одного иностранного имени. Таким образом, респондентов, убежденных в том, что за пределами отечества нет ни одного из "наиболее выдающихся" персонажей мировой истории, почти в три раза больше, чем тех, кто не находит их на советской почве. Трактуя это как характеристики сознания "Номо Sovieticus", можно заключить, что подобное сознание, по крайней мере на момент исследования, было в большой мере закрытым, "замкнутым на себя".

Для 55% респондентов "выдающиеся люди" - это непременно те, кого уже нет на нашем свете. Только треть опрошенных нашла "наиболее выдающихся" людей среди своих живых современников. Как можно видеть по порядковым номерам, среди наиболее часто отмечаемых "выдающихся людей" из ныне здравствующих лиц присутствует лишь Горбачев. Он назван довольно значительным числом респондентов - 22,5%. Остальные живые на момент опроса современники - академик Сахаров, телевизионный психотерапевт Кашпировский, тогдашний премьер-министр СССР Рыжков, кубинский лидер Кастро, писатель-изгнанник Солженицын - названы каждый вдесятеро меньшим числом людей, а первая женщина-космонавт Терешкова, российский лидер Ельцин, рок-певица Пугачева, футболист Пеле - еще вдвое-втрое меньшим.

Среди "местных" героев существенно больше живых современников, но их распределение по регионам весьма неравномерно. Как правило, название живых соотечественников характерно для регионов, республик, охваченных национальным подъемом.

Многие респонденты поняли наш вопрос как задание по перечислению "классиков" в различных областях жизни.⁴ А в "классики" у нас за редчайшим исключением попадают, как известно, мертвые, ибо они не обладают собственной волей и не могут влиять на присвоенный им статус; к тому же, сохранившаяся в какой-то мере в нашей культуре сакрализация мертвых также затрудняет пересмотр этого статуса. Потому группы и силы, заинтересованные в увековечении того или

⁴ О социокультурных функциях "классики" см. Дубин Б., Зоркая Н. Идеи классики и ее социальные функции - Проблемы социологии литературы за рубежом / М. 1983.

иною символа в форме исторического лица и придании ему всеобщего значения, предпочитают покойников.

Предстающее перед нами культурное поле оказывается значительной своей частью отнесено в прошлое, но это прошлое, во-первых, сравнительно недавнее, во-вторых, внутренне анахронистическое. Как показывает таблица ниже, совокупность исторических персонажей распределилась на временной оси крайне неравномерно.

Распределение названных персонажей на оси времени

век	число имен	век	число имен	век	число имен	век	число имен
XX	62	XIII	2	VI	-	I до н.э.	2
XIX	17	XII	1	V	-	II	-
XVIII	10	XI	2	IV	-	III	1
XVII	2	X	-	III	-	IV	3
XVI	5	IX	-	II	-	V	2
XV	1	VIII	-	I н.э.	1	VI	1
XIV	2	VII	1				

Из этих данных можно заключить, что у "Homo Sovieticus" глубина и разработанность исторического сознания очень мала, однако роль такой категории, как "прошлое", очень велика. "Homo Sovieticus" в мировой культуре различает, как выясняется, три исторических слоя: XX век, Новое Время, Древнюю историю. Средние века, таким образом, полностью выпадают из этой памяти.

Среди опрошенных - 53% женщин, но среди всех отвечавших только 15% упоминали женщин в своих ответах. Первое женское имя - это Индира Ганди - встречается лишь на 31 месте (при ранжировании по убывающему числу упоминаний), ее назвали менее 4% опрошенных. Следующее женское имя - М.Тэтчер - стоит на 64 месте (около 2% опрошенных).

Фонд личностей, репрезентирующих высшие достижения человечества оказывается в глазах "Homo Sovieticus" исключительно мужским. Следует подчеркнуть, что такое положение вещей пока не кажется странным ни мужчинам, ни женщинам. В Советском Союзе сейчас разворачивается лишь начальная фаза тех процессов, которые в перспективе могут поставить перед общественным мнением проблему преодоления мужского шовинизма внутри самого этого общественного мнения. Однако, наряду с этим, в советском обществе существует значительный интерес к проблеме "женщина на вершине". Маргарет Тэтчер тогда же, в 1989 году была названа

первой среди женщин при ответе на вопрос, кого выбрать "человеком года".

Положение имен Иисуса Христа и Мохаммеда в нашем списке говорит о том, что они не фигурируют в качестве имен Сына Божия и Пророка, т.е. как имена тех, кто для верующих должны были бы занимать безусловно самые первые места среди "людей всех времен и народов". Среди отвечавших на вопросы в исследовании "Советский человек" декларировали свою принадлежность к христианам 40%, к мусульманам - 5%. Доля назвавших Христа по меньшей мере в 10 раз ниже доли христиан, доля назвавших Магомета - по меньшей мере в пять раз ниже доли мусульман. Можно сделать вывод, что указанные имена фигурируют в наших анкетах как атрибуты общей и секулярной культуры, а не религиозной реальности, которая требовала бы обособления от "культуры".

СТРУКТУРА "ВСЕЛЕННОЙ ИМЕН"

Если все имена, названные нашими респондентами, объединить в две большие группы с условными названиями "Культура" и "Политика", то получится следующая картина. Под названием каждой рубрики указывается число включенных в нее имен и суммарное число упоминаний этих имен, выраженных в относительных величинах - процентах от числа опрошенных. Например: в рубрике "Военачальники России" два имени, одно упомянуто пятнадцатью процентами опрошенных, другое - восемью. Суммарный балл составляет 23 единицы. Чтобы исключить влияние погрешности при вычислениях долей и процентов применительно к именам, занимающим места далее тридцатого, мы прибегаем к округлению суммарных баллов.

Структура набора имен

Культура		Политика	
Ученые, философы		Советские деятели	
24 имени	100 баллов	23 имени	150 баллов
Писатели, поэты		Зарубежные деятели	
18 имен	70 баллов	12 имен	30 баллов
Искусство, спорт		Монархи, князья	
11 имен	20 баллов	11 имен	60 баллов
Пероучители, прочие		Политическая история	
5 имен	10 баллов	11 имен	100 баллов
Итого		Итого	
58 имен	200 баллов	57 имен	340 баллов

Таким образом, набор названных респондентами первых 115 имен разделен по введенным критериям практически пополам. Представляется, что сделанные разнесения имен по рубрикам в большинстве своем не дискуссионны. "Каноничность" подавляющего большинства имен, о чем мы будем говорить отдельно как о проблеме, выражается в "очевидности" их принадлежности той или иной, в свою очередь "очевидной" рубрике, т.е. ценностно-семантической сфере. А коль скоро это так, разделение образовавшегося массива имен не следует считать артефактом, исследовательским произволом, а принять как одно из свойств материала, само подлежащее учету и объяснению. Перед нами, таким образом, самая общая схема устройства ценностного поля массового сознания или сознания совокупного субъекта - "Homo Sovieticus".

Мы располагаем двумя средствами измерения - во-первых, долями (равными в данном случае) образующих это поле семантических единиц, имен "наиболее выдающихся людей" и, во-вторых, весами (в данном случае неравными) приходящегося на эти имена общественного внимания, зитуизма, поддержки.

Попробуем в общем виде объяснить "энергетическую" асимметрию данной картины, наряду с симметрией "по объемам" в обоих образовавшихся блоках или полусферах.

Блок, названный нами "Культура", характеризует, по всей видимости, номинальную шкалу ценностей данного субъекта. Деятели культуры, входящие в этот блок, привлекательны для него как те, кто средствами науки, искусства, литературы провозгласил, символизировал, наиболее славные принципы, ценности "общечеловеческого". Недаром в этом блоке имен зарубежных деятелей практически столько же, сколько отечественных.

Имена зарубежных ученых, композиторов символизируют прямое подключение к мировой цивилизации, а имена отечественных писателей - опосредованное: через заведомое всемирное признание отечественной литературы и провозглашаемых ею ценностей.

Другая полусфера ("Политика") по объему, т.е. по числу имен как носителей символических значений, равна первой и этим очевидно выражен баланс внешней (номинальной, ориентированной на оценку извне) ценностной системы и системы внутренней, предназначенной для внутреннего употребления. На то, что эта полусфера связана именно с внутренними ценностями, указывает другая пропорция имен в ее состав.

Здесь на 21 имя зарубежного деятеля приходится 36 отечественных имен.

Не следует забывать, что в области культуры оппозиция "наши" - "не наши" не так остра, поскольку снимается через отнесение к "вечному", "прекрасному", наконец "общечеловеческому". Политика же как область борьбы в гораздо большей степени - точнее в основном - построена на подобном противопоставлении. (Мы говорим не о политике как области деятельности, а о политике как семантической области в массовом сознании). В силу сказанного "перевес", о котором идет речь, должен расцениваться как значительный.

В соответствии с этой особенностью данной полусферы находится и другая ее особенность, названная нами "повышенным энергетизмом". Как было сказано, суммарное число упоминаний тех лиц, которые отнесены в блок "Политика", почти в полтора раза больше, чем в случае с блоком "Культура".

Одно это является достаточным основанием, чтобы заявить, что эта область привлекает больше общественной поддержки, чем первая. При равном числе названных имен это значит, что вокруг тех, что относятся к области политики, собирается большее согласие. Иными словами, большее число людей испытывало стремление продемонстрировать или утвердить ценности, выражаемые через такие символы, как имена политических деятелей, военачальников, монархов. Можно видеть в этом пережиток сосредоточенной на "великих людях" школьной историографии прошлого века (в свою очередь являвшейся пережитком исторической науки XVIII столетия). Однако дело этим далеко не исчерпывается. Достаточно беглого просмотра имен, входящих в рубрику "Политика", чтобы убедиться: почти все они связаны с понятием великой державы, будь то империя Александра Македонского, "третий рейх" или Золотая Орда, не говоря о Российской империи и ее сталинской реплике. Безусловно, и школьное обучение и политическая пропаганда сделали свое дело в формировании этого "державного сознания". Но в общий "крен" в политику и акцентуированность имперских символов принадлежат общим структурным основам советского сознания и как таковые минимально рефлексировались. В отличие от символов коммунистической идеологии и власти они, по крайней мере в последние десятилетия, не насаждались сознательно и подконтрольно. Именно в этом моменте наш инструмент позволил обнаружить хотя и ожидаемые, но не поверхностные, не скоропреходящие (как популярность того или иного персонажа) свойства сознания "Homo Sovieticus".

Рассмотрим подробнее те имена, которым упомянутое сознание придает наибольшее значение, которые имеют максимальный вес в его глазах. (Разумеется, мы делаем заключение об этом весе на основании совершенно другого показателя, а именно - частоты упоминания этих имен или, по иному, относительного числа респондентов, назвавших этих лиц).

Самые первые 40 имен, расположенных в порядке убывания доли их упоминаний на вертикальной "шкале популярности" представлены на диаграмме. Положение имени на шкале соответствует размеру доли (в %) назвавших это имя среди всех опрошенных.

Наиболее популярные имена

иностранные		отечественные
	70%	Ленин
	40%	Петр I
Маркс	30%	Горбачев
	20%	Пушкин
Энгельс	10%	Ломоносов
		Сталин, Суворов
		Гагарин, Жуков
Эйнштейн		Менделеев, Л. Толстой
Наполеон		Щолковский
Дарвин, Ньютон		Шевченко, Кутузов
		Дзержинский, Королев
		Павлов
Гитлер, Македонский, Цезарь		Чайковский
да Винчи, Шекспир, И. Ганди		Лермонтов
Христос, Линкольн, Вашингтон		Горький, Достоевский, Хрущев
Спартак, Колумб		Сахаров

Будем считать, что образовавшаяся иерархия имен по количеству их упоминаний моделирует иерархию символов, (а значит и символизиремых ими сущностей) в сознании "Номо Sovieticus".

На момент исследования, как мы видим, иерархия харак-

теризовалась гегемонией политических символов - имен Ленина и Маркса. Весьма высоко находилось на момент исследования и имя Горбачева.

Однако присутствие царя Петра посредине между коммунистами Марксом и Горбачевым говорит о том, что коммунистическая по своей номинальной идеологии власть давно уже не могла управлять, опираясь только на собственно-коммунистические идеологические обоснования. Ей требовалось подкрепление в виде имперской идеологии и она это подкрепление находила, в частности, в русской истории, понимаемой как история самодержавной власти и как история Империи.

Недаром ниже в этой пирамиде соседствуют с именем Сталина имена тех, кто ему служил, и тех, чьи тени он также поставил себе на службу. Мы говорим о полководце времен второй мировой войны маршале Жукове и о всячески прославлявшемся при генералиссимусе Сталине другом полководце и другом генералиссимусе - Суворове.

Таким образом, "вертикальный разрез" совокупности наиболее часто выбиравшихся "советским человеком", имен-символов подтвердил те выводы, к которым мы пришли, анализируя все поле сделанных выборов с точки зрения его структуры.

А именно: "наиболее выдающимися людьми всех времен и народов" "Номо Sovieticus" считает тех, кто символизирует его государство, власть этого государства и обосновывающую эту власть идеологию.

Присутствие Пушкина на Олимпе пятерых "выдающихся среди выдающихся" придает "культурное" измерение политико-идеологической верхушке и одновременно наделяет имидж поэта чертами царя и генсека - в курируемой им области поэзии, искусства. То же самое можно сказать о роли фигуры Ломоносова для области наук.

Мы завершаем ту часть работы, в которой мы пользовались приемом трактовки всех полученных ответов как продуктов единого и целостного сознания, приравниваемого нами к сознанию "Номо Sovieticus". Каков статус этой сущности?

Полученный нами набор имен почти не содержит антагонистических символов, таких, которые не могли бы уместиться в одном индивидуальном сознании. Более того, определенное ценностно-семантическое сродство этих символов несомненно для каждого, кто знаком с советской системой образования, идеологического воспитания и контроля, как она складывалась на протяжении десятилетий. Ей было, в частности, свойственно назначение единственного и неоспариваемо-

го главы для каждой сферы: "главный поэт" - Пушкин, "главный химик" - Менделеев, "лучший психолог" - Павлов.*

Мы не имеем эмпирических оснований утверждать, что доказали тем самым реальность существования подобного сознания или сознаний, но мы без труда можем указать на многочисленные тексты, в которых именно эти имена поставлены именно в такую связь. Мы уже указывали, что это наиболее массовые тексты, используемые в системе образования, в массовой культуре.

Иными словами, своим составом имен наш материал позволяет заключить по крайней мере, что провокация (или стимул) в виде вопроса, заданного в нашем исследовании, устойчиво вызывает у большой доли респондентов реакцию продуцирования именно тех семантических элементов, которые закладывались названными системами образования и массовой культуры.

Конкретный состав этих символов (в частности состав и иерархическое соподчинение конкретных имен), судя по ряду свидетельств, относятся к подвижным и зависящим также и от политической конъюнктуры явлениям. Во всяком случае, прошедшие с момента исследования политические и идеологические трансформации в СССР, как показывают более поздние исследования, наверняка отразились бы в составе имен, если бы к респондентам обратились с тем же предложением в 1991 или 1992 году.

В этом смысле не приходится говорить о том, что имена как таковые отразили ценностную систему "Homo Sovieticus".**

Учитывая, что Советский Союз - евроазиатская страна, может вызвать удивление отсутствие имен из истории и современности Востока. В этой связи можно говорить об определенном крене в сторону европоцентричности этой картины прошлого и настоящего. Почти все персонажи вне советской и русской истории принадлежат западноевропейской культурно-исторической традиции, хотя сам взгляд на мир ей отнюдь

* Подобные ригидные классификации, конечно, встречаются и за пределами изучаемой нами советской реальности - как в далеком прошлом, так и в современности, но в других странах. Мы, однако, не имеем возможности обсуждать здесь встающие в этой связи проблемы генезиса феномена "Homo Sovieticus" и его типологических параллелей.

** Л. А. Седов в своей работе, написанной на анализе тех же материалов, склонен более прямо соотносить частоту называния данного имени-символа со степенью проникновения соответствующих идеологем в сознание респондентов и в культуру данного общества. См. Седов Л. Глас народа. (Маркс, Ленин и Сталин в национальном пантеоне России) - "Век XX и мир" N 4, 1991 стр. 32 и далее

не принадлежит. Это мировая история, как она видится из окон советской средней школы или техникума.

Мы не располагаем информацией о подобных исследованиях в других странах и потому лишены возможности сравнивать картину, характерную для "Homo Sovieticus", с картиной, характерной для исторического сознания француза или немца, аргентинца или нигерийца. Поэтому мы можем только предполагать, что носители "европейского сознания" - если таковое существует - уделили бы в аналогичном наборе гораздо больше места именам, связанным с историей христианской церкви, персонажам средневековой европейской истории, лидерам до и послевоенной Европы. Можно ожидать большего внимания как к именам из фонда "высокой культуры", так и поп-культуры, включая спорт и моду, к символам восточной мудрости и пр. (В ответах азиатов и африканцев, естественно отразились бы иные реалии). Возможно, в дальнейшем мы проверим эти предположения.

ЧТО ПОВЛИЯЛО НА ВЫБОР

Повторим, что мы более не используем подход, при котором все ответы трактовались как составные части единого целого - ментальности советского человека. Теперь мы обратим внимание на те различные элементы, из которых составлялся наш единый и целокупный сверхреспондент "Homo Sovieticus". Иными словами, мы обратимся к тем социально-демографическим единицам, которые выделяются внутри корпуса наших респондентов.

Пол как фактор

Начнем с анализа различий в ответах женщин и мужчин. Большинство - 19 имен из анализируемого в этом разделе списка в 28 имен, названных более, чем 3,5% опрошенных каждое, - имеют меньше "поддержки" со стороны слабого пола. Но женщины называли значительно чаще мужчин следующие имена:

Чайковский	в 2,15 раз
Лермонтов	2,08
Павлов	2,0
Пушкин	1,35
Горький	1,2
а также -	
Дзержинский	1,63

Мужчины называли значительно чаще женщин следующих лиц:

А Македонский	в 1,46 раз
Гитлер	1,43
Ньютон	1,39
Наполеон	1,29
Жуков	1,25
Дарвин	1,23
Кутузов	1,21

Как видим, женщины чаще мужчин находят наиболее выдающихся людей среди писателей и поэтов, людей искусства. Мужчин, напротив, отличает склонность к полководцам и властителям. Можно было бы видеть в этом лишь проявление вечной повышенности женской натуры и вечной тяги мужчин к сражениям. Но стоит заметить, что в СССР практически вся институционализированная сфера непосредственной (передаваемой изустно, не через mass media) трансляции культуры находится в руках женщин. Передача (не порождение!) знаний о Пушкине, Лермонтове, Чайковском и др. - в руках женщин-матерей, женщин-воспитательниц в детских садах, женщин-учительниц. С помощью государственной политики с начала 30-х годов в эти массовые профессии целенаправленно отбирались женщины, в частности ради того, чтобы высвободить мужскую рабочую силу для целей, более непосредственно связанных с тем, что теперь называют военно-промышленным комплексом. Так что к архетипике мужского и женского начал советская история добавила свои собственные архетипы. В итоге власть и насилие ассоциируются и в семье и в государстве с мужским началом, а культура - с женским.

Однако среди ответов женщин встречается один, который выглядит парадоксальным.

В социологической литературе проблема женского и мужского рассматривается обычно как проблема ролей. В нашем случае, как видно, более адекватным было бы говорить о том, что анализ показывает в первую очередь различия статусного характера. В самом деле, ответы женщин-респонденток демонстрируют не столько содержательное отличие от мужских ответов (интерес к специфически-женским персонам или проблемам) сколько степенное или временное, связанное с местом женщин в социальной макроструктуре.

Возрастные различия

Если считать, что классический "Homo Sovieticus" представлен поколениями, воспитывавшимися в сталинскую эпоху (и потому столь привязанными, например, к воспевавшимся тогда Кутузову и Суворову), то поколение, воспитанное в брежневско-андроповские времена, демонстрирует уход от символических фигур сталинской эпохи и тяготение к фигурам из "другой колоды". Их привлекают имена Наполеона, Александра Македонского, не канонизированные официальной историографией. Они готовы признать историческую значимость Гитлера.

Однако и "отцы" (с "дедами") и "дети" одинаково тянутся к державно-имперским символам. Только "отцы" находят образцы в собственной имперской истории, а "дети" - в чужой. Характерно, что в результате оказались в восприятии поколения своего рода антагонистами персоны, которых история противопоставила друг другу и даже сделала военными противниками. Таковы маршал Жуков, командовавший войсками, сражавшимися с армией Гитлера, и фельдмаршал Кутузов, который командовал войсками, сражавшимися с армией Наполеона.

Над всей советской историей реет пара теней - Ленина и Сталина. Об имении Ленина как особом феномене в нашей "номенклатуре" мы скажем особо, здесь же - несколько слов о Сталине. Период дискуссий по поводу этого лица, занимавших общественность в первые годы перестройки, видимо, уже подошел к концу в момент, когда проводилось исследование. Это видно из того, что ядро общества - взрослая часть респондентов отставила имя Сталина на середину списка (11-13 места), тогда как самые пожилые, воспитанные при Сталине, еще ставят его на 5 место. Но вот "девианты" 20-24 лет выдвигают его на третье!

Если от анализа по рангам перейти к более тонкому анализу распределения ответов по процентным долям в каждой возрастной группе, то можно увидеть, что отношение к Ленину и к Сталину в преломлении через призму возрастов оказалось зеркально симметричным. Чем выше доля называющих "человеком всех времен" одного "вождя", тем ниже доля, называющая другого. При этом наиболее острой является позиция 20-24-летних, они почти также мало, как их деды, "голосуют за Ленина", но гораздо активнее последних выдвигают Сталина. Как и в случае с иными символами, поддерживаемыми этой группой, мы видим формальный разрыв с господствующей и

официозной идеологией и сохраняющуюся поработченность ею в части содержательной.

Имена и народы

В рамках данного исследования, как уже отмечалось, были приняты специальные меры для формирования образа "Homo Sovieticus" как вненационального феномена в рамках многонационального Советского Союза. За годы существования этого государства как единого целого, контролируемого из единого центра, сложился своего рода имперско-космополитический этос и соответствующий слой культурных символов. Референцией именно к этому набору житель любой из республик, представитель любой из национальностей мог продемонстрировать свою принадлежность или желание принадлежать не к нации, а к общности "советских людей".

Хорошо известно, однако, что этот набор символов складывался под сильнейшим влиянием русской компоненты. В нашем исследовании, построенном на репрезентативной выборке, 53% русских, 60% людей, считающих русский язык своим родным. Кроме того, как уже отмечалось, мы "отфильтровали" состав названных респондентами имен таким образом, что попали в него только "центральные", лишенные национально-региональной специфики символы. Тем самым они оказались в первую очередь русскими или российскими символами. А "Homo Sovieticus", тем самым оказывается прежде всего русским.

Впрочем, среди жителей России (и это не удивительно) в различных регионах складываются неодинаковые конфигурации символов. Так, европейская Россия и восточная часть России - за Уралом уделяли Горбачеву внимание соответственно в 20% и в 13% анкет, Ленину, соответственно, в 79% и 59%, Сталину - в 14% и в 8%. Неодинаковым оказывался и порядок следования имен в образующихся по разные стороны Урала списках. Ленин в обоих случаях на первом месте, но для европейских россиян человек всех времен № 2 - это идеолог коммунизма Маркс (41%), а для сибиряков и дальневосточников - это первый российский император Петр Великий (41%).

Русское население России, в отличие от русского населения других республик, особо подчеркивает значение таких символов советской жизни, как Гагарин и Дзержинский. В свою очередь, русские жители других республик особо жалуют Сталина. У них он оказывается на пятом месте, тогда как у российских русских - на 12. Впрочем, не будем забывать, что "русская диаспора" в СССР внутренне очень разнообразна и

система ценностей у ташкентских русских далеко не во всем будет совпадать с таковой у рижских русских. (См главу "Этнические рамки существования" в настоящей книге).

В целом, однако, уже известный нам образец всесоюзного распределения имен является прежде всего российским и собственно русским. Другие народы в различной степени приняли этот образец.

Так, украинцы называли в своих ответах все те же 28 имен, которые во всесоюзной выборке переходят 3,5%-ный порог. "Украинский список" отличается от русского, стало быть, не по составу, а по иерархии символов. Это прежде всего касается имени Шевченко. Для украинцев в 1989 году на первом месте был Ленин (63%), на втором Шевченко (51%), на третьем - Маркс (31%), и далее иерархия в общем мало отличается от советско-российско-русской.

Среди семи других народов СССР, охваченных данным исследованием, ни один не воспроизвел полностью список из 28 имен. Вот "состав отсутствующих" в ответах, которые дали представители соответствующих народов:

*Имена "всесоюзного" списка,
отсутствующие в ответах отдельных народов СССР
(ответы грузин и армян даются вместе)*

	казахи	узбеки	литовцы	молдаване	грузины и армяне	азербай- джанцы
Маркс					•	•
Энгельс					•	•
Ломоносов					•	
Суворов	•		•			•
Жуков			•		•	•
Пиолковский	•					
Эйнштейн					•	
Шевченко	•	•	•	•	•	•
Кутузов	•	•	•		•	
Наполеон			•			
Дзержинский			•		•	•
Королев	•				•	
Дарвин	•					
Павлов	•					
Чайковский	•					
А. Македонский				•	•	
Гитлер	•				•	
Лермонтов	•	•	•	•	•	•
Горький		•			•	•

Отсутствует: по 3 имени в казахском и молдавском списках, 6 имен в списке литовцев, 8 - в списке азербайджанцев, 11 - грузино-армянском и 12 - в узбекском.

Практически не является "всесоюзным" символом имя Шевченко, его распространение ограничивается украинской и русской средой, это имя отсутствует в шести других списках. Из прочих имен отсутствует:

Лермонтов	5 раз	Маркс	2 раза	Циолковский	1 раз
Кутузов	4	Энгельс	2	Эйнштейн	1
Суворов	3	Пушкин	2	Наполеон	1
Жуков	3	Королев	2	Дарвин	1
Дзержинский	3	А.Македонский	2	Павлов	1
Горький	3	Гитлер	2	Чайковский	1

Народы Кавказа солидарно игнорируют такие символы, как имена основоположников марксизма. При этом лишь 2% грузин с армянами упомянули Ленина. Они не вспомнили также ни полководца Жукова, ни создателя госбезопасности Дзержинского, имена которых у большинства респондентов с повышенной частотой ассоциируются с именем Сталина. Самого Сталина грузины с армянами поминали столь же редко, как и Ленина. Среди азербайджанцев Сталина называли менее 8%.

В ответах армян и грузин иерархия авторитетов оказывается перевернутой относительно обсуждавшегося образца, характерного для "Homo Sovieticus". Эйнштейн в их ответах выходит на первое место, Ньютон и Наполеон на второе. В ответах азербайджанцев Ньютон - первый, Пушкин - второй по частоте упоминания, Наполеон и Эйнштейн на третьем месте. Это демонстрирует "культурную" и "европейскую" трактовку понятия "выдающегося человека всех времен" народами Кавказа, и отказ от державно-политического взгляда, свойственного "Homo Sovieticus".

В ответах литовцев и молдаван можно также отметить определенный, хотя и не так сильно выраженный отход от "центрального" набора. Особенно сильным отличием является выдвижение фигуры Гитлера в литовских ответах на пятое место (13%) и в ответах молдаван - на восьмое место (14%). Сталин назван молдаванами третьим по количеству "голосов" (25%). Анализ, напомним, уже показал нам, что эти имена выдвигаются в значительной степени молодыми людьми. При том, что другие символы имперского характера в ответах этих двух групп респондентов не получили заметного места,

надо полагать, что имена рейхсфюрера и "вождя народов" приводятся не ввиду симпатии к ним и к возглавлявшемуся ими порядку, а в качестве признания их значительного воздействия на историю.

Напротив, выход фигуры Сталина на второе место в ответах узбекских респондентов и сопутствующего ему Дзержинского - на девятое (т.е. на десять рангов выше, чем в среднем по выборке) говорит о приверженности к имперско-авторитарным ценностям. Вытеснение имен, символизирующих мир культуры и науки, на периферию или вовсе круга "выдающихся людей" говорит о том, что имперский синдром, синдром "Homo Sovieticus" переживается здесь в наиболее острой форме, без компенсирования и балансирования "политики" "культурой".

Роль книг

Теперь рассмотрим связь ценностных ориентаций не с "природными" (аскриптивными) признаками, каковы пол и возраст (в ряде случаев - национальность), а с тем, который является зависимым от воли человека.

В других главах настоящей работы не раз демонстрировалась связь между включенностью в письменную, книжную культуру и жизненной позицией респондентов, их ценностями и установками. В отношении таких символических сущностей, как имена исторических персонажей, эта связь проявляется весьма отчетливо. Одни фигуры чаще упоминаются людьми, у которых дома значительные книжные собрания, и реже - теми, у кого книг мало или вовсе нет. Другие персонажи - наоборот. (Следует отметить, что, хотя в общем существует положительная зависимость между размерами книжных собраний и уровнем образования, размер домашней библиотеки оказывается показателем, более четко связанным с ориентацией в отношении имен-символов).

Если сравнить ответы лиц, у которых, по их собственным сообщениям, дома вообще нет книжных собраний, и тех, у кого не менее ста книг, то выясняется что вторые называют чаще первых следующие имена:

Эйнштейн	в 7 раз чаще	Ньютон	в 3 раза чаще
Чайковский	6	Ломоносов	3
Наполеон	6	Петр Великий	3
Королев	6	Менделеев	2
А.Македонский	4	Пушкин	2
Дарвин	3	Толстой	2

Те, кто располагает большими библиотеками - свыше 500 томов - отличаются от людей с меньшими книжными собраниями или вообще без оных тем, что реже упоминают в своих ответах следующих лиц:

Кутузов	в 10 раз реже	Горбачев	в 3 раз реже
Горький	10	Ленин	2
Дзержинский	4	Лермонтов	2
Суворов	4	Пиолковский	2
Павлов	4	Маркс	2
Жуков	3	Энгельс	2
Гагарин	3		

Разница между двумя приведенными списками заключается, как видим, в том, что имена в первом относятся к несколько менее распространенным, точнее - к менее распространяемым через каналы политической пропаганды, массовой коммуникации и соответствующей культуры. Книги - не собственно масскоммуникативный канал - более часто выступают распространителями этих авторитетов. Соответственно, библиофилы оказываются более привязанными к этим авторитетам.

Сравнение списков показывает также, что ослабленная связь с книжной культурой оборачивается ограничением кругозора только отечественными именами, а из зарубежных "кандидатов в люди всех времен и народов" остаются лишь Маркс и Энгельс.

Это подтверждают и другие данные. Каждое из восьми иностранных имен, наличествующих в анализируемом списке из 28 имен, называлось людьми с высшим образованием в среднем на 7,6 процентных пунктов чаще, чем людьми с неполным средним образованием. В свою очередь, в списке имеется 8 отечественных имен (Гагарин, Горбачев, Горький, Дзержинский, Кутузов, Ленин, Лермонтов, Шевченко), которые чаще (в среднем на 2,2 процентных пункта каждое) упоминали люди с неполным средним образованием, чем люди с высшим. (Прочие отечественные имена выдвигались чаще высокообразованными, но преобладание менее выражено - 4,4 процентных пункта в среднем на одно имя).

КТО ВЫБРАЛ ЭТИХ ЛЮДЕЙ

До сих пор мы вели речь об интегративных, по сути дела, функциях имен "великих людей". Имена мы рассматривали как символы, значимые для всего общества или его значительной части.

Однако имена-символы выполняют не только интегрирующую, но и дифференцирующую роль. С этой точки зрения имена нашего списка в 28 единиц делятся на три части.

Первая часть включает наиболее популярные имена: Ленин, Маркс, Энгельс, Пушкин, Горбачев, Гагарин, Ломоносов. Эти имена практически не играют дифференцирующей роли, их функция целиком интегративная.

Вторая часть - самая многочисленная - выполняет также интегрирующую роль, однако собирает вокруг себя не всех, а тех, кто с повышенной интенсивностью поддерживает базовые ценности державно-тоталитарной природы.

Третья группа - малочисленная, состоит из имен, выбираемых в первую очередь тем меньшинством, чья ценностная система базируется на иных основаниях, нежели тоталитарная массовая культура, на основаниях, тяготеющих к ценностям либерально-гуманистической или либерально-демократической интеллигенции.

Ленин и "средний советский человек"

По первой группе сделаны следующие наблюдения. Люди, выбирающие этих героев, по своим воззрениям ни в какую сторону не отличаются от "среднего советского человека". В данном случае все слова этого выражения можно понимать буквально. Носители этого "среднего" всесоюзного менталитета живут по всей стране, однако они по преимуществу считают себя русскими. Выбор имен Маркса и Ломоносова делается чаще, чем в среднем, людьми с высшим образованием. Выбор имен Ленина и Энгельса, Пушкина в этом отношении более характерен для людей со средним образованием, Гагарина, Горбачева выдвигают группы, где выше средней доля людей с неполным средним образованием.

Следует особо отметить роль Ленина во всей системе имен, которая выстроена ответами респондентов. Напомним, что каждый из последних мог назвать до 10 имен. Имя Ленина встречается в 77 из каждых ста таких наборов, включая те, где всего одно-два имени. Среди тех, кто назвал имена наиболее популярных деятелей (собравших не менее 5% голосов), имя Ленина включали в набор еще чаще.

"Обходятся" без Ленина лишь люди, сознательно отстраняющие от себя значительную часть ценностей господствовавшей державной культуры. Они как множество не имеют никаких социально-демографических отличий от всей совокупности за вычетом того, что среди них преобладают люди, относящие себя к иной национальности, нежели русские. Они

маргинальны и географически и культурно по отношению к центрально-имперскому комплексу и, напротив, близки к ядру культуры, базирующейся на демократических общечеловеческих ценностях.

А вот группирующееся вокруг ленинского имени - символа первого разряда - ядро "истинно-советских" символов второго-третьего разряда. Из 100 респондентов, назвавших Энгельса, 97 назвали и Ленина. Из 100, назвавших Маркса, 95 назвали Ленина. С именем Дзержинского имя Ленина сочетается в 94 случаях из 100, с именами Горького и Гагарина - соответственно в 93 случаях и в 91 случае.

Имя Ленина включается в самые разнообразные сочетания. Оно образует инвариантный элемент для наборов имен или, по-другому, ценностных конфигураций, удаленных друг от друга настолько, насколько это возможно в пределах смыслового поля рассматриваемой массовой культуры.

Для этих различающихся подгрупп внутри нашей совокупности Ленин как символ играл (по состоянию на момент проведения исследования - декабрь 1989 г.) роль интегратора. На признании Ленина наиболее выдающимся человеком всех времен и народов выстраивалось обеспечиваемое всей системой идеологического и политического управления "морально-политическое единство советского народа". Идущая эрозия этого символа, его десакрализация будет иметь весьма серьезные последствия для всего социального устройства этого целого.*

* Исследования, проведенные с конца 1989 до начала 1991 года, показали что имя Ленина перестало играть роль замкового камня в той идеологической конструкции, которая задавала "советского человека" как, в свою очередь, идеологический феномен.

Суммарная значимость (интегративная "сила") символического авторитета ленинского имени в течение этого периода постоянно сокращалась. Если зарегистрированный в исследовании "Советский человек" в конце 1989 г. уровень этой значимости для различных групп населения принять за единицу, то к началу 1991 среди руководителей предприятий этот показатель сократился до 0,52 а среди специалистов технического профиля до 0,49. Среди русского населения в России он упал до 0,59, среди украинцев - до 0,45, а среди русских вне РСФСР - до 0,35 от уровня конца 1989 года. (Более подробные данные по возрастным группам см. в главе "От поколения к поколению" в настоящей книге).

Кроме того, за этот срок довольно сильно продвинулось внедрение через школу и средства массовой коммуникации некоторых православно-христианских символов в повседневность. Можно ожидать, что в опросах сегодняшнего дня персонажи Священной Истории заняли бы более значительное место.

Среди респондентов выделяется категория, с повышенной частотой называвшая имена Сталина, первого шефа большевистской политической полиции (ЧК) Дзержинского, Александра Македонского, "пролетарского писателя" Горького и поэта Лермонтова. Среди отметивших этих персонажей снижена доля лиц с высшим и повышена доля лиц с со средним и неполным средним образованием. Назвавшие Сталина и Александра Македонского чаще, чем в среднем, люди молодые, а назвавшие Дзержинского, Горького и Лермонтова - напротив, пожилые люди. Выражено повышенное число мужчин среди назвавших Македонского и женщин среди назвавших Дзержинского (см. ниже). Для всех этих групп не характерны большие книжные собрания.

Сознанию этих людей присущ достаточно явный авторитарный комплекс. Они заявляют о своих страхах: они боятся бедности, старости, публичных унижений. Сталинисты при этом еще боятся Божьего гнева, они также сообщают, что им пришлось подвергаться побоям и унижениям. Назвавшие Македонского чаще других заявляют, что им приходилось переносить словесные оскорбления. (Эти ответы, как мы понимаем, говорят не столько о различии опыта, сколько о том, что из пережитого запоминается теми или иными людьми и является для них настолько значимым, что они отмечают это в анкете). Чаще других эти люди убеждены, что нам угрожают скрытые враги, и чаще, что мы окружены врагами. Они полагают, что с преступностью надо бороться мерами насилия - от усиления вооружения милиции и создания особых отрядов до расширенного применения смертной казни, ужесточения режима в тюрьмах. Они требуют (чаще прочих) введения власти "сильной руки" и одновременно запрета обсуждать проблемы насилия публично (как впрочем и проблемы секса). В этой среде находят повышенную поддержку тезисы о том, что надо во всем положиться на правительство, на партию, на государство, которое "дало нам все". Они склонны никого не выпускать за границу, реже готовы обсуждать важные вопросы со своими детьми. Сторонники Дзержинского чаще прочих сообщают, что они совершенно счастливы. Для поклонников Македонского характерно мнение, что советскому человеку не хватает уверенности в себе.

К описанному ядру примыкает группа назвавших имена первого руководителя советских космических проектов Королева, полководцев Суворова, Кутузова, Жукова, ученых Павлова, Циолковского, писателя Толстого.

Люди, выдвигающие этих персонажей, разделяют многие из вышеперечисленных свойств или ценностей. Но в их ответах это не так сильно выражено. Чаще прочих встречается стремление запретить обсуждать полномочия КГБ, ответственность партии, часты сообщения о переживаемых страхах, требования сильного лидера.

Женщины, как указывалось, чаще мужчин (9,1 % против 5,6 %) называют наиболее выдающимся человеком всех времен и народов Дзержинского. В целом, как было сказано, имя Дзержинского входит в набор предпочтений выраженно-мужского властно-авторитарного характера. В чем же дело?

В этом исследовании (хоть и не так выражено, как во многих других исследованиях ВЦИОМ) женщины несколько чаще мужчин (12,4 % против 11,9 %) отказываются выразить свое мнение, затрудняются с ответом. Среди всех возрастных групп респондентов наиболее высока доля затруднившихся ответить в возрастной группе 40-49 лет (16,4 %), в этой возрастной группе также наиболее высока популярность Дзержинского (12,5 %). Повышена доля затруднившихся ответить среди лиц с наиболее низким образованием (16,2 %), среди них повышена и доля выбравших Дзержинского (9,8 %). Среди всех профессиональных групп группа колхозников и сельскохозяйственных рабочих отличается в частности тем, что лидирует по доле затруднившихся ответить (21,2 %) и по доле назвавших Дзержинского (10,9 %).

Таким образом, авторитет этого деятеля наиболее высок среди наименее уверенных в своей компетентности респондентов. В силу того, что именно среди женщин старшего возраста, жительниц сельской местности самая большая удельная часть этого компонента нашей выборки, коррелирующая с названными признаками фигура и оказалась среди специфически женских выборов.

Следует добавить, что в массовой советской культуре с 30-х годов создан миф о Дзержинском как о кристально-честном абсолютно-неподкупном, справедливым и добром человеке. Современные офицеры госбезопасности и милиции вешают в своих кабинетах, куда иногда приходится попадать обычным людям, его портреты, демонстрируя тем самым, что они держат Дзержинского за образец для себя. Во входящем в школьную обязательную программу стихотворении Маяковского Дзержинский назван образцом человека вообще.

Таким образом, выдвигая Дзержинского в число лучших людей, респонденты и особенно респондентки этого типа демонстрировали свою приверженность ценностям честности,

чести бескорыстия и т. п. В отличие от других приверженцев этого образа для них не характерны авторитарные реакции, поклонение силе. Они в 3 раза реже среднего называют Наполеона, зато в 3,5 раза чаще среднего упоминают Лермонтова.

Для респондентов до 20 лет имя Дзержинского значит столь мало, что оказывается на предпоследнем месте. А для 40-49-летних он (вместе со Сталиным) - в первой половине списка, занимает 12 и 13 места. Среди молодых и более образованных людей образ Дзержинского имеет пониженную популярность в связи с тем, что для них он не является символом чистоты. Этот образ, созданный ранне-сталинской пропагандой и до недавнего времени поддерживаемый пропагандистскими усилиями КГБ, для них претерпел инфляцию и поблек, ввиду развернувшейся критики КГБ, раскрытия тайн истории ГУЛАГа, общей деромантизации первого ("ленинского") этапа существования Советской власти. Мифообраз Дзержинского как никакой другой в казенном наборе образов мифологизированных "соратников Ленина" эксплуатировал именно романтические ноты.⁴

От Наполеона до Эйнштейна

Максимальное удаление от комплекса только что описанных воззрений демонстрирует группа, для которой характерна повышенная доля называния следующих имен: Эйнштейн, Ньютон, Дарвин, Менделеев, а также Гитлер, Наполеон и Чайковский. Данную совокупность респондентов отличает повышенная доля лиц с высшим образованием (научные сотрудники, ИТР, руководители и офицеры). В большинстве случаев их характеризует также повышенная по сравнению со средней долей мужчин.

В трех случаях это обладатели значительных книжных собраний, в четырех - особо активные читатели "Литературной газеты", которая ориентируется преимущественно на интеллигенцию. Почти во всех группах - повышенная доля молодых людей. Если эти респонденты сообщают о своих страхах, то это оказываются страхи не за свою собственную судьбу, а за судьбы многих людей: боятся национальных конфликтов, возврата массовых репрессий, наконец, - гибели человечества.

Для этих людей характерна наследственная открытость в отношениях. Их родители, по их словам, говорили с ними о

⁴ Еще в сентябре 1990 года по уровню симпатий со стороны опрошенного населения Дзержинский стоял на втором месте после Ленина среди других деятелей того периода.

различных серьезных и "взрослых" вещах, таких, как проблема смерти, самоубийства, секса, эмиграции, политические проблемы, обсуждали действия руководства страны, репрессии. Доверительность, с которой относились к ним родители, эти люди внесли в отношения со своими детьми. Они обсуждают с ними темы такого же рода.

Хотя часть опрошенных в этой группе заявляет, что они "скорее счастливы, чем нет", респонденты из этой группы сообщают о длинном наборе испытаний, которые им пришлось вытерпеть. Они утверждают, что подвергались несправедливому отношению в связи со своими политическими взглядами, своей национальностью (среди отвечающих много казахов, молдаван, грузин и армян), им пришлось пережить побои и унижения, тюремное заключение, стихийные бедствия. Однако они против того, чтобы искать врагов вокруг. Говоря о смертной казни, они присоединяются к тому меньшинству, которое стоит за ее отмену. Предлагаемое ими пожизненное заключение (новую для нас меру наказания) можно расценивать как альтернативу смертной казни. Они против ограничений на выезд за границу. Им не свойственно желать "сильного руководителя" - этого нельзя допускать, по их мнению. В сфере политических требований в этой группе с повышенной частотой выдвигались такие положения: надо больше требовать от государства, а полагаться надо не на него, а на новые общественные движения. В этой группе чаще утверждают, что сегодня советскому человеку не хватает политических прав.

Средствами опроса общественного мнения, т.е. теми средствами, которыми было проведено исследование "Советский человек", невозможно выявить позиции малочисленных групп, к каковым относятся ограниченные и обладающие специфическим этосом сообщества. Группы, которые можно называть элитами, относятся к этому типу и имеют эту, неразличимую для нашего инструмента размерность. Порождаемые этими элитами или переносимые ими образцы поведения, нормы и ценности входят в общественный оборот через более многочисленные, хотя и относящиеся к меньшей части общества, категории людей. Это более информированные, более включенные в социальную жизнь и более подвижные слои. В сегодняшнем Советском Союзе это, в первую очередь, группы людей с повышенным уровнем образования, что одновременно означает, - это в основном более молодые люди, жители более крупных и крупнейших центров. Эти категории имеют такие численные размеры, что могут быть надежно репрезентированы в нашей выборке. Позиции подобных категорий респонден-

тов и отразились в их символических предпочтениях, которые были только что нами рассмотрены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая анализ набора из 115 имен, еще раз скажем про ту ценностную нагрузку и семантику, которые в советской культурной традиции приписывались каждому из них. (А почти все они принадлежат именно этой традиции). Мы обнаруживаем, что практически все эти имена содержат разные, но не конфликтующие ценностные нагрузки.

Так, все писатели, кроме одного, принадлежат, так сказать, единому набору "классиков", все ученые, без исключения, входят в давно сформировавшийся пантеон. Композиторы, художники - все они из этого же набора.

Если перейти к политическим деятелям, то и этот набор не содержит в основной своей части никаких конфликтных фигур. Иными словами, одно и то же сознание могло быть сочтено автором всех сделанных выборов.

Что же это за "комплект"? Как мы уже отмечали, его можно сравнить - в части наиболее популярных имен - с именами, содержащимися в курсах основных дисциплин начальной и средней школы в СССР. Что же касается всего набора в целом, он выходит за эти пределы. Но это расширение можно сопоставить с тем, которое создает "внеклассное чтение" - т.е. так же, как и собственно школьный курс, унифицированное и программируемое целое, задуманное и реализованное с единых ценностных позиций. Подобные семантические единства можно найти в ряде универсальных, но унифицированных наборов имен, предлагаемых советским людям. Наиболее яркими примерами этой воистину массовой культуры являются отрывные календари, кроссворды, а также телепрограммы, газетные и журнальные рубрики, рассчитанные на "широкого" зрителя и читателя.

Приходится признать, что наше исследование зафиксировало прежде всего простое, минимально трансформированное отражение этого выстроенного школой и иными масскоммуникативными агентствами образа мира, явленного через имена. Правоммерно будет сказать, что мы увидели результаты многолетней, захватившей не одно поколение индоктринации, насаждения убогой и примитивной картины мира, в котором принуждали существовать "Homo Sovieticus".

Весьма существенно, что этот образ мира, отражаемый данным набором имен, в основных чертах сложился несколько десятилетий назад. Тогда был отобран состав "классиков", за-

давший основную рамку, систему координат, в которой возможно размещение "новичков". Этот набор, эта система координат, содержит и свое разнообразие и свое единство, основанные на знании данных, идеологически предопределенных основах. На этом монолитном основании покоился тоталитаризм.

Тоталитарный строй порождает общественное состояние, которое по праву можно назвать массовым обществом, обслуживаемым массовой культурой. Перед нами, несомненно, именно такая картина.

Действительно массовая по масштабам и по типу функционирования культура, одним из проявлений которой является воспроизведенный респондентами пантеон "великих людей", есть инструмент социальной интеграции (поддержания "единства") за счет прежде всего унификации, снятия неопределенности, различий, подвижности и т.п. характеристик обслуживаемого ею социального целого. Один из основных ее механизмов - уменьшение различий внутри данного целого за счет увеличения его различий с тем, что находится вне его границ.

POST SCRIPTUM. ГОРБАЧЕВ, ЕЛЬЦИН, САХАРОВ

В число "выдающихся людей всех времен и народов" попали три этих деятеля, оказавших значительное влияние на процессы, происходящие в СССР. Мы хотим коротко рассказать, как менялось отношение советского общества к ним за то время, которое прошло после завершения исследования "Советский человек".

Сахаров

Отношение общества к Сахарову - "диссиденту № 1" - было противоречивым. Сосланный и оклеветанный, он был известен относительно немногим, а почитаем еще меньшим числом советских граждан.

Лишь 6% опрошенных, по их словам, знали о его существовании в 60-е годы, в 70-е о нем узнали еще 20%, в следующем десятилетии еще столько же. Сахаров был одним из тайных героев своей страны.

Его возвращение из опалы, а затем его выступление на Съезде народных депутатов, в котором он первый публично назвал преступной войну в Афганистане, сделали его широко известным человеком, но потребовалось время, чтобы весьма противоречивое отношение к нему со стороны общества стало меняться. Сперва его поддерживали немногие. Их мнение выразили те 1,5% опрошенных, кто в конце предложил академи-

ка в "люди года" - 1988 года. Правда, впоследствии с его заявлением о том, что "сама война в Афганистане была преступной" выразили согласие 73,4% опрошенных (исследование Я.Капелюша). Но в в списке наиболее выдающихся людей всех времен и народов его современники и соотечественники отдали ему сороковое место.

И это была предпоследняя оценка, данная ему общественным мнением при жизни. А вот результаты опроса, начавшегося при его жизни, но уже не заставшие Андрея Дмитриевича в живых. Вопрос: "Назовите одного-двух человек, чьи действия, выступления, публикации на протяжении последних 2-3 месяцев понравились Вам больше всего". С этим вопросом интервьюеры входили в дома, начиная с 15 декабря 1989 года. Каждый десятый опрошенный назвал Сахарова. Это был социологический рекем Сахарову.

Андрей Сахаров не только знал, что в наших краях именно смерть бывает лучшим аргументом в споре, но был готов его использовать. Собственная жизнь и смерть были для него средством по отношению к более важным вещам. "У меня есть обязательства..." Кажется, так обмолвился он на этот счет.

Сахаров умер, сделав свое дело. То, что он не успел сделать при жизни, он доделал своей смертью. Самый частый (41% отвечавших) ответ на вопрос, "как повлияла на общество смерть Сахарова?" - "она пробудила многих к активной политической жизни".

О том, кто пополнил ряды сторонников Сахарова, мы узнаем из другого исследования. Хронологически оно относилось к первым неделям сразу после смерти академика. В нем задавался вопрос: "В какой мере Вы одобряете деятельность Андрея Дмитриевича Сахарова?" Выбрали ответ "вполне одобряю" 46%, "не вполне одобряю" - 14%, "не одобряю" - 9%. Новые сторонники позиции Андрея Сахарова - это, прежде всего, квалифицированные рабочие со средним образованием, а также люди неквалифицированного физического труда, работающие в сфере промышленности и строительства. Это беспартийные, это читатели трех самых массовых газет страны. Словом, это "простые советские люди".

За год круг людей, одобряющих Сахарова, прочавших его в "люди года", вырос с 1,5% до 25,3% или почти в 17 раз. Такого роста популярности не знает и не знал ни один политический деятель, фигурировавший в наших исследованиях. За исключением Горбачева (а его популярность в те дни - действительно исключение), Андрей Сахаров на некоторое время стал самым популярным человеком в стране.

Превращения образа Сахарова в массовом сознании за этот период, стало быть, таковы. Первоначальный образ, сотканный частью из легенд, частью из лживой информации - и недоверия к ней - образ, благодаря трансляции съездов, разрушается. Общество следит за его парадоксальными, но последовательными выступлениями, за его напряженными и порой загадочными отношениями с "Центром". И вот неожиданная смерть. Некрологи, похороны-демонстрация, траурные митинги.

Образ Сахарова снова возвращается из реальности в легенду. Но теперь его роль и масштабы в национальной истории и культуре совершенно иные.

Горбачев и Ельцин

Горбачев был сперва назван "человеком года" на Западе, а затем - в нашем исследовании за 1988 год получил этот титул у себя дома. Многочисленные опросы показывали неоспоримое преобладание его популярности над популярностью любых других деятелей в СССР. В итогах опроса "Советский человек" он единственный живой современник в первых трех десятках "выдающихся деятелей всех времен и народов". Это исследование, как и другие, проводившиеся на рубеже 1989/1990 годов, зафиксировали пик его популярности.

"Отрыв" популярности Горбачева от всех остальных лидеров первоначально выглядел примерно так же, как почти двукратный отрыв имени Ленина от прочих имен в иерархии, обсуждавшейся в настоящей главе. Представляется, что такая конструкция - один вождь, один главный авторитет характерна для тоталитарно-авторитарного сознания "Номо Sovieticus". Она спроецировалась и на того деятеля, который объективно способствовал началу ее разрушения. Как мы увидим, рецидив подобного отношения имел место в случае с Ельциным, также немало сделавшим для демократизации и плюрализации общественной атмосферы.

Снижение популярности Горбачева в дальнейшем отчасти объяснялось нормальной динамикой общественного мнения, которое неизбежно дифференцировалось, расслаивалось, переходило от восторженного почитания "кумира" к оценке действующего политика. Возможно, проявился и эффект "привыкания" или "устаивания" в сфере массовой психологии, однако для таких заключений были бы необходимы специальные исследования.

Но уже с начала девяностых годов появились достаточно значительные общественные силы, которые ожидали от Гор-

бачева иной политики. Относительно меньшая часть выступала с консервативных позиций, а большинство критиков ожидало от Горбачева более энергичного продвижения по пути реформ. Эти силы стали отказывать Горбачеву в поддержке, что в исследованиях общественного мнения отразилось как снижение индексов его популярности. Радикально-реформистски настроенная часть общества в этот период могла выдвинуть в качестве своего лидера и авторитета Бориса Ельцина. Общественное мнение на какой-то период раскололось в части поддержки этих двух лидеров. Однако, политическая жизнь в СССР все еще проходила под влиянием прежних унитарно-вождистских моделей. Приращение популярности одного лидера могло происходить только за счет умаления авторитета другого.

На середину 1990 года приходится быстрый и крутой перелом. На волне растущей поддержки со стороны общественного мнения Ельцин становится Председателем Верховного Совета РСФСР. (Его избирали депутаты, а не жители республики. Ввиду сложных политических комбинаций, при голосовании он получил весьма незначительный перевес над соперниками, которые по опросам общественного мнения уступали ему в популярности во много раз). Избрание Ельцина на высший государственный пост было одобрено тремя четвертями населения России, что означало не только валет его личной популярности до пределов не достигавшихся в этой республике и Союзе в целом ни одним лидером.

Этим "пиком" было отмечено и состояние повышенной солидарности, национальной консолидации общества. Подобные состояния переживали страны Восточной Европы в недавнее время. На протяжении второй половины 1990 года политическая жизнь в России и Союзе в целом характеризовалась острой конфронтацией двух лидеров. Но поддержка Ельцина оставалась очень высокой. С начала 1991 года авторитет Ельцина стал испытывать действие тех же факторов, что и авторитет Горбачева на предыдущей фазе. Частично падение популярности Ельцина можно объяснять "нормализацией" отношения к нему, рутинизацией его харизмы, частично - это следствие потери поддержки со стороны групп, выступавших за более решительное размежевание с политикой "Центра", репрезентируемого Горбачевым. Избрание Ельцина Президентом России на всенародных выборах большинством около 60% показало реальный объем той поддержки, которой он располагает в обществе.

ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВ

*Любить людей так,
как они есть, невозможно.
И, однако же, должно...*

Ф. М. Достоевский
"Подросток" (ч. II, гл. I)

Натиск событий усиливает потребность человека разобратся в собственных чувствах, необходимость понимать чувства других людей. Именно понимать, а не судить. Ведь человек не волен над своими чувствами, чувству не прикажешь. Но один из парадоксов нашего недавнего бытия заключался в том, что именно чувства были предписаны советскому человеку прежде всего другого. Было установлено раз и навсегда, что он преисполнен чувствами счастья, гордости, ответственности и совсем не знаком с одиночеством и страхом. Было указано, и время от времени уточнялось, чем именно ему гордиться, почему быть счастливым, за что отвечать, с кем быть солидарным и кого не бояться.

Довольно резкое освобождение от этого диктата над чувствами должно было вызвать и вызвало реакцию переворачивания клише на негативное.

Для негативных ожиданий имеются, безусловно, и реальные основания: в печать, на телевидение прорвался поток материалов о массовых репрессиях и преступлениях советского режима, состоянии экономики, здравоохранения, экологии и т.д. Но ведь сами эти открытия и события стали возможными ввиду не менее реальных позитивных, очистительных и освободительных сдвигов в нашем обществе.

Только теперь начинает проясняться, за что мы себя уважаем или не уважаем, от чего счастливы или несчастливы, насколько одиноки и чего боимся на самом деле. И если именно теперь происходит много ужасающего, то не в последнюю очередь потому, что проявились подавленные чувства.

В данном исследовании мы и не пытаемся оценивать и

судить - "играть в богов", по выражению Паскаля. Стоящая перед нами цель гораздо ближе: понять сложившуюся ситуацию, насколько это позволяют полученные в результате проведенного опроса данные.

СЧАСТЛИВЫ ЛИ МЫ?

Как и в любом обществе, у нас есть счастливые и несчастливые люди. Кто же преобладает? Кто более и кто менее счастлив или просто несчастлив? Соответствующий вопрос в анкете был сформулирован так: *"В жизни бывает всякое - и хорошее, и плохое. Но если говорить в целом, Вы счастливы?"*

По стране в целом полученные ответы распределились следующим образом (в процентах):

Совершенно счастлив(а)	7
В общем скорее счастлив(а)	38
В общем скорее несчастлив(а)	12
Совершенно несчастлив(а)	3
Считаю, что это не главное	16
Затрудняюсь ответить	23

Легко видеть, что в стране преобладают более или менее счастливые люди. Количественный перевес, преобладание счастливых составляет около 30% от общей численности взрослого населения (16 лет и старше).

С учетом всех мрачных сторон нашей жизни этот результат представляется несколько неожиданным. Интересно поэтому посмотреть, какой баланс счастливых и несчастливых складывается в различных группах населения.

Основную информацию по этим вопросам содержит таблица, рассчитанная на базе первичных данных опроса.

Группы населения с наибольшим и с наименьшим преобладанием счастливых

Признак типа группы	Группы более счастливых	(%)	Группы менее счастливых	(%)	Разница (%)
Пол	Мужчины	33	Женщины	28	5
Возраст	20-24 года	45	40-49 лет	18	27
Образовательный уровень	Высшее, незаконченное высшее	45	9 классов и менее	14	31
Род занятий	Кооператоры	50	Колхозники, сельскохозяйственные рабочие	4	46
Душевой доход на члена семьи в месяц, рублей	Свыше 200	38	До 75	23	15

Признак типа группы	Группы более счастливых	(%)	Группы менее счастливых	(%)	Разница (%)
Семейное положение	Женатые (замужние)	35	Вдовцы (вдовы)	10	25
Состав семьи	Есть дети дошкольного возраста	44	Одиноким	13	31
Жилищные условия	Отдельная квартира, дом	32	Комната в общежитии, коммунальной квартире	15	17
Размер населенного пункта	Столичные города	48	Периферийные города	26	22
Время проживания в данном населенном пункте	11-14 лет	37	До 5 лет	21	16
Принадлежность к общественным организациям	КПСС	44	Не состоят нигде*	23	21
Вероисповедание	Мусульмане	55	Христиане	23	32

Из таблицы видно, что счастливые люди преобладают не только в советском обществе в целом, но и во всех его частях. Безусловно, не все реально существующие типы групп в таблице представлены, и не все виды групп учтены. Вполне реальные группы, сама принадлежности к которым - источник или показатель несчастья. Но не они, во всяком случае, определяют картину.

Насколько же специфично для нашего общества преобладание счастливых? Счастлив ли человек потому, что он "советский", - или просто потому, что он молод, образован, что он человек? Факты говорят скорее в пользу второго предположения. Группы с наименьшим преобладанием счастливых, то есть с наибольшей дискомфортом для своих членов, относятся к числу наиболее специфических для нашего общества. Таковы колхозники и сельскохозяйственные рабочие; те, кто проживает в общежитиях и коммунальных квартирах. Вполне специфична и малокомфортна возрастная группа 40-49 лет.** Единственная, судя по таблице, специфическая для нашего

* Конкретно, ни в одной из следующих организаций: профсоюз, КПСС, комсомол, творческий союз, Народный фронт, экологическое движение, политический дискуссионный клуб, объединение.

** Дело в том, что дискомфортность этой группы не связана с возрастом. В соседней по возрасту более молодой группе 30-39 лет преобладание счастливых составило 43%, а в соседней более пожилой группе 50-59 лет - 23% (в группе 60 лет и старше - 24%). По возрасту следовало бы ожидать, что преобладание счастливых в группе 40-49 лет составит не менее 33%, фактически же оно составляет только 18%. Разница в 15% должна быть полностью отнесена не за счет возраста, а за счет поколения, время максимальной самоотдачи которого пришлось на мертвящую эпоху астоя.

общества и статистически "комфортная" группа - КПСС. (За последнее время ее комфортность, очевидно, заметно упала). Наконец, с перестройкой можно связать пока только один яркий источник жизненного счастья - кооперативы. (В масштабах всего общества, с учетом незначительной численности кооператоров, этот источник не столь существенен).

Любопытную информацию дает таблица относительно сравнительной значимости самого типа группы для личного жизненного счастья. Количественно эту значимость можно оценить разницей между максимальной и минимальной комфортностью групп одного типа. Если у человека есть выбор, то эта разница характеризует важность соответствующего выбора. Пол и возраст не выбираются человеком. Но можно, во всяком случае, иметь в виду, что значимость возраста для счастья (27%) гораздо больше значимости пола (5%). Наиболее важным, насколько можно судить, является выбор рода занятий (46%) - если предположить полную свободу такого выбора. С этим выбором связано, очевидно, и получение образования. Но последнее имеет также и очень важное самостоятельное значение (31%). Примерно такую же важность, что и образование, представляет для жизненного счастья вероисповедание (32%), образование семьи и появление детей (31%); меньшую значимость, сравнимую уже с биологическими половозрастными факторами, имеют участие в общественной жизни (21%), жилищные условия (17%) и душевой доход (15%). Место жительства достаточно важно (25%). Но переезд - рискованное предприятие: он вполне оправдывается только через 10 лет (16%).

Все эти соображения, кажется, не слишком расходятся с житейским опытом. Это неудивительно: ведь и сам такой опыт складывается из статистики счастья и несчастья. Совпадение с ним в данном случае - лишь дополнительное подтверждение надежности наших данных. Но в ходе своих рассуждений мы совершенно не учитывали один фактор: не для всех главное - собственное жизненное счастье, 16% опрошенных считают, что это не главное.

Если свое счастье - не главное, то его может быть и поменьше - в пользу чего-то другого. Так, не главным считают его 18% христиан, но лишь 11% "более счастливых" мусульман; 20% колхозников - и только 5% кооператоров; 27% людей в возрасте 60 лет и старше - и всего 10% в возрасте 25-29 лет. Получается как будто, что те, кто меньше ценит счастье, меньше его и получают.

Но это может быть объяснено и прямо противоположным

образом: если счастья нет и нет надежды на него, то тогда само счастье обесценивается. Такое объяснение позволяет осмыслить другие факты, не вполне укладывающиеся в предыдущую схему.

Так, мужчины в среднем считают себя более счастливыми, но женщины несколько больше стремятся к счастью: среди мужчин 19% не считают счастье главным в жизни, а среди женщин - только 14%. Обеспеченные люди более счастливы, но меньше стремятся к счастью, чем низковоходные.

Нетрудно предположить, что женщины ощущают свою жизненную перспективу, и надежда на жизненное счастье у них сохраняется (То же самое можно сказать о группе бедных в целом). Но она, очевидно, может легко утрачиваться в достаточном пожилом возрасте, что и провоцировало бы в таком случае обесценивание счастья. Что же касается христиан, то у них надежда связывается, как известно, с нездешней жизнью, что также в состоянии обесценить земное счастье.

Если дело обстоит именно таким образом, то и в случае колхозников мы можем предположить, что обесценивание счастья обусловлено у них не наличием других ценностей, а потерей надежды на собственное земное счастье.

Таким образом, помимо объективных факторов, включая свободу выбора, преобладание счастливых зависит от веры в счастье: убеждения в том, что собственное счастье - это главное, и сохранения надежды на него. Возможно, что именно вера в счастье специфична для нашего общества. Ведь наша специфическая надежда неуязвима: надежда "на авось".

ЗА ЧТО МЫ СЕБЯ УВАЖАЕМ?

Всем нам требуется самоуважение. Источники его многообразны. Это и прожитая жизнь, и профессиональная деятельность, и семья, и родина, и убеждения. Однако при ответе на вопрос "Кем Вы осознаете себя с гордостью, что прибавляет Вам уважения к себе?" было отмечено в среднем всего по два источника из двадцати предложенных.

Что же отмечается чаще, и что - реже?

Первое место среди источников самоуважения заняла родительская гордость. Ее отметил почти каждый второй из опрошенных (43%), или двое из трех родителей (не все опрошенные - родители). Ответные чувства, гордость детей за своих родителей, гораздо ниже. Только каждый пятый из опрошенных (20%) гордится своими родителями. Родительская гордость не получает, таким образом, достаточного подкрепления со стороны детей. Родительское самоуважение не

подтверждается уважением со стороны детей, родительским почтением. И это, в общем, естественно. Дети не отдают родителям всего, что от них получают: они отдадут полученное своим собственным детям. Так или иначе, но семья, при всех связанных с нею надеждах, - не слишком надежный источник самоуважения.

Несколько чаще других гордятся своими родителями более образованные и материально обеспеченные дети.

На втором месте среди источников самоуважения - гордость от сознания себя советским человеком, являющаяся (как и прямо противоположное чувство стыда за свою страну) показателем советского патриотизма. Эту гордость испытывает по стране в целом каждый четвертый - 24%.

Данная цифра производит несколько двойственное впечатление. Только каждый четвертый советский человек по паспорту - вполне советский человек по чувствам. Это указывает, прежде всего, на неустойчивость советской гордости. Она наглядно проявляется в различных группах населения. Так у мужчин она отступает на третье место, вытесняясь профессиональной гордостью. На том же третьем месте она оказывается в возрастной группе от 20 до 50 лет, а в 25-29 лет - даже на пятом месте (14%). На третьем месте она у лиц со средним образованием, а при высшем образовании - на четвертом (20%). Среднестатистическое второе место обеспечивается, таким образом, за счет женщин, возрастных групп моложе 20 лет и старше 50 лет, лиц с образованием 9 классов и меньше.

Еще реже по стране в целом отмечаются национальный и местный патриотизм. Национальный патриотизм, если судить о нем по гордости от сознания себя сыном или дочерью своего народа, отмечен в среднем лишь одним из восьми опрошенных (13%). Точно на том же уровне (13%) - местный патриотизм, гордость за свой город, село, район.

Эти цифры, вероятно, не вполне достоверны, занижены. Ведь наиболее "горячие" точки были для интервьюеров малодоступны. Но в отношении большей части страны можно утверждать, что национальный и местный патриотизм по отдельности значительно уступают советскому патриотизму. Только в сумме, объединяясь, они способны его перевесить. Безусловно, подобное объединение, взаимное усиление более реально в национально однородных регионах. Но с ним же связаны, в той или иной степени, и территориальные притязания национальных движений.

Любая из конфликтующих сторон борется, в конечном счете, за одно и то же: за рост самоуважения. Именно самоуваже-

ние, "жажда достоинства" (Жак Риго) - та общая почва и язык, на которых возможны взаимопонимание и разрешение межнациональных конфликтов.

В ряд с патриотизмом должна быть поставлена и гордость от сознания себя представителем рода человеческого, разделяемая каждым двенадцатым из опрошенных (9%). Этот "всеобщеловеческий" патриотизм уступает пока любому из трех локальных. Заметно чаще среднего он встречается в следующих группах населения: молодежь в возрасте до 20 лет (14%); руководители (12%); обладатели домашних библиотек свыше 1000 книг (16%); верующие люди, которые не относят себя к христианам или мусульманам (18%).

На третьем месте среди источников самоуважения по стране в целом - профессиональная гордость, сознание себя специалистом в своем деле. Ее отметил почти каждый третий из работающих (29%). В то же время, только один из девяти работающих (11%) гордится местом своей работы - своим предприятием или учреждением. Таким образом, две трети работающих не ощущают профессиональной гордости от своей работы, а восьмью из десяти место их работы не прибавляет самоуважения. Именно в этом, возможно, обнаруживается наиболее специфическая для советского общества причина общей дефицитности источников самоуважения.

С чем же связывается более высокий уровень профессиональной гордости? Наиболее отчетливые связи обнаруживаются с образованием и душевым доходом. С ростом образовательного уровня (от неполного среднего до высшего) профессиональная гордость повышается с 10% до 34%, а с ростом душевого дохода - с 14% до 36%. Возрастные изменения выражены слабее и являются, очевидно, производными от образовательных: рост с 11% в возрасте до 20 лет и до 27% в возрасте 40-49 лет, затем снижение до 16% в возрасте 60 лет и старше. Сравнительно более высокая профессиональная гордость у руководителей (35%) и военнослужащих (46%), сравнительно меньшая - у рабочих и технического персонала (17%).

На четвертом месте среди источников самоуважения - сознание себя "хозяином в своем доме". Его отметили 18% среди опрошенных. В наибольшей степени этот род гордости присущ людям в возрасте 50-59 лет, пенсионерам и домохозяйкам (по 24%), научным сотрудникам, творческим работникам (23%), лицам с душевым доходом до 75 рублей в месяц (25%) и... членам Народных фронтов (39%). В наименьшей степени -

молодежи до 20 лет (4%), 20-24 лет (10%), военнослужащим (12%) и... членам КПСС (12%).

Это чувство хозяина на своей земле заметно снижается с ростом образовательного уровня (с 15% до 8%). (Видимо, растет понимание того, что человек не хозяин в государственном доме).

Отдельным самостоятельным источником самоуважения являются различные обстоятельства, связанные с прожитой жизнью. Наибольшее место занимает здесь возрастная солидарность людей одного поколения (12%). В наибольшей степени она проявляется в возрасте 20-24 года (18%) и у людей старше 60 лет (16%), а также у руководителей (21%), колхозников, сельскохозяйственных рабочих (16%) и членов Народных фронтов (23%). Наименьшая возрастная солидарность - в возрасте 30-39 лет (9%) и у военнослужащих (9%).

Среди вселяющих гордость событий прошедшей жизни выделяются участие в Великой Отечественной войне (Второй мировой войне) и в войне в Афганистане (4%), присущая практически всем участникам этих исторических событий и разделяемая даже некоторыми из тех, кто в них не участвовал. Напротив, почти не вспоминаются участие в "великих стройках", "освоении целины", "стахановском движении" (1%).

Источником самоуважения может служить не только причастность личной биографии к истории, но и обыкновенная сопричастность людей в общении и совместных действиях. Гордость от сознания себя членом своего кружка, компании испытывают в среднем 4% опрошенных. Она достаточно заметна у молодежи в возрасте до 20 лет (12%), учащихся (11%) и военнослужащих (9%). Практически отсутствует этот вид гордости в возрастной группе 40-49 лет (0,4%).

Еще один блок составляют источники самоуважения, связанные с претворением в жизнь тех или иных идей, принципов, убеждений. Сюда можно отнести, прежде всего, верующих людей. Почти каждому двенадцатому из числа опрошенных (8%), а из числа верующих - каждому шестому, его вера прибавляет самоуважения. В значительно меньшей степени является в настоящее время источником самоуважения членство в КПСС: только один из пяти коммунистов еще осознавал на момент опроса свою принадлежность в КПСС с гордостью. Напротив, практически все участники Народных фронтов и национальных движений испытывали гордость в связи со своим участием в этих новых формах общественно-политической активности.

Неуважение, испытываемое человеком, лишает его на ка-

кое-то время возможности человеческого общения. Но можно также сказать, что невозможность человеческого общения, одиночество защищает человека от проявлений неуважения. Именно поэтому хуже всего невозможность одиночества, принудительное общение. "Нет ничего невыносимее, чем ужас принудительного общения" (Ф. М. Достоевский). В несомненном сокращении разного рода "принудиловок" - главное, быть может, завоевание перестройки для человека. Если же отвлечься от условий принудительного общения, то можно сформулировать правило: чем больше одиночества, тем меньше удовлетворяет общество человеческую потребность в самоуважении. Одиноких людей, проживающих без близких, в целом по стране - около 1 %. Это - одна из наиболее несчастливых групп населения (см. табл. из с. 199-200). Но само чувство одиночества распространено шире. Таких, кто устает от людей, трудно с ними сходитя, нуждается в одиночестве, чувствует себя одиноким - по данным опроса, примерно каждый четвертый.

Нетрудно видеть, что внутренне одинокис люди уже сами составляют достаточно весомую часть общества. Их собственное неинимание и неуважение к людям ведет к дальнейшему росту одиночества в обществе. Возникает замкнутый круг, когда уже бесполезно искать концы. Можно лишь разорвать этот круг. Даже если общество не проявляет и не вызывает уважения, человек сам может вызвать уважение, сохраняя вопреки своему одиночеству ответственность за общество. Именно моральная ответственность личности - наиболее глубокий, внутренний источник самоуважения, и вместе с тем, последний барьер общества перед распадом.

ЧУВСТВО САМОУВАЖЕНИЯ В СССР И В ФИНЛЯНДИИ

В 1990 году наши финские коллеги провели опрос населения Финляндии по заинтересовавшим их вопросам нашей анкеты "Советский человек", в том числе и об источниках самоуважения. Вопрос был предложен в следующей редакции: "За свою жизнь человек играет разные роли и принадлежит к различным группам. Какой из перечисленных ролей Вы гордитесь?"

Сравнительные результаты обоих опросов представлены в таблице. Из этой таблицы можно сделать ряд выводов, позволяющих оценить специфику чувства самоуважения советских людей.

Первое. Уровень самоуважения советских людей, оцени-

ваемый по числу отмеченных в среднем источников самоуважения (1,9), явно ниже, чем у финнов (2,8).

Второе. Около половины источников самоуважения представляют для финнов и для советских людей примерно одну и ту же ценность (различие оценок не превышает полуторного). Это родительская гордость и родительское почтение, хозяйская гордость за свой дом и за свою землю, местный патриотизм, профессиональная гордость и религиозная принадлежность.

Третье. Пониженный уровень самоуважения советских людей в основном объясним сравнительно низкой оценкой пяти источников самоуважения: национальный патриотизм, друзья, место работы, принадлежность к своему поколению, высокое общественное положение.

Четвертое. Специфическим для советского человека источником самоуважения является, прежде всего, советский патриотизм. Вместе с чувством принадлежности к роду человеческому он, очевидно, отчасти возмещает недостаток национального патриотизма. Кроме того, достаточно специфичны, хотя и не слишком весомы в качестве источников самоуважения советских людей также партийная принадлежность (к ней примыкает и участие в национальных движениях и Народных фронтах) и личные прошлые заслуги перед обществом: участие в войнах или стройках.

Выделение личных прошлых заслуг отчасти компенсирует сравнительно низкую оценку всего своего поколения, за которым те же заслуги могут и не признаваться. Отсюда, возможно, и недостаток дружбы между сверстниками (кроме молодежи).

Далее, непризнание собственных заслуг со стороны общества равносильно тому, что они не подтверждаются занимаемым общественным положением. Отчасти это объясняет его сравнительное обесценивание. Если причина непризнания личных заслуг, обычно профессиональных, усматривается в месте работы, то обесценивается, очевидно, и оно.

Таким образом, специфические источники самоуважения советских людей могут объяснить недооценку ряда неспецифических источников. Общий баланс, однако, складывается не в их - советских людей - пользу.

*Сравнительная оценка источников самоуважения населения
в СССР и в Финляндии*

Источники самоуважения		Распространенность, (%)	
Финляндия	СССР	Финляндия	СССР
Я отец (мать) своих детей		60	43
Я сын (дочь) моих родителей		16	20
Я хозяин (хозяйка) в своем доме		20	18
Я хозяин (хозяйка) на своей земле		8	12
Я житель моего города		14	13
Я финн	Я сын/дочь своего народа	61	13
	Я советский человек	-	24
	Я представитель рода человеческого	-	9
Я специалист в своей области		29	22
Я верующий		6	8
Я член партии	Я член КПСС	1	3
	Я участник национального, движения. Народного фронта	-	1
	Я работник на своем месте	21	8
Я представитель моего поколения		22	12
Я занимаю заметное положение		4	1
Я демобилизованный		1	-
	Я ветеран ВОВ	-	6
	Я участник войны в Афганистане	-	4
	Я участник великих строек	-	1
Затрудняюсь ответить		4	11
Среднее число источников, отмеченное одним респондентом		2.8	1.9

ЧЕГО МЫ БОИМСЯ?

Всем нам импонирует бесстрашие. Но много ли таких, кто не знает страха? На вопрос "Чего Вы больше боитесь?" только 4% опрошенных ответили: "Особых страхов не испытываю", и лишь 2% затруднились с ответом. Все другие испытывают, как выяснилось, немало различных страхов. В перечне из 15 видов страхов было предложено отметить не более пяти пунктов; в среднем отмечено почти по четыре пункта (3,8).

Чего же мы боимся? Оказывается, что больше всего - болезней близких, детей (59%), затем - войны (47%), стихийных бедствий (42%), собственной болезни, потери работоспособности (40%), старости, беспомощности (29%). Все это - древние общечеловеческие страхи, с которыми не удалось, как видно, справиться нашему научному и социальному прогрессу.

"Во втором ряду" идут более новые страхи, так или иначе связанные с этим прогрессом: гибели человечества (24%), произвола властей, беззакония (22%), публичных унижений, оскорблений (18%), бедности (16%), преступников (14%), возврата массовых репрессий (13%). Древним и новым, воскресшим является страх национальных конфликтов (12%). Особую группу составляют сугубо личные страхи: физической боли, мучений (19%), собственной смерти (14%), гнева Божьего, Страшного суда (8%).

Приведенные цифры показывают, что надо всею "злобою дня" преобладают общечеловеческие страхи. В самой же "злобе дня" первое место занял - еще не слишком уверенно - страх перед гибелью человечества. Непосредственно за ним следующий страх перед произволом властей, беззаконием значительно - в полтора раза - больше страха перед преступниками (даже вопреки тому, что преступность растет), равно как и страха перед бедностью.

Все виды страхов не изолированы друг от друга. Анализ их фактических конфигураций, совместных и плохо совместимых страхов позволил установить достаточно интересные закономерности - очевидные и не вполне очевидные. Так, страх болезней близких усиливается страхом собственных болезней и усиливает этот последний. Некоторые страхи как бы вытесняют другие. В частности, страх бедности снижает - примерно на четверть - страхи войны и гибели человечества. Последний ослабляется также страхами физической боли и мучений и возврата к массовым репрессиям, но усиливается страхами национальных конфликтов, преступников, стихийных бедствий и собственной смерти. В свою очередь, страх гибели человечества ослабляет страхи бедности и физической боли, мучений, но усиливает страх произвола властей, беззакония. Страх публичных унижений, оскорблений ослабляет страхи стихийных бедствий, болезней, потери работоспособности, гнева Божьего и преступников. Страх перед преступниками усиливает страхи собственной смерти, войны и национальных конфликтов, но ослабляет страхи болезни и старости. Страх стихийных бедствий усиливает страхи собственной смерти и гнева Божьего, Страшного суда. Страх гнева Божьего ослабляет страхи публичных унижений, оскорблений и национальных конфликтов.

Выявленные связи, конфигурация страхов (а названы далеко не все) представляют, на наш взгляд, вполне самостоятельный интерес. Ведь человек не любит осознавать свои страхи, редко находит источники и последствия одних своих стра-

хов в каких-то других, более глубоко запрятанных страхах, а тем более - в отсутствии определенных страхов. Вместо этого источник любого осознанного страха разыскивается, как правило, в окружающем мире, страх часто переплавляется в ненависть, в образ врага.

Между тем, не все страхи одинаково неоправданы и оправданы - идет ли речь об оправдании социально-историческом или индивидуально-психологическом. Бессознательность страхов приводит к их инертности и стихийности, действиям в обход сознания. Этим, а не своим существованием, страхи опасны для человека.

Фигурально выражаясь, страхи - это оружие природы в человеке, но не самого человека. "Страх страха... лепит лицо отчаянного человека", - писал Ж.Бернаннос*. Это означало бы, по видимому, что оно вылеплено страхом природы перед самой собой. Человеческое ли это лицо, не бессмысленное ли выражение на нем написано? Гораздо лучше, на наш взгляд, сказал Паскаль: "Будем бояться не в час опасности, а когда нам ничего не грозит: пусть человек до конца остается человеком".**

Страхи зависят, таким образом, не только от объекта, но и от субъекта, носителя страхов. Кто же чего больше боится?

Наибольшее число закономерностей в изменении страхов обнаружилось в связи с уровнем образования человека. Пять страхов из нашего перечня уменьшается с уровнем образования человека, и пять - увеличивается. Уменьшаются: страхи стихийных бедствий, старости, собственной смерти, гнева Божьего и Страшного суда, войны. Увеличиваются: страхи физической боли и мучений, публичных унижений и оскорблений, произвола властей и беззакония, возврата массовых репрессий, национальных конфликтов.

Не столь однозначные закономерности, скорее просто тенденции в изменении некоторых страхов удалось обнаружить в зависимости от возраста и душевого дохода. С возрастом повышается страх болезней (но после 60 лет он снижается) и старости (но в возрасте до 20 лет он больше, чем в период с 20 до 40 лет); снижается страх публичных унижений, оскорблений (особенно после 60 лет). Обнаружились два возрастных "пика" страхов в период 30-39 лет: болезней близких, детей и произвола властей, беззакония. С ростом душевого дохода понижаются страхи своих болезней и болезней близких, страхи войны и гнева Божьего (при доходе свыше 200 рублей они

вновь повышаются), возрастают страхи собственной смерти и преступников.

Среди не испытывающих особых страхов мужчин в четыре раза больше, чем женщин. Тем не менее, четыре вида страхов больше свойственны мужчинам, чем женщинам. Сюда входят страхи произвола властей и возврата массовых репрессий (различия в полтора раза), а также, с небольшим перевесом, страхи публичных унижений и национальных конфликтов.

ДВЕ ГЛАВНЫЕ РАДОСТИ

Что радует больше всего? Судя по распространенности ответов, главным источником радости для всего взрослого населения страны являются дети. "Проводить время с детьми" отметили 52% опрошенных - каждый второй. Дети как источник радости находятся на первом месте во всех возрастных группах населения, начиная с 25 лет; у мужчин и у женщин; при любом образовательном уровне; любом роде занятий, кроме учащихся; у городских и у сельских жителей; во всех регионах страны; у лиц любой национальности; при любых политических взглядах. Как никто и ничто другое, дети снимают все различия между нами, и всех нас объединяют.

Особенно любят проводить время с детьми женщины (61%), лица в возрасте 30-39 лет (65%), колхозники, сельскохозяйственные рабочие (67%) и лица с наиболее низким душевым доходом (63%). С ростом доходов радость от общения с детьми постепенно снижается, и при доходе свыше 200 рублей она уходит на второе место (39%).

Второй по распространенности источник радости - читать интересную книгу, журнал (39%). Именно он выходит на первое место с ростом доходов (46%). Его абсолютное значение повышается и с ростом образовательного уровня (с 31% при образовании 9 классов и меньше до 39% при высшем образовании). В особенности любят читать мужчины (45%), лица в возрасте 40-49 лет (46%), научные сотрудники, творческая интеллигенция (52%).

Однако у многих групп населения чтение не удерживается на втором месте. Менее всех любят читать колхозники, сельскохозяйственные рабочие - у них чтение на 5-6 месте (20%), а также лица с консервативными взглядами. Среди тех, кто считает, что наше государство дало нам все и никто не вправе требовать от него большего, любителей чтения всего 17%, среди думающих, что наша страна окружена со всех сторон врагами, их 20%.

Дети и чтение довольно уверенно занимают первые места

* Дневник сельского священника - в кн.: Бернаннос Ж. Сохранять достоинство. М., 1988, с.196 (пер. Л.Зониной)

** Ларошфуко и др. Суждения и афоризмы. М., 1990, с.209 (пер. Э. Линец-

почти повсеместно. Это, можно сказать, всеобщие радости, и никаких других всеобщих радостей у нас нет. Все остальные радости встречаются значительно реже и распространены, по большей части, лишь в определенных группах населения.

РАДОСТИ МУЖСКИЕ И ЖЕНСКИЕ

Некоторые виды радостей встречаются в несколько раз чаще среди мужчин, чем среди женщин. К сугубо мужским радостям относятся: рыбачить, охотиться (23% мужчин, 1% женщин), играть в шахматы, домино и др. (7%-1%), болеть за свою команду (11%-1%), выпить в хорошей компании (14%-4%), заниматься спортом (14%-4%), организовывать людей на полезное дело (8%-3%).

Сугубо женских радостей обнаружилось всего две: готовить что-то вкусное (36% женщин, 5% мужчин), и созвать гостей (10%-5%).

Можно заметить, что различие мужских и женских радостей сводится к одной простой вещи. Мужские радости - это радости вне своего дома ("центробежные"), а женские - это, напротив, радости своего дома ("центростремительные"). О том же говорит и оценка нелюбимых занятий. На вопрос "А какие занятия Вам больше всего не по душе?" ответили "сидеть дома" 27% мужчин и только 20% женщин, "оставаться одному" - 26% мужчин и 33% женщин. Более ярких различий в нелюбимых занятиях мужчин и женщин не оказалось.

МОЛОДЕЖНЫЕ РАДОСТИ

Аналогично мужским и женским можно выделить и молодежные радости. У молодежи до 20 лет их обнаружилось четыре: слушать музыку (молодежь до 20 лет - 57%, все население - 22%), путешествовать (39%-20%), заниматься спортом (25%-9%), заниматься любовью (21%-10%).

На первом месте - слушать музыку. Это увлечение имеет явно возрастной характер. После 25 лет оно падает почти в 2,5 раза и удерживается на том же уровне примерно до 40 лет, после чего происходит второй спад - до 11-12%.

Страсть к путешествиям не только молодежная. Она постепенно снижается с возрастом (до 9% в возрасте 60 лет и старше), но резко повышается с ростом образовательного уровня (с 8% при образовании 9 классов и меньше до 32% при высшем образовании) и в меньшей мере - с ростом доходов (с 16% до 25%). По сравнению с музыкой, путешествия предполагают у человека больше внутренних и внешних ресурсов.

Как ни странно, страсть к путешествиям мало связана со

стремлением узнавать новое. Радость учиться, узнавать новое свойственна только 16% любителей путешествовать, что несомненно превышает среднюю величину для всего населения - 12%. Более отчетливо страсть к путешествиям связана с характерными страхами. 30% любителей путешествий больше всего боятся произвола властей (в среднем - 22%), 24% - публичных унижений (в среднем - 18%).

Спорт и любовь по своей распространенности среди молодежи уступают не только музыке и путешествиям, но и двум неспецифическим для молодежи удовольствиям: читать (37%) и смотреть телевизор (29%). На одном уровне со спортом и любовью и еще две неспецифические радости - готовить что-то вкусное (25%) и вкусно поесть (24%).

Радости от занятий спортом и любовью распространяются, можно сказать, параллельно. Они одинаково снижаются с возрастом, повышаются с ростом образовательного уровня, доходов, размеров населенного пункта, одинаково преобладают у мужчин по сравнению с женщинами, часто сочетаются между собой, с любовью к музыке и путешествиям, равнодушием к телевизору, нежеланием убеждать других и подчиняться другим. (Возможно, в самом увлечении любовью много чисто спортивного интереса).

Чтобы оценить своеобразие преимущественно молодежных радостей (музыка, путешествия, спорт и любовь), полезно сопоставить их с радостями, встречающимися преимущественно в более зрелом возрасте. Это: проводить время с детьми (молодежь до 20 лет - 10%, все население - 52%), проводить время с мужем, женой (5%-22%), заниматься садом, огородом (5%-22%), работать в полную силу (8%-20%), заниматься домашним хозяйством (12%-23%), рыбачить, охотиться (6%-11%), организовывать людей на полезное дело (1%-5%).

Исходя из приведенного перечня, можно заключить, что "взрослые" радости концентрируются вокруг семьи, дома и работы. Вокруг "своего": свои дети, своя жена или свой муж, свой сад, огород, домашнее хозяйство, своя работа. Все это - радости, основывающиеся на обладании чем-либо своим, радости обладания.

Молодежные радости явно не сводятся к обладанию. Они, насколько можно судить, вызываются не обладанием, а приобщением. Музыка, вызывающая радость, - не "своя", а своего поколения и всего человеческого рода, соединяющая с ними; путешествия не "по-своему", а в открывающийся мир, как придется; спорт не "свой", а совместный; любовь не "своя", а

взаимная. Только свое, замыкание на своем - не в радость. Но как раз через приобщение и происходит, в конечном счете, обретение и признание "своего".

Вопреки ожиданиям, в число молодежных радостей не попала радость учиться, узнавать новое. Она встречается у 12% всего населения и у 14% молодежи до 20 лет: разница невелика. Возможно, на время охоту учиться отбивает школа. Во всяком случае, в возрасте 20-24 года она встречается у 19% лиц, после чего уже неумолимо спадает до 8% в возрасте 60 лет и старше.

Кто же все-таки любит учиться? Больше всего, около 30% желание учиться у тех, кто хотел бы иметь собственное дело и вести его на свой страх и риск, и тех, кому доставляет удовольствие организовывать людей на полезное дело. Стремится к знанию, как видно, немногие, но среди них преобладают те, кто делает ставку только на себя самого.

***

Можно констатировать, что реальные чувства советских людей не являются ни сугубо позитивными (как предписывалось им прежде), ни исключительно негативными (как нередко ожидается от них теперь).

Бесстрашных людей, которые "особых страхов не испытывают", всего 4%. Много источников страха, сравнительно мало источников самоуважения. Много внутренние одиноких людей - около четверти, хотя одиноко живущих лишь одна десятая часть. Но при этом практически повсеместное, во всех разграничиваемых группах населения, преобладание более или менее счастливых людей, если речь идет об оценке всей прожитой жизни. И достаточно много источников житейских радостей.

Последние факты как будто свидетельствуют, что положительного в жизни, даже в жизни советских людей, больше, чем отрицательного. Некоторая неочевидность такого положения связана, по-видимому, с тем, что позитивные чувства носят сравнительно приватный характер и не становятся, как правило, предметом общественного резонанса. В таком случае следовало бы ожидать, что позитивные чувства и их источники лучше дифференцируют группы населения и индивидуализируют людей, чем негативные. Грубо говоря, все мы несчастливы одинаково и счастливы по-своему.

Действительно, среди всех представленных источников чувств в наибольшей мере специфицируют различные группы населения источники радостей. Почти любая группа населе-

ния имеет свои источники радостей, распространенных в этой группе в несколько раз больше, чем у остального населения. Напротив, устойчивые групповые комплексы негативных чувств встречаются сравнительно редко.

Хотя главные источники позитивных чувств, возможно, индивидуальны, это не снимает вопроса об общих источниках чувств, позитивных или негативных. Ведь только такие общие источники могут объединять разных людей, представлять для них общую ценность.

Какой же из источников чувств представляет для советских людей наибольшую ценность? Если судить по распространенности таких источников, то это, вне всяких сомнений, дети. Дети оказались на первом месте среди источников самоуважения (43%), радостей (52%) и страхов (страх за детей и близких - 59%). Дети - наша общая главная ценность и главное, что нас объединяет.

Этот приоритет детей не является, очевидно, какой-то спецификой советского человека. Он вполне общечеловеческий.

Хотя же мнение представляет советского человека как объект неимоверных испытаний и субъекта негативных чувств. Уважение к этим чувствам совмещается при таком представлении с неуважением к их носителю, которому завидно отказывается в стремлении к позитивному и способности к его выбору. Им как будто вечно что-нибудь руководит: историческая необходимость, начальство, собственные чувства.

Сколько бы ни подтверждалось подобное представление, само оно является не вопросом факта - таков ли советский человек, а вопросом позиции - как к нему относиться. Остаться на изложенной позиции - значит отказать ему в человечности, не видеть в нем прежде всего человека - существо, которое по-своему ищет, решает и действует.

Ведь не испытания и чувства определяют человека, а то, что извлекает он из своих испытаний, какое употребление находит для своих чувств. Можно им отдаться, подчиниться или подняться, возвыситься над ними, можно возвыситься сами эти чувства, можно их подавить, сохранить, изменить, направить в одну или в другую сторону. Но во всех таких действиях проявляются уже не сами чувства, а человека как субъект своих действий. Чувства советского человека достаточно много говорят об обстоятельствах его жизни, об объектном аспекте его существования. Но они не дают и не могут дать оснований для его оценки как субъекта. Они требуют только понимания.

ТИПЫ ВЕРЫ И БЕЗВЕРИЯ

СТУПЕНИ РЕЛИГИОЗНОСТИ

В целом, распространенность веры как человеческой устремленности к вечной жизни можно оценить по минимуму величиной в 7-8% населения - таковы масштабы религиозной веры, проявляющейся в наличии страха Божьего. С другой стороны, распространенность безверия достаточно условно оценивается величиной в 22% - таков уровень страха перед властями.

В принципе эти оценки позволяют говорить о преобладании безверия над верой. Они оставляют, однако, чрезвычайно широкую полосу неопределенности для трех четвертей всего населения. Эта неопределенность сокращается, если принять в качестве признака веры наличие для человека каких-либо духовных авторитетов, к которым он обращался со своими вопросами и по которым ориентировался бы в жизни. Такие авторитеты (в виде религии, науки, искусства и т.д.) существуют, по данным опроса, примерно, для 35% и отсутствуют для 41% населения, что сокращает "полосу неопределенности" до одной четверти всего населения. По этому признаку безверие (41%), как видно, также преобладает над верой (35%). Однако это преобладание уже не столь прочно, как при оценке по структуре страхов.

Существуют, кроме того, более поверхностные показатели, которые свидетельствуют не столько о вере, сколько о стремлении к вере. К ним относится, прежде всего, структура ответов на прямой вопрос: "Считаете ли Вы себя верующим человеком, и если да, то к какой религии себя относите?" Ответы на этот вопрос распределились следующим образом (данные на конец года в процентах к опрошенным):

	1989 год	1990 год
Не считаю себя верующим человеком	53	44
Да, отношу себя к христианству	41	43
Да, отношу себя к мусульманству	5	10
Да, отношу себя к другой религии	1	2

Социально-демографический анализ показывает, что доля верующих снижается с ростом образовательного уровня и душевого дохода, но увеличивается с возрастом. Чаще среднего верующие встречаются среди рабочих, реже - среди военнослужащих и руководителей. Особенно существенны национальные различия. Максимум верующих - среди узбеков (все мусульмане), литовцев (христиане), украинцев (христиане и адепты других религий). Меньше всего верующих среди казахов, еще меньше среди русских, особенно в Сибири.

Заметен также общий рост числа верующих. Он подтверждается и некоторыми другими показателями. Так, одной из основных причин наших сегодняшних трудностей назвали утрату религиозной веры 7% всего населения в конце 1988-го, 10% - в конце 1989-го, 12% - в конце 1990 года. Ответили, что убедить людей в реальности позитивных сдвигов в стране сможет лишь настоящая свобода церкви и религии, - 10% в 1988 и 17% в 1989 г. Однако считали, что газеты и журналы пишут слишком мало о вере и религиозной жизни, 60% в 1989 году и только 48% в 1990 году. Очевидно, чисто познавательный интерес к вере начинает насыщаться, а эффект разрешенности - сглаживаться.

Данное явление иногда квалифицируется как вспышка религиозности в стране. Хотя эта "вспышка" носит пока довольно поверхностный характер, она имеет, на наш взгляд, достаточно глубокие корни. К ним относится явное падение страха перед властями в самые последние годы и, с другой стороны, рост непосредственного страха смерти в той катастрофической ситуации, которая сложилась в стране. Если не произойдет возврата к репрессивному режиму, то вслед за расширением круга верующих - пока только стремящихся к вере, можно ожидать и углубления веры в массе тех, кто к ней стремится.

Что стоит за признанием себя верующим человеком в данный момент? В чем и намного ли "верующие" отличаются от "неверующих"?

Данные показывают, что ответы, характерные для верующих, почти не встречаются у неверующих. В этом смысле неверующие у нас "настоящие". В то же время, почти все характерные для верующих ответы встречаются не у большинства, а у заведомого меньшинства людей, объявивших себя верующими. Лишь 7-8% всего населения выбирает ответы, характерные для верующих, хотя 47% считает себя верующими.

Важное исключение - вопрос о намерениях приобщить к вере своих детей. На него ответили утвердительно две трети

лиц, считающих себя верующими, и даже один из шести не считающих себя таковыми. Как видно, стремление к вере встречается и без веры. А признание себя верующим - без стремления к вере. Это указывает на наличие разных степеней или ступеней религиозности. Максимально широкий круг лиц - 47% - считает себя верующими, не обязательно извлекая из этого какие-либо обобщающие или упрочивающие их позицию выводы. Это, можно сказать, первая ступень религиозности.

Следующий, более узкий круг составляют те, кто собирается приобщить к вере своих детей, т.е. восстановить и продолжить религиозную традицию, - 39%. (Четверть среди них - это те, кто относит себя к неверующим, что составляет около 10% всего населения).

Еще более узкий круг - те, кто празднует церковные праздники, священные дни, иначе говоря, приобщен или начал приобщаться к религиозным ритуалам, - 20% всего населения. Наконец, те, кто обращается к религии с заботящимися их вопросами (то есть для кого она является духовным авторитетом) и испытывает разнообразные религиозные чувства: страх гнева Божьего, гордость за свою веру и веру своего народа, благодарность за веру, внушенную родителями, сознание своей человеческой греховности и др.). Таких собственно религиозных людей около 7% всего взрослого населения*.

Кто же среди верующих? Чаще среднего - лица в возрасте 60 лет и старше, немного чаще среднего - опрошенные до 20 лет, реже среднего - 20-30 летнего возраста. В середине жизненного пути религиозность ослабевает, но усиливается к его концу. Ослабевает она и с ростом образовательного уровня. Но с увеличением домашней библиотеки эта зависимость не столь прямолинейна. При достаточно большом количестве книг религиозность не снижается, а резко повышается. Очень заметно повышается религиозность и с ростом размеров населенного пункта, где живут опрошенные.

СИМВОЛЫ СЕКУЛЯРНОЙ ВЕРЫ

Какие объекты и символы веры, помимо собственно религиозных, сохраняют значимость и влияние в умах и душах советских людей? Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что в течение почти 300 лет Россия жила в условиях постепенного вытеснения старых религиозных представлений, а начи-

* Любопытно, что на вопрос "Как Вы считаете, какие из следующих качеств чаще можно встретить у людей таких, например, национальностей", качество "религиозные" отметили у русских как раз 7% опрошенных (у англичан - 24%, у узбеков - 35%, у евреев - 14%, у литовцев - 20%).

ная с 1917 года, их полного краха и утверждения на их месте новой секулярной веры в "науку" и прежде всего - марксистско-ленинское учение как средство коллективного спасения, построения самого лучшего на земле общества и самого могучего государства.

Начавшийся в 1985 году обвал этой псевдорелигии посеял невиданную духовную смуту, поскольку, отказываясь от старых идолов, люди с трудом отыскивают новые ориентиры, будучи воспитанными в монополизированном государственной идеологией культурном поле и не имея, по сути, иных кроме внушенных им пропагандистской машиной точек опоры. Об этом свидетельствует полученный нами в опросе список самых выдающихся людей всех времен и народов. Возглавляющие его имена образуют своего рода иконостас, отражающий как историю становления "новой религии", так и ее нынешнее состояние. На первом месте, как и положено, Ленин и Маркс - Бог-сын и Бог-отец нового культа (Энгельс образует как бы "женскую" половину Маркса и занимает шестое место). Третье место принадлежит Петру I, который сыграл в истории становления веры в науку и технику роль первокрестителя (аналог св.Владимира Красное Солнышко). На четвертом месте - Горбачев, живое воплощение власти, всегда высоко почитаемой адептами "научной религии". Если бы опросы проводились во времена Сталина, он в качестве "Бога живого" занял бы, безусловно, первое место, теперь же он спустился на восьмое место "божества войны и победы", рядом с Суворовым и Жуковым. Перед ним еще только Пушкин и Ломоносов, опять-таки фигуры, ассоциируемые с просвещением России и становлением новой веры. Первого вполне можно назвать ее Андреем Рублевым, а второго сравнить с Сергием Радонежским.

Государственный престиж, официальный культ науки и войны, а также космических побед (в числе первых 24 персонажей списка мы находим Гагарина, Циолковского, Королева), совершенно очевиден, так как до 24 места - Чайковский - в нем представлены только ученые и военные, если не считать Пушкина, Л.Толстого и Шевченко (высокий рейтинг последнего обеспечивают опрошенные на Украине). Связь первого из них с "просвещением" уже отмечена, вторые два - совершенно определенно служат символами национальной гордости и выступают - главным образом по этой причине - в одной шеренге с военными.

Как видим, устойчивость идейно-символических столпов довольно велика. Но и здесь речь идет скорее о поверхностно-

сти данного явления в силу безальтернативности выбора. Сами опрашиваемые осознают, что общество находится в начале смены систем ценностей, и (в рамках другого более позднего опроса 1990 г.) прогнозируют, что до конца столетия мы будем свидетелями падения престижа Ленина и повышения авторитета Христа и Сахарова. Вместе с тем, люди не склонны к активному иконоборчеству, и более половины опрошенных (в одном из исследований 1990 г.) высказываются против сноса памятников Ленину и деятелям революции, в то время как свободному волеизъявлению жителей готовы предоставить решение этого вопроса лишь 33%. (Обратим внимание на то, что ровно столько же не упомянули Ленина в перечне десяти самых выдающихся людей).

Иную картину мы наблюдаем в среде тех, кто сохраняет более ортодоксальную веру в марксизм-ленинизм и ищет ответы на заботящие его вопросы в этой "науке наук". Таких людей у нас 5%, причем больше всего их среди молодых людей в возрасте от 20 до 24 лет и от 30 до 39 лет, с высшим и незаконченным высшим образованием. Среди членов КПСС эту веру продолжают исповедовать 15% и, что весьма симптоматично в свете традиционного тяготения к почитанию "священного текста", 11% - среди мусульман. Особую верность марксизму сохраняют казахи (18%), узбеки (12%) и русские, проживающие в республиках (10%). Основная масса русских за марксистскую догматику не держится (5%). Зато им в большей мере присуща вера в "подлинный социализм", которую твердо исповедуют в нашей стране около 10% жителей.

В том, чтобы "возвратиться на путь строительства подлинного социализма", видят главную задачу, стоящую перед страной, 9% респондентов. 11% считают недопустимым публичное обсуждение возможности замены нашего строя на капиталистический. 9% - обсуждение политического курса Ленина. Это опять-таки по большей части молодые люди в возрасте до 39 лет, чаще среднего - учащиеся, военнослужащие, руководители, члены КПСС и комсомольцы. Русским эта вера присуща в большей мере, чем коренным жителям большинства республик. О возвращении в лоно "подлинного социализма" помышляет каждый пятый москвич.

Особо жесткую разновидность этой веры являют собой те, кто связывает мысли о своем народе с представлениями об идеях, которые мы несем другим народам и странам. Державный мессианизм такого рода характерен для 3% населения СССР, но встречается почти исключительно у русских, особенно в Сибири. У опрошенных в возрасте 50-59 лет он встре-

чается чаще, чем в других возрастных группах, более присущ он людям с невысоким образованием, не имеющим дома книг и либо никакой прессы не выписывающим, либо ограничивающимся официальными "Правдой" и "Коммунистом". Среди колхозников таких сторонников нашего идейного первенства и превосходства - 5,5%, среди пенсионеров - 8%.

Но еще важнее для темы всей нашей работы другой, хотя и близкий феномен. В стране есть довольно большое число людей, в основном с невысоким образовательным цензом и социокультурным статусом, убеждения которых не связаны с каким-либо идейным или конфессиональным контекстом, но напрямую замыкаются на власть, причем в характерной для российской культуры ориентации на самые "верхи" как носителя высшей мудрости и генератора верных решений, которым надлежит слепо следовать. В ситуации нынешнего кризиса, когда эта вера в ниспосланную начальству сверхъестественную благодать сильно пошатнулась, в стране осталось уже только 15% людей, видящих в правительстве главную опору в решении стоящих перед обществом нелегких задач. Причем комплекс этот заметно сдвигается к социальной "периферии" - сфере отработанных рутинных образцов. Среди казахов это число возрастает до 36%, в Узбекистане так думает каждый третий узбек, а в Сибири - каждый пятый житель. В правительство верит каждый пятый колхозник и пенсионер, меньше же всего уповающих на власть среди людей в возрасте от 25 до 39 лет, в наиболее демократически мыслящем возрастном слое советского общества.

Другой оттенок этой веры - великодержавная устремленность на то, чтобы страна непременно вернула себе - никогда ей, впрочем, в действительности не принадлежавшее - первое место в мире. О такой задаче помышляют и верят в ее реальность 5% респондентов. Повышается эта доля до 4% среди русских на Украине и в Узбекистане, до 7% среди молдаван. Из социальных слоев здесь несколько выделяется инженерно-техническая интеллигенция. Эта убежденность у некоторых подкрепляется верой в авторитет танков и ракет, упованием на военную мощь своего народа. О такого рода ассоциациях при мысли о своем народе (советском, надо полагать) чаще других заявляли лица узбекской, грузинской и армянской национальностей, военнослужащие, читатели "Правды", лица старше 60 лет.

Упомянутые разновидности социалистической и великодержавной ортодоксии в совокупности составляют до 15% населения страны. Примерно столько же отстаивают последова-

тельно-демократические ценности и принципы. Правда, о построении свободного демократического общества как о главной задаче страны заявило 19% респондентов, а о том, что "мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам", и вовсе каждый третий опрошенный, но анализ показывает, что у значительной части отвечающих таким образом их позиция не обнаруживает внутреннего единства, являясь скорее рефлексом на очередной лозунг, чем продуктом глубокой рефлексии. Тем не менее, можно говорить о достаточно широком проникновении в сознание людей символов "демократической веры", и относится это прежде всего к населению республик (Азербайджан - 35%, Грузия и Армения - 34%, Литва - 33% против 19% в среднем), к молодым людям до 20 и от 25 до 39 лет (спад в постарейшем возрасте от 21 до 24 лет). Носителями демократических идеалов выступают каждый третий представитель научной интеллигенции, каждый третий кооператор, каждый четвертый военнослужащий (27%). Любимое чтение "демократов" - "Новый мир", "Огонек" и "Литературная газета". Резко падает число исповедующих демократическую веру среди мусульман, низкообразованных слоев населения, колхозников. Ничтожно мало их среди подписчиков журнала "Коммунист".

ДУХОВНЫЕ АВТОРИТЕТЫ

Для верующих высшим духовным авторитетом, последней "инстанцией истины" является религия: к ней они обращаются за окончательными ответами на возникающие у них общезначимые вопросы. Именно в силу духовного авторитета религии ссылки на нее убедительны при обосновании тех или иных представлений, нравственных императивов, правил поведения.

Религия - это, очевидно, не единственно возможный авторитет для человека. С одними и теми же вопросами можно обращаться к науке, искусству, литературе, к власти и т.д.

Для сравнительной оценки различных возможных духовных авторитетов между собой, а также относительно собственного здравого смысла человека, был задан вопрос: "Где, на Ваш взгляд, человек скорее всего может найти ответ на вопросы, которые его заботят?" Распределение ответов показано в таблице (графа "уровень распространенности").

Сравнительная оценка различных духовных авторитетов

- (1) Уровень распространенности (%)
- (2) Число дополнительных авторитетов
- (3) В том числе, доля опирающихся на здравый смысл (уровень использования здравого смысла)

Вид духовного авторитета	(1)	(2)	(3)
Марксистско-ленинское учение	5	0.9	0.18
Область экономики	7	1.0	0.24
Область политики	4	1.7	0.39
Наука	9	1.1	0.27
Религия	7	0.9	0.27
Искусство, литература	10	1.0	0.23
Собственный здравый смысл	47	0.2	-
Другое	1	1.1	0.17
Затруднились ответить	24	-	-

Итак, на первом месте - собственный здравый смысл человека. В принципе это понятно: человек прежде всего полагается на самого себя, а не на внешние авторитеты. Вопрос в том, использует ли он свой здравый смысл или ограничивается им. Не свидетельствует ли опора на собственный здравый смысл об отсутствии каких бы то ни было духовных авторитетов, попросту о безверии? Оказывается, в основном это именно так. Абсолютное большинство опирающихся на свой здравый смысл опираются только на него: лишь 24% из них обращаются к каким-либо другим авторитетам. К категории ни во что не верящих, находящихся в состоянии безверия можно отнести около 36% всего взрослого населения. Во многом это нигилисты в отношении любых авторитетов. С другой стороны, этот же слой включает в себя и индивидуалистов, вступивших на путь полной идеологизации. Таким образом, этот слой в определенном отношении перспективен - для формирования в конечном счете здравого "обывательского" общественного устройства. Вместе с не знающими, во что верить (24% затруднившихся с ответом), это 60% всего населения.

Отсутствие дополнительных авторитетов, названных одновременно с исходным, характеризует монопольное положение данного авторитета, его исключительность для приверженцев. Как видно, такая внеконкурентность отличает прежде всего собственный здравый смысл человека. Следом за ним, со значительным отставанием, идут религия и марксистско-ленинское учение. Меньше всех других претендует на монопольное положение в качестве духовного авторитета область политики. Ее приверженцы выделяются самым высоким уровнем использования здравого смысла. Используют здравый смысл не те, кто им ограничивается, а те, для кого существуют и какие-либо другие авторитеты. Наименьший уровень использования здравого смысла, как можно видеть, у адептов марксистско-ленинского учения.

Опора только на свой собственный здравый смысл, отсутствие каких бы то ни было внешних авторитетов указывают, скорее, на состояние безверия. Подобные потенциальные "анархисты" (или индивидуалисты) составляют до 36% всего населения. Данные исследования показывают, что "анархистов" отличает свободолюбие и самонадеянность. "Анархисты" чаще, чем остальное население, не любят подчиняться другим, стремятся освободиться от жесткого руководства и не допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека, боятся произвола властей. Им особенно не по душе делать то, что они не понимают, и убеждать других в том, во что сами они не верят. Сравнительно редко они вспоминают десять заповедей, говорят с детьми о Боге, вере, церкви, считают себя верующими. Отношение "анархистов" к другим людям можно определить как легкое и потребительское. Они считают, что выслушать и понять человека способен не священник, а другой человек в таком же состоянии или же просто случайный собеседник. Люди этого типа стремятся найти компанию, но не навязываться, уважают инициативных людей, предпочитают инициативных же начальников. Часто бывают лидерами в небольшой группе, среди "своих". При этом "анархисты" не чувствуют себя ответственными за действия других людей, будь то правительство, лица одной с ними национальности, их предки. Эта группа видит корень зла, существующего в стране, не во внешних или внутренних врагах народа, а в его собственных ошибках; больше других "анархисты" придают значение умению быть счастливым и оставаться самим собой.

Этот тип людей сравнительно часто встречается среди молодежи до 20 лет, учащихся, холостых, некоторых национальных групп: украинцев, казахов, евреев; сравнительно мало он распространен среди лиц старше 50 лет, пенсионеров, вдовцов, обладателей домашней библиотеки свыше тысячи книг, азербайджанцев и литовцев.

Все население страны распадается, таким образом, на три категории: ни во что не верящих (36%), не знающих, во что верить (24%), и во что-то верящих (40%). При этом опора на собственный здравый смысл в трех случаях из четырех приводит к безверию.

ДУМАЯ О БОГЕ...

Куда ведут человека мысли о Боге? Что стоит для различных групп населения за этим словом? Чтобы это выяснить, был задан вопрос: "Когда Вы слышите или думаете о Боге, что из перечисленного прежде всего приходит Вам на ум?" Общее

распределение ответов на вопрос см. в Приложении. Обобщая их, можно выделить четыре типа представлений о Боге: религиозное - складывающееся из специфических позитивных ассоциаций;

утилитарное - из неспецифических позитивных ассоциаций; скептическое - из неспецифических негативных ассоциаций; антирелигиозное - из специфических негативных ассоциаций.

Все другие мыслимые представления, складывающиеся из разнотипных ассоциаций, - амбивалентны и не способны определенным образом ориентировать человека. Их можно отнести к разряду смешанных. Смешанные представления отвечают, видимо, меняющемуся отношению человека к Богу и религии.

В следующей таблице сделана попытка оценить на основе полученных эмпирических данных содержание и распространенность названных представлений о Боге и отвечающие им уровни духовного авторитета религии (ДАР).

- (1) Распространенность ассоциаций, (%)
- (2) Уровень ДАР (%)
- (3) Средняя распространенность (%)
- (4) Средневзвешенный уровень ДАР (%)
- (5) Вклад в ДАР у населения

Тип представления о Боге	Типичные ассоциации	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
РЕЛИГИОЗНОЕ (позитивное, специфическое)	Христос	22	58			
	Всемогущество Бога	16	47			
	Молитва	15	38			
	Наказание за грехи	15	32	12	32	3.8
	Десять заповедей	9	29			
	Рай, ад	9	18			
	Священные книги	6	18			
УТИЛИТАРНОЕ (позитивное, неспецифическое)	Ангел-хранитель	6	11			
	Церковные обряды	18	26			
	Вечная жизнь	8	12	10	13	1.3
	Религиозное искусство	10	11			
	Пророк Мухаммед	3	4			
СКЕПТИЧЕСКОЕ (негативное, неспецифическое)	Чудо	9	5	6	3.5	0.2
	Другое (индивидуальная ассоциация)	3	2			
АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ (негативное, специфическое)	Не думал об этом	28	6	17	3	0.5
	Бога нет	19	3			
	Борьба с суевериями	5	1			
СМЕШАННЫЕ	Любые сочетания разнотипных ассоциаций	-	-	55	3.7	1.5

Как видно из этой таблицы, у населения страны в целом преобладают смешанные представления о Боге, т.е. отношение к религии в массовых масштабах меняется. Судя по уровню ДАР, смешанные представления мало отличаются по своему значению от скептических. Это, по существу скептическое отношение к религии, но уже с различными не только скептическими ассоциациями, - скептицизм, потерявший свою устойчивость.

Согласно этой таблице, позитивные и негативные представления о Боге примерно уравнивают друг друга, в то время как специфические явно преобладают над неспецифическими. В последнем можно видеть некоторое подтверждение предположительного "неравнодушия к религии" (Вл.Соловьев). Это неравнодушие выражается, однако, скорее в антирелигиозных, чем в религиозных представлениях. Кроме того, если смешанные представления о Боге действительно отражают подспудный, не выражающийся в адекватных представлениях скептицизм относительно религии, то именно его следовало бы считать наиболее характерным для населения страны в целом. Можно сказать так: перед нами безрелигиозный народ, уповающий на религию. Ведь и антирелигиозные представления не полностью, как можно видеть, исключают духовный авторитет религии. И даже те, кто думает, что Бога нет, в три раза реже, чем в среднем, но все-таки обращаются к религии как к духовному авторитету. Как видно, авторитет религии не всегда имеет отношение к Богу и вере в него. Точно также, и вера в Бога не предопределяет духовного авторитета религии. Лишь треть тех, кто разделяет религиозное представление о Боге, признает духовный авторитет религии, обращается к ней со своими вопросами.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ

Установив высокую степень безрелигиозности населения страны и определив степени духовного авторитета религии, обратимся теперь к содержательному анализу выявленных с помощью опроса представлений о Боге с тем, чтобы найти, какие сочетания этих представлений образуют устойчивые и внутренне непротиворечивые комплексы, лежащие в основе безбожных либо религиозных тенденций, отмечаемых в различных социальных слоях и национальных группах советского общества.

При этом мы будем отправляться от собственной теоретической схемы, согласно которой тот православный вариант

христианской религии, который в массе своей победил в конфессиональной борьбе XV - XVII вв., изначально содержит в себе семена безрелигиозности. Мы считаем, что наиболее распространенная версия православного мироощущения зиждется прежде всего на страхе Божьем, на представлениях о потустороннем мире как своего рода бесовских застенках, где ужасные пытки ждут даже праведников. Уже в XV в. Иосиф Волоцкий выражал этот ужас перед смертным часом, Страшным судом, "огненной мукой и пламенем негасимым", еще более присущий, конечно, массовым народным верованиям.

От таких, исключительно устрашающих картин потустороннего существования прямой путь ведет либо к отказу от Бога, вытеснению его из человеческого сознания и души и отношению к жизни в любом ее проявлении как единственной ценности ("живи, пока живется"), либо к надеждам на утопическое земное устройство, дарованное ли Богом или установленное самими людьми под мудрым водительством тех, кто объявляет себя спасителями.

Исламскому мироощущению, хотя в основаниях своих оно, как и православное, глубоко укоренено в земных страстях и привязанностях, все же больше свойственно проецировать и на небо представления о земных радостях и наслаждениях (мусульманский рай с его гуриями, ублажающими героев, отдавших жизнь за ислам). Отсюда меньшая утопичность этого мировоззрения, большее упование на то, что и по ту сторону жизни продолжится в общем-то приемлемое, оптимистически воспринимаемое и оцениваемое земное существование.

Христианское же мироощущение западного типа наименее утопично. Потустороннее предстает в нем как проблема, а земное как драма никогда не могущих быть преодоленными, неизбежных противоречий человеческой жизни.

Сопоставление нашего ассоциативного ряда, выражающего определенные варианты религиозных или безрелигиозных представлений с показателями, характеризующими степень "утопизма", даст возможность сгруппировать ответы по мере связанности маркируемых ими мироощущений или представлений о мире - с земным или, наоборот, потусторонним и с предпочтением, отдаваемым одному перед другим. Расположив предложенные ассоциации на континууме утопизма (в порядке нарастания пессимистической оценки возможности беспроблемно устроить жизнь на земле), получаем следующую картину:

Показатель утопичности*

I комплекс	Борьба с суевериями	13
	Бога нет	25
	Наказание за грехи	25
	Вечная жизнь	29
	Рай, ад	31
II комплекс	Пророк Мухаммед	32
	Священные книги	38
	Всемогущество Бога	41
	Не думал об этом	45
	Чудо	47
	Религиозное искусство	48
	Церковные обряды	49
III комплекс	Молитва	51
	Десять заповедей	51
	Другое (индивидуальная ассоциация)	52
	Ангел-хранитель	52
	Христос	56

Как мы видим, ассоциации выстраиваются на континууме от полюса богоборчества до полюса богочеловечества Христа, имея ровно в центре континуума идею всемогущества небесного Бога - вседержителя. Вокруг этих трех представлений и группируются остальные ассоциации, образуя три мироощущенческих или метафизических комплекса. I комплекс воплощает посюстороннее мировоззрение, связанное либо с отрицанием возможности продолжения земного существования по ту сторону смерти, либо со страхом по отношению к потустороннему, предстающему в образах ада, страшного Суда, наказания за грехи и т.п. Предпочтение здесь отдается земному, здешнему, и даже в религиозном (православном или исламском) варианте надежды на спасение исходными остаются представления об обретении блаженства всем миром и на этой земле. Небесное царство - удел немногих избранных, святых.

II комплекс представлений, строящийся вокруг идеи божественного всемогущества, может быть назван фаталистическим. В руках Божьих сосредоточена вся власть над делами земными и жизнь, в конечном счете, зависит от господнего произволения. Она регулируется священным текстом и в большой степени обусловлена случаем, неземием, чудом, нежеланием и сознанием человека. Божественный промысел непроницаем, отсюда и большое число людей, не пытающихся вни-

кать в вопросы, находящиеся за пределами их разумения (ответ "не думал об этом"). Жизнь по ту сторону смерти также проблематична и целиком находится в распоряжении "небесного начальника". И все -таки надежды на "вечную жизнь" здесь более явственные, чем в I комплексе, и они не столь омрачены картинами ада, наказания и т.п. С другой стороны, и потустороннее существование оценивается не столько пессимистично, сколько фаталистично: всегда сохраняется расчет на чудесный божественный произвол. В целом, для II комплекса характерно менее напряженное отношение между посюсторонним и потусторонним, что имеет ряд важных следствий для формирования психического склада носителей данного мироощущения, их мировоззренческих и поведенческих установок. II комплекс, так же, как и I, распространен в среде и православных и мусульман, но более типичен для исламского менталитета.

Ассоциации III комплекса вращаются вокруг представлений о милости Божьей, обусловленной исполнением божественных заповедей, молитвой, обращенной к Христу - богу любви, милосердия и прощения, - и соблюдением обрядов. В этом комплексе христианство представлено в его западном варианте, в котором доминирует идея трагического несовершенства земного и очень проблематичного, сложного, напряженного отношения с божеством, отнюдь не гарантирующего безусловного блаженства в жизни иной. Это - трагическое мироощущение, вызывающее к индивидуальной и деятельной ответственности человека за свое спасение, этическому подходу к решению жизненных проблем (ответ "Десять заповедей").

Необходимо отметить, что в каждом из этих трех комплексов есть свои "безбожники". В I комплексе - это люди, для которых мысли о Боге связываются с идеей "борьбы с суевериями" и тем, что "бога нет"; во II комплексе - это отвечающие на аналогичный вопрос "не думал об этом" и часть отвечающих "чудо"; в III - это ответ "религиозное искусство", который дают, главным образом, интеллигенты - представители сочувственного атеизма.

Соответственно приведенной классификации, указанные виды веры, если они трансформируются в безверие, чаще всего претерпевают - и это может быть проиллюстрировано исторически - трансформации внутигруппового характера. От религии страха перед потусторонним и греховности мира прямой путь ведет к отрицанию Бога и активному богоборчеству. Этот

* Величина показателя обратно пропорциональна уровню утопичности

Степень выраженности религиозных комплексов
у различных народов и этнических групп

	верующих (%)	I комплекс	II комплекс	III комплекс
1. Узбеки	84	90	160	53
2. Литовцы	74	30	73	100.5
3. Украинцы	72	51	78	148
4. Грузины, армяне	64	18	82*	87**
5. Молдоване	51	78	71.5	167
6. Русские в республиках	40	49	66	65
7. Русские в России	35	46	42	65
8. Казахи	34	58	92.5	22.4
9. Москва	32	25	65	59
10. Сибирь	25	48	55	37
Средняя величина	47	48	70	81

Эти данные несколько уточняют описанные выше характеристики. Так, выявляется довольно высокая степень богоборчества узбеков и молдаван при столь же высокой выраженности почитания всемогущего Бога у первых и христианских добродетелей - у вторых. Бросается в глаза безрелигиозность населения Сибири.

Каждый из выделенных нами мировоззренческих комплексов включает целый ряд других характеристик, определяемых, прежде всего, спецификой ориентаций в вопросах жизни и смерти, посягательства и потустороннего. Эти базисные ориентации решающим образом сказываются на определении людьми своего места в мире и их взаимодействии с реальностью. В работе "Типология культур по критерию отношения к смерти"*** нами был сформулирован ряд теоретических положений относительно этой зависимости, и полученный в настоящем опросе эмпирический материал предоставляет удобную возможность подтвердить или опровергнуть их. Так, было высказано предположение, что предпочтение земного потустороннему и видение в потустороннем лишь некой абстрактной силы, обращенной на землю, влечет за собой преклонение, как писал В. Соловьев, "перед проявлением внешней силы, перед грубым фактом без какого-либо внутреннего идеального оправдания. Отсюда то равнодушие к истине, то уважение ко всякой искусной и успешной лжи, которым всегда отмечалась

путь был проделан Россией и частично среднеазиатскими народами. Вера в Бога-владыку легче эволюционирует в религиозный индифферентизм или в суеверия различного вида. Христианство как религия любви и милосердия - и это подтверждает опыт западной христианской культуры - в процессе секуляризации переходит в сочувственный атеизм с сохранением культурного и этического наследия.

Анализ демографических и социальных характеристик носителей этих трех комплексов-представлений показал, что в социально-статусном плане каждый из них включает свой интеллектуальный слой и социокультурный "низ". Так, в I комплексе более образованных и социально активных индивидов отличает ответ "борьба с суевериями", а ответы "наказание за грехи" и "рай, ад" чаще встречаются в малообразованной сельской среде. Во II комплексе интеллектуалы маркируются ответом "священные книги", низший же слой - ответом "не думал об этом". В III комплексе интеллектуалам принадлежат ответы "религиозное искусство" и "десять заповедей"; низ представлен ответами "ангел-хранитель" и "молитва".

Очень интересную картину дает рассмотрение в свете предложенной классификации некоторых национальных групп, представленных в опросе. Если выделить, какие ассоциации чаще всего упоминаются представителями разных народов, ясно видно, что русские и казахи являются единственными в стране чистыми носителями комплекса безбожия: у русских на первом месте среди ответов - "не думал", на втором - "бога нет"; у казахов, наоборот, ответ "бога нет" выходит на первое место.

Носителями христианского комплекса в различных сочетаниях с другими представлениями выступают молдоване (I место - "Христос", II - "наказание за грехи"), украинцы (I - "Христос", II - "всемогущество"), литовцы (I - "обряды", II - "всемогущество", III - "Христос").

Узбеки демонстрируют ярко выраженную склонность к религии страха перед потусторонним (I - "Мухаммед", II - "рай, ад", III - "наказание за грехи") в сочетании с культом всемогущего Бога (IV - "всемогущество").

Еще нагляднее эти тенденции иллюстрируются таблицей, представляющей для разных регионально-национальных общностей суммарные значения процентных долей тех или иных ответов в распределении по трем комплексам.

* Грузины - 100, армяне - 62.

** Грузины - 61, армяне - 82.

*** Синтаксис, Париж. 1989, № 26.

восточная половина человечества, за исключением евреев". Ценность истины, поиска нового, наконец, просто обычной честности и добросовестности в повседневных делах и отношениях, согласно этому взгляду, должна быть выше в III комплексе, наименее привязанном к земному.

Для проверки данного тезиса мы прибегли к суммации ответов носителей трех описанных комплексов на следующие вопросы:

1. Ответов "быть честными и порядочными" и "во всем стремиться к новому" в вопросе о том, какие качества наиболее важно воспитывать в детях.

2. Ответа "свободное искание истины" в вопросе о том, что такое наука и каково ее место в жизни людей и общества.

В результате были получены следующие величины: I комплекс - 82,6; II комплекс - 84,1; III комплекс - 88,2. Как и следовало ожидать, два первые комплекса, будучи ориентированы на земное, не сильно разнятся друг от друга в плане устремленности к истине. III же комплекс указывает на явную тенденцию к усилению ценности истины в связи с пессимистическим и трагическим восприятием земного.

Эта же тенденция подтверждается при суммировании трех других специфических в плане отношения к ближнему ответов на вопрос о качествах, которые следует воспитывать в детях.

1. "быть хитрей, не давать себя провести";

2. "не упускать своего";

3. "уметь ударить первым".

Ценность этих качеств равномерно снижается от I комплекса к III: 20,15; 18,5; 16,85.

Аналогичным образом подтвердилось и положение о том, что пессимистическое отношение к "здешнему" обуславливает интерес к "нездешнему", "потустороннему", "неизвестному", "чужому", а оптимистическая привязанность к земному рождает закрытость и враждебность по отношению к социально чужим - ксенофобию. Измерить эти качества мы попытались с помощью ответов на вопросы об отношении к поездкам на временную работу в капиталистические страны (бралась разность между одобрителем и неодобрителем отношением) и о том, какого начальника, своей или чужой национальности, предпочитает респондент. Полученный таким образом индекс отсутствия ксенофобии составил 5,8 - в I комплексе, 7,1 - во II и 13,7 - в III. Следует особо отметить при этом, что наиболее обостренной ксенофобией отличаются высокостатусные слои носителей двух первых комплексов - особенно ответившие на

вопрос о том, какие мысли связаны у них с мыслью о религии, - "священные книги" и "борьба с суевериями".

Пессимистическое отношение к смерти, согласно одной из теорем, сформулированных в упомянутой работе, порождает большую "посюстороннюю" активность. Применительно к рассматриваемым здесь комплексам это должно означать снижение жизненного активизма от полюса безбожия к полюсу Христа. Строго говоря, в терминах культурологии все три комплекса находятся в зоне пессимистического восприятия потустороннего, если сравнивать их, скажем, с мироощущением китайцев или индийцев. Однако степень этого пессимизма различна, варьируясь от полного отрицания продолжения жизни за гробом (I комплекс) через неподвластную человеку возможность такого продолжения (II комплекс) до ответственной, хотя и очень проблематичной борьбы за ее осуществление (III комплекс). "Посюстороннюю" активность наших респондентов мы измерили посредством вопросов относительно того, несет ли, по их мнению, человек ответственность за события, происходящие в стране, и за работу своего предприятия, а также вопросом о предпочтительности инициативного или исполнительного начальника. Полученные результаты (I комплекс - 133; II - 119,5; III - 109) хорошо согласуются с выдвинутой гипотезой.

Еще один теоретический постулат - прямая зависимость степени напряженности между оценками посюстороннего и потустороннего ("разность потенциалов")* и тенденции воспринимать мир не достигательно, а аскриптивно - не в плане конкретного и индивидуального рассмотрения партнеров по взаимодействию в соответствии с характером и результатами их деятельности, а как принадлежащих к той или иной социальной категории. В этом смысле, допустим, ответ "для меня это не важно" на вопрос: "Какого начальника на работе вы бы выбрали себе: члена КПСС или беспартийного?" означает отсутствие аскриптивной ориентации. Точно так же, признаком отсутствия таковой можно считать ответ "представителем рода людского" на вопрос о том, кем респондент осознает себя с гордостью. Третьим показателем слабой аскриптивности можно считать ответ "чужие доходы меня не интересуют" на вопрос о том, какие категории населения имеют незаслуженно много. Ответ этот, по нашему мнению, говорит не столько о

* Эта напряженность бывает наивысшей в случае явного предпочтения посюстороннего потустороннему (как, впрочем, и наоборот: вечного земному, что имеет место в культуре, например, Индии) и наименьшей там, где обе перспективы равно пессимистичны (западное христианство) или равно оптимистичны (Китай).

бескорыстии респондента, сколько именно об отказе мыслить в терминах той или иной групповой принадлежности, то есть аскриптивно. Суммарные показатели отсутствия аскриптивности выглядят следующим образом: I комплекс - 80,5; II - 83,5; III - 92,7, что подтверждает выдвинутые ранее теоретические предположения.

Наконец, с помощью наших данных можно проверить тезис о том, что, по мере ослабления веры в потустороннее, абстрактные представления о справедливости и истинности имеют тем меньшую ценность по сравнению с сиюминутной пользой и прагматической данностью момента. Для этой цели мы просуммировали число ответивших "приходилось поступать вопреки тому, что считаю правильным, справедливым, когда это было нужно для пользы дела" с ответившими "никогда так не поступаю" (последний ответ говорит не столько о честности респондента, сколько о его неспособности отнестись к себе критически и, следовательно, ответственно регулировать свое поведение, отпавляясь от вышеупомянутых абстрактных нормативов. Напротив, ответственное отношение к слову и истине измеряется для нас числом ответивших, что не существует закрытых для обсуждения в печати и других средствах информации тем. Эту величину мы вычитали из полученной выше суммы. Итог: I комплекс - 23,2; II - 19,4; III - 10,7.

Подтвердилась большая приверженность носителей христианского сознания абстрактным идеям справедливости и слову как средству выражения этих идей. Результатом пониженной способности к следованию абстрактной норме в двух первых комплексах является большая криминагенность их носителей. Суммарная величина ответов "приходилось находиться в местах заключения" составляет 2,2% в I комплексе, 1,9% во II и 0,7% - в III. Количество побывавших в заключении особенно велико (4,4% при среднем 2%) среди отвечающих "Бога нет" ("Если Бога нет, то все дозволено" - Достоевский).

***

Обобщим результаты проведенного анализа эмпирического материала:

1. В массе советских людей безверие преобладает над верой.

2. Достаточно заметны еще реликты прежней псевдорелигии - официального культа науки, государства, его державной миссии, значимость которых, однако, снижается.

3. Преобладает же, прежде всего, вера в собственный здравый смысл.

4. В целом можно говорить о безрелигиозности советского человека, вместе с тем - возможно, в ситуации общественного перелома - уповающего на духовный авторитет религии.

Но те или иные представления о Боге, состоянии веры или безверия, различных объектах веры - все это лишь отдельные факты, характеризующие определенные более или менее многочисленные группы населения страны в целом.

Эти группы взяты нами, однако, не из разных миров. Они сосуществуют. Это заставляет считать, что все частные факты как-то связаны между собой, за ними стоят какие-то "сквозные" факты, относящиеся ко всему населению в целом. Иначе говоря, частные факты - это лишь фрагменты какой-то общей картины.

Опираясь на приведенные материалы, рассмотрим некоторые черты религиозного сознания советского человека.

I. Пестрота сознания. Отправным фактом для ее констатации является преобладание смешанных представлений о Боге над любыми "чистыми" типами представлений. Смешанное представление означает, что в одном и том же индивидуальном сознании соединяются и совмещаются такие ассоциации или оценки, которые направляют человека в различные стороны. Например, что Бога нет и что он всемогущ. Первая ассоциация снижает авторитет религии в глазах человека, вторая же его повышает. Совместный итог обеих ассоциаций (обращаться ли к религии со своими вопросами?) оказывается противоречивым. Если каждая из ассоциаций по отдельности как-то ориентирует человека в отношении к религии, то совместно они его могут привести только в недоумение, лишить ориентации. Сознание при таком положении не в состоянии руководить человеческими действиями. Действия будут зависеть от подсознательных импульсов, испытываемых в данный момент чувств или от посторонних влияний на сознание, от внушений.

Это бесформенность или несформированность индивидуальных представлений, специфическая необразованность человека. Смешанные представления оказались широко распространенными (до 40%) и в отношении населения к науке. Например, наука расценивается одновременно как условие прогресса и как пустая говорильня.

Подобное же явление обнаружилось и при изучении политических предпочтений населения. Показателем следующий

факт. Деятельность А.Д. Сахарова, по данным позднейшего опроса, вполне одобряет 52% всего населения страны. Но среди тех, кто вполне одобряет деятельность И.К. Полозкова, 70% вполне одобряет и деятельность Сахарова. Вместо определенного политического выбора полученные ответы показали, в значительной степени, просто распространенность одобрительного настроения.

Приведенные примеры показывают, что пестрота свойственна не только религиозному сознанию советского человека. Показательно, что с различными вариациями это качество пестроты очень часто приписывается русскому национальному сознанию, а в последнее время и просто советскому человеку. Различные аспекты данного явления подчеркивают, в частности, следующие определения: "всепримирие идей" (Достоевский), "совмещение противоположностей" (Бердяев), "пестрая душа" (Бунин), "бездомное сознание" (Гершензон), "гомо сентименталист" (Кундера), "плюрализм в одной голове" (Коржавин).

2. Непосредственность сознания. В структуре религиозного сознания его непосредственность выражается в преобладании религиозных и антирелигиозных представлений над утилитарными и скептическими.

Религиозные и антирелигиозные ассоциации объединяет их безотносительность, абсолютный характер. Отношение к религии, признание или отвержение Бога ничем не опосредуется, не зависит от того, чем это оборачивается. Это отношение к религии как к цели, а не как к средству или преграде. Разница может быть лишь в том, какая это цель - объект уничтожения или стремления. Для непосредственного сознания весь мир - это царство целей, не связанных между собой и различаемых или как безусловное добро, или как безусловное зло. Ничего нейтрального, опосредующего, связующего или, напротив, разделяющего не признается. Ни средств, ни препятствий в этом мире нет, либо они игнорируются. Все само по себе, ко всему одинаковое - равнодушие и пристрастная оценка.

Непосредственность сознания коррелирует с его пестротой: каждая мысль "сама по себе" и каждый внешний объект сам по себе. Обе черты просто не оставляют места внешнему прагматизму и внутреннему здравому смыслу, рассудительности.

Непосредственность сознания - это, тем не менее, не столь универсальная черта, как пестрота. В частности, по нашим

данным, в отношении населения к науке преобладают не возвышенные и нигилистические, а прагматические и скептические представления. Все ли еще прав Честертон, определивший специфику русской нации в следующих словах: "нация эта обладает всеми человеческими талантами, за исключением здравого смысла"?

Непосредственность сознания проявляется также в том, что пристрастное одобрение или неодобрение предшествуют нейтральному пониманию, как и непониманию. Это приводит к слепой вере, "вере Авраама": согласие прежде понимания и не зависит от понимания, а потому "приказы не обсуждаются". Прежде поверь, согласишься, а уж потом пойми или не пойми. Кто не согласен - враг, кто же понимает и не согласен - враг худший, внутренний.

3. Негативизм сознания. В религиозном сознании он проявляется в преобладании антирелигиозных и скептических представлений о Боге над религиозными и утилитарными (см. табл. на с.225). Преобладание, как видим, совершенно незначительно. В отношении же к науке, по нашим данным, явно преобладают возвышенные и утилитарные, т.е. позитивные представления. Значительно чаще, как следует из других разделов данной книги, негативизм встречается в собственно человеческих отношениях. И это, пожалуй, единственная заведомо недетская черта советского человека.

Две из выделенных нами черт сознания - пестрота и непосредственность - характерны, собственно говоря, для ребенка. Они попросту изначальны для сознания, содержание которого еще не установилось и не укрепилось, представления не сложились и имеют сугубо локальный характер, осуществляемая ими внешняя ориентация несамостоятельна и неустойчива, производится в наглядных черно-белых оценках.

У ребенка, однако, изначально нет и не может быть третьей выделенной черты - негативизма сознания. Ведь само существование и выживание ребенка зависит от доброжелательной опеки со стороны взрослых, от чужой доброты и детского к ней доверия. Это наводит на мысль, что своеобразие сознания советского человека определяется парадоксальным способом его взросления, при котором сохраняются пестрота и непосредственность, и происходит только мгновенная замена в сознании позитива на негатив. Можно предположить, что именно негативное взросление - главная специфика нашей страны, механизм производства простого советского человека. Это "производство" начинается в детских домах, где педагоги насилуют

детей, и завершается в армии ("деловщина"). Все это - не какой-то разгул страстей, а хладнокровная инициация и продолжительное взросление.

И хотя негативное взросление в какой-то мере индивидуализирует, но оно не освобождает. На месте необходимости в благожелательной опеке появляется потребность в репрессивной власти как защите от негативизма окружающих - и своего собственного. Так сами простые советские люди, их личностные структуры становятся способом сохранения и воспроизводства социальных институтов нищеты, безграмотности и принуждения.

ОТ ПОКОЛЕНИЯ К ПОКОЛЕНИЮ

Говоря о распределении черт "советского человека" в различных слоях и группах общества, тем более - на переломе социального устройства, естественно задаться вопросом об устойчивости этих черт и связей между ними во времени, о преемственности нормативной базы общества данного типа. Иными словами, встает проблема репродукции нормативного костяка, определяющего структуру "человека советского", с сменой поколений советских людей.

Не углубляясь в специальное истолкование этой категории и сложившуюся здесь традицию (от работ Х. Ортеги-и-Гасета и К. Маннгейма до позднейшего фундаментального труда Ш. Н. Айзенштадта, чьим заглавием мы воспользовались для названия этой главы), отметим лишь одну важную для нас в данном случае черту "поколения". Мы имеем в виду тот особый исторический опыт, который получает молодежь в момент своего социального становления, личностной кристаллизации и осознания себя неким поведенческим и смысловым единством, - господствующие на тот период в тех или иных авторитетных группах, в основных институтах общества наборы ценностей, норм, стилей жизни, стандартов мышления и оценки. Особенно это проявляется в эпохи исторических разломов, социальных потрясений, резких перемен. Поэтому ведущее значение приобретает одновременность фазы становления молодежи с такого рода переломными событиями, "историческая приуроченность" стадии вхождения в самостоятельную жизнь.

Итак, в сознании и поведении поколения запечатлевается эпоха. Две трети опрошенных в нашем исследовании родились уже после войны. За исключением единиц - никто не видел другой жизни, чем при Советской власти. Это советские люди, по большей части - уже во втором и третьем поколении. В чисто операциональном порядке в рамках данной эмпирической работы межпоколенческую динамику можно проследи-

вать, выявляя, например, степень близости ценностных предпочтений и нормативных установок в "крайних" возрастно-поколенческих группах опрошенных - у "дедов" (респондентов старше 60 лет), "отцов" (тридцатилетних) и "детей" (тинейджеров). Логично проследить при этом и степень общности их происхождения, социального и культурного опыта - например, коммуникативного багажа, видя в соответствующих показателях рамки как возможного сходства поколений, так и расхождений между ними. Напомним, что "деды", родившиеся, по нашему определению, до 1929г., подростками вошли в период демонстрации побед советского строя; война же, со всеми принесенными ею бедствиями, осталась в массовом сознании "осевым событием" - пиком героического периода истории, кульминацией силы и единства державы. "Отцы" (родившиеся, по определению, в 50-х гг.) подростками встретили переход от слабых попыток реформировать сложившееся социальное устройство, выявившее свою тоталитарную сущность, моральную безосновность и экономическую малоэффективность, к распаду под личиной застоя. Наконец, "дети" (1970 года рождения и моложе) подростками встретили новую фазу попыток кардинальных реформ, столкнувшись с усилиями гальванизовать прежние устои, противоречиями и конфликтами ценностей и интересов, начинающими приоткрываться новыми перспективами.

Нормально протекающий процесс социальной коммуникации, в том числе - репродукция опыта и ядра культуры, подразумевает подтвержденную широкими кругами общества способность групп определенного возраста и статуса задавать образцы мышления, оценок и действия. Иначе говоря, процесс этот невозможен без исходной авторитетности определенных социальных и культурных групп в обществе, в частности, для более молодых, социализируемых его членов, равно как и без известного кредита базового взаимного доверия "наставников" и "восприимчивых", старших и младших. Напряженность и даже конфликтность этих отношений (и обеспечивающих их представлений) сигнализирует о сбое нормативно-заданного порядка включения новых поколений в социальную активность, предупреждая о вероятных изменениях в структуре основных социальных групп общества, подвигая его элит, смене оснований и оценок их авторитетности. Условия реализации подобных потенциалов и, соответственно, некатастрофического развития общества в полном объеме обсуждаться здесь, конечно, не могут: нам придется ограничиться предварительными соображениями и в этом случае.

Вместе с тем, в том, как взрослые и пожилые группы населения относятся к молодежи, кроется их установка вообще на возможные изменения общества, оценка вероятности и желательности этих перемен. В этом смысле, авторитарный догматизм и явная агрессивность в отстаивании прежних, "классически-советских" ценностей, с одной стороны, и заведомая недоброжелательность относительно молодежи, с другой, будь она засвидетельствована в достаточно широких масштабах, говорила бы не только о стойкости соответствующих идеологических стереотипов или "ретроградности" старших возрастных групп, но об известном сохранении принципиальных механизмов интеграции данного общества. А именно - традиционализирующих механизмов: идеологический проект "советского человека" претендовал на роль автохтонной традиции и в определенных условиях и рамках, до определенной степени и впрямь исполнял некоторое время эту роль. Речь, стало быть, идет о готовности общества, его различных групп к иным типам поведения, и не просто к другим содержательным нормам (смене кодекса), а к иным типам ориентации, иным ценностям, вообще к ценностно-ориентированному действию - самостоятельному выбору, индивидуальному риску, проблематичности и ответственности негарантированного повседневного существования.

МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

Противоречивость, двойственность самоопределений советских людей, о которой уже не раз говорилось в данной работе, начинается, быть может, с того, что у половины населения (по данным исследования "Советский человек") оба родителя - родом из деревни. Этим мы вовсе не хотим отослать к известному противопоставлению городской и фольклорной культур и списать конфликты самоопределения советского человека на столкновение деревенской традиционности с городским универсализмом, достижительностью, влиянием средств массовой коммуникации и т. д. В чистом виде эта дихотомия в наших условиях не работает.

Напротив, двойственна в советском контексте сама "деревенская" ментальность. Планомерное уничтожение традиционной культуры (включая те ее аспекты, которые были связаны с религией и церковью), особенно последовательное в деревне истребление наиболее активного, квалифицированного и работающего слоя, слабость (при контроле со стороны и центральной, и местной власти) каких бы то ни было альтернативных начал жизнеустройства, независимых смысловых источ-

ников привели к тому, что уровень удовлетворенности нынешними условиями существования на селе в целом выше городского. В то же время оценка социальной инициативы, готовности к самостоятельности, лидерский потенциал - ниже. Иначе говоря, степень укорененности среди сельского населения (более пожилого, к тому же, чем городское) собственно советских норм и стандартов поведения значительнее, чем в городе, особенно - крупном.

Но в городских условиях растет не только демонстрируемая готовность изменить жизнь и свобода от анти-достижительских советских стереотипов: повышается и недовольство нынешним уровнем жизни, низкая оценка собственных достижений и обретенного статуса тут гораздо распространенней. Причем это характерно не только для самих жителей, но и передается следующему поколению (перед нами, стало быть, не просто вынужденная адаптация, но своеобразная культура). Сравним соотношение долей готовых и не готовых завести собственное дело среди тех, чьи родители происходят из разных типов поселения: среди детей москвичей оно выглядит как 5 к 4, среди тех, чьи родители родом из крупного города - как 1:1, среди детей сельских жителей - как 1:2. Это что касается собственной готовности к достижительскому поведению. А вот как соотносятся оценки достижений других; сравним долю тех, кто так или иначе одобряют появление у нас в стране миллионеров, среди респондентов разного происхождения.

Происхождение респондентов	Появление собственных миллионеров в стране	
	одобряют	не одобряют
Дети москвичей	62	32
Дети жителей крупных городов	64	32
Дети жителей малых городов	57	42
Дети сельских жителей	42	52

Соответственно, разнятся у детей столичных и сельских жителей и установки относительно власти. Ответы на вопрос, "Приходилось ли Вам находиться под жестким руководством", распределились так:

- (1) Да, и для дела нужно подчиняться любому руководству
(2) Да, но всегда старался освободиться от него

	(1)	(2)
Дети москвичей	10	46
Дети жителей крупных городов	21	42
Дети жителей малых городов	20	34
Дети сельских жителей	23	31

После этих данных понятно, что дети сельских жителей куда чаще склонны оправдывать необходимость и для страны "сильной руки", властного руководителя (28%, у детей москвичей - 12%), тогда как среди потомков столичных жителей выше доля тех, кто считает сосредоточение государственной власти в одних руках недопустимым (57%, среди детей сельских жителей - 46%). Еще резче отличаются друг от друга культурные установки этих разных групп населения. Среди детей москвичей доля имеющих дома крупные (свыше 1000 книг) библиотеки в 7,75 раза превышает долю тех, у кого собственных книг нет вовсе, тогда как среди детей сельских жителей соотношение обратное: среди них доля не имеющих книг дома в 3,5 раза больше, чем тех, у кого собраны библиотеки более 1000 томов.

Между тем, распределение соответствующих установок в разных группах опрошенных по возрасту достаточно заметно разнится в соответствии с различиями в их происхождении: фаза особенно активной выработки и усвоения городских стандартов жизни вслед за "механической урбанизацией" 30-60-х годов пришлось у нас в стране на последние два с половиной десятилетия, почему в разной степени охватила различные возрастные группы:

Возраст опрошенных	Происхождение родителей				Затрудняюсь ответить
	Москва и Ленинград	крупные города	малые города	село	
До 20 лет	7	26	17	42	8
30-39 лет	4	20	24	45	7
старше 60 лет	2	10	16	63	9

Как видим, каждый третий из самых молодых респондентов - житель мегаполиса минимум во втором поколении, тогда как среди самых пожилых таков лишь каждый восьмой. Иначе говоря, концентрация образования, специализации, а значит и допуск соответствующих стандартов культуры и образа жизни в крупных городах не могли не идти своим "собственным" ходом, сколь бы велико ни было давление общих усредняющих принципов тотальной организации жизни.

По данным исследования "Культура" (май 1992 г., Россия, Украина, коренное население Эстонии и Литвы, Узбекистана и Таджикистана), родители 70% опрошенных родились в селе, тогда как среди них самих уроженцев села лишь половина, а 67% живут уже в городе; соответственно, образование до 9 классов было у родителей трех пятых из опрошенных, но лишь 37% имеют тот же уровень образования среди них самих, а

более трех пятых уже как минимум закончили среднюю школу.

А это значит, что претензия на исчерпывающее руководство глобальными социальными процессами со стороны идеологии и монопольной власти так и не стала всеобъемлющей реальностью. "Вечность", бывшая, мнилось, в распоряжении "победителей" (а так думалось отнюдь не только им!), оказалась на поверку не более чем человеческим "веком" - жизнью одного поколения. И показательней всего то, что наименее устойчивыми победившая идеология и ее антропологический коррелят - "советский человек" - проявили себя в узловых пунктах организации системы власти - крупных промышленных городах, в группах более образованных, подвергшихся более продолжительной и всесторонней индоктринации и, наконец, среди тех, кто всегда выступал для отечественной утопической идеологии надеждой и опорой - среди молодежи.

Далее мы покажем это на некоторых ключевых мировоззренческих моментах, определяющих менталитет советского человека. Здесь же возьмем лишь наиболее простой и, может быть, самый яркий пример - узловую фигуру новейшей истории, долгие десятилетия символизировавшую утвержденное идеологией первенство советского общественного строя и величие достигнутого целого - фигуру Ленина. За 1989-91 гг. ВЦИОМ не раз обращался к населению с разными по форме вопросами о престиже вождя революции, уровне его авторитетности: в декабре 1989 г. - исследование "Советский человек" - опрошенные вписывали его сами, называя десять самых выдающихся людей всех времен и народов (см. главу *Nomen est omen*); в августе 1990 г. - выделяли его в списке наиболее выдающихся политических деятелей XX века; в ноябре того же года жители России выражали уверенность, что его имя будет иметь значение и в XXI веке; в январе 1991 г. респонденты отмечали Ленина как самого выдающегося деятеля за всю историю СССР, в марте - опять-таки высказывали убеждение, что его имя среди деятелей России и Союза будут вспоминать и через десятки лет. Не настаивая на прямом и строгом сопоставлении, будем считать полученные данные своего рода индексом суммарной значимости главного символического авторитета и проследим за колебаниями этой значимости на протяжении динамических полутора лет жизни общества. Воспользуемся для этого двумя характеристиками аудитории - возрастом ("крайние" группы) и типом поселения (полюса сельско-городского континуума), принимая популярность

имени в каждой из описываемых групп на конец 1989 г. за единицу (цифры в скобках - % от соответствующей группы):

Время проведения опроса	В среднем по выборке	Возраст опрошенных			Место жительства	
		20 лет	30-39 лет	60 лет и старше	большие города	малые города и села
1989 декабрь	1 (68)	1 (73)	1 (74)	1 (62)	1 (50)	1 (73)
1990 август	0,73	0,75	0,59	0,85	0,7	0,93
ноябрь	0,62	0,47	0,51	0,82	0,64	0,85
1991 январь	0,57	0,48	0,57	0,68	0,52	0,6
март	0,54	0,42	0,43	0,79	0,28	0,67

Сплачивающая сила "ядерного символа", как видим, убывает во всех группах, но с разной "скоростью". Если в среднем по стране она сократилась за исследуемый период в 1,8 раза, то среди молодежи (для которой символ этот первоначально был значительнее, чем для прочих) - в 2,5 раза, а для жителей крупнейших городов - в 3,5 раза. Но еще более показательно, что межпоколенческий (как и межпоселенческий) размах вариации показателя заметно уступает колебаниям его по времени опроса: всего лишь за полтора года здесь - в любой группе - произошли перемены, несоизмеримые с многодесятилетними. Насильственно внедряемая политическая идеология, особенно ее "верхний", демонстративный слой, оказались весьма слабо укорененными в массовом сознании.

СВОЙ КРУГ - ГОСУДАРСТВО - ЧЕЛОВЕЧЕСТВО

Доля признающих себя с гордостью советскими людьми в целом не слишком заметно меняется с возрастом: если среди самых молодых так считает каждый пятый, то среди пожилых - каждый четвертый. Вместе с тем, свобода от диктата идеологической догмы у молодых существенно больше. Соответственно, мышление молодежи менее авторитарно, юные заметно реже рассчитывают на опеку свыше, справедливое распределение поровну на всех и скорее склонны идентифицировать себя либо с самым узким кругом "своих", либо с "родом человеческим" как таковым (в данном случае мы рассматриваем и эмоциональную идентификацию с ближайшим кружком выбранных самим тобою людей, и универалистскую принадлежность к человечеству как черты сознания, освобождающего от тотального поглощения патерналистским целым). Сравним, например, понимание двух ключевых задач, стоящих, по мнению респондентов, сегодня перед страной и концентрирующих уравнительно-популистский и либерально-демократический варианты развития:

Задача, стоящая перед страной

	Возраст респондентов		
	до 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
Установить подлинную справедливость без привилегий и льгот	18	28	33
Построить свободное демократическое общество	24	25	12

Не слишком различаясь (на конец 1989 г.) в самоотождествлении с "человеком советским", крайние поколенчески-возрастные группы заметно разнятся в причислении себя к традиционалистским, с одной стороны, и универсальным либо "интимным", эмоционально-окрашенным общностям, которые выбрал сам (культ дружбы), с другой:

Возраст опрошенных	Осознают себя с гордостью		
	верующим человеком	членом своего кружка	представителем рода человеческого
До 20 лет	5	12	14
30-39 лет	3	4	7
60 лет и старше	19	1	4

Конечно, перед нами свидетельство не открытого разлома ценностей и выбора противоположных ориентиров, но лишь тенденция к поляризации предпочтений и, в этом смысле, только линия возможного движения, развития. Но, с учетом данной тенденции, результаты позднейшего исследования (февраль 1991, опрос по России) кажутся логичными. При сравнительно одинаковой распространенности самоотождествления с Россией (на уровне трети в целом и по возрастным группам опрошенных) для молодых более характерно тяготение к ближайшему, эмоционально-обжитому кругу "места, где родился", для старших же - идентификация с государством, державой. "Родина" для исследуемых нами групп это:

Возраст опрошенных	СССР	Место, где родился
До 20 лет	17	56
30-39 лет	24	42
60 лет и старше	37	36

Соответственно распределяются и представления об "историческом выборе" страной своего пути: точку зрения тогдашнего президента Союза, что "страна выбрала в 1917 г. социализм и должна идти по этому пути", в феврале поддержали 3% самых молодых респондентов России и 20% пожилых. С мнением же, что "социализм доказал свою несостоятельность" согласились 39 и 19% в тех же группах. И то, что 52% пожи-

лых россиян еще и в 1991 г. считают необходимым любыми средствами препятствовать выходу тех или иных республик из состава имперского целого, на фоне предыдущих ответов, столь же понятно, как то, что 71% самых молодых жителей России, напротив, рекомендует предоставить республикам в этом вопросе свободу выбора.

ПОЛНОТА СУЩЕСТВОВАНИЯ

Возрастно-поколенческие различия политических ориентиров и идеологических пристрастий далеко не единственные (и в этом смысле, расхождения между исследуемыми когортами не просто ситуативны, связаны с данной фазой общественной динамики, но имеют более широкий смысл). Если обратиться к представлениям о сферах и символах наивысшей аутентичности существования, делающих жизнь полной и осмысленной, то расхождения между описываемыми группами складываются в соответствии примерно с теми же тенденциями, о которых мы уже говорили. В предпочтениях старших групп отчетливо проступают нормы поведения в больших, традиционалистских по типу, сообществах (тотально-государственном, религиозном), у молодых - внеофициальные и "внутренние" регулятивы - случай, собственная воля, игра; средневозрастные группы тяготеют к ценностям осмысленного труда, дружеской близости, праздника, который устроили себе сами. Сравним различия в предпочтениях праздников разного типа, сгруппировав ответы в соответствии с возрастной мерой позитивного отклонения от средней нормы по выборке, т.е. сначала - наиболее важные для молодежи, затем для зрелого и пожилого возраста.

Праздники, предпочитаемые больше других данной возрастной группой	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
<i>Молодежь</i>			
Новый год	84	73	79
День своего рождения	61	42	42
Дни, когда повезет	37	37	12
Дни, когда сам себе хозяин	11	9	3
<i>Люди зрелого возраста</i>			
Дни, когда удачно закончена большая работа	15	23	13
Дни, когда можно посидеть, выпить с друзьями	10	17	6

Праздники, предпочитаемые больше других данной возрастной группой	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
<i>Пожилые</i>			
День рождения близких	37	45	50
23 февраля. 9 мая	14	13	39
Церковные праздники	12	18	37
1 мая, 7 ноября. День Конституции	9	13	27

Отметим, что выявленные концентрации предпочтений сравнительно устойчивы во времени, подтверждаясь, например, ответами на позднее и по иному поставленные по этому поводу вопросы (январь 1991 г.). Вот как жестко в массовом сознании выстраивается по возрастным группам типовой и нормативный жизненный сценарий в ответах на вопрос: "Что делает Вашу жизнь полноценной и содержательной?", столь же отчетливо сегрегируясь и по полу (женщинам - семья, мужчинам - работа и т.д.).

Содержание, наполняющее жизнь прежде всего данной группы	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
<i>Молодежь</i>			
Друзья	62	30	9
Хобби	31	13	3
Спорт	24	9	1
Достаток	17	16	6
<i>Люди зрелого возраста</i>			
Семья	31	59	45
Работа	19	41	16
<i>Пожилые</i>			
Домашнее хозяйство	8	17	35
Религия	2	4	10

Отметим, что молодежь выделяется заведомым предпочтением ценностей достижения (в том числе - игрового, спортивного), самореализации и дружбы, заметно дистанцируясь от значимого самоосуществления в работе, домашних делах, религии. Представляется, что можно говорить о большей приверженности молодежи к принципам саморегуляции, игровым ориентирам в поведении, предпочтении эмоциональной привязанности к избранным тобою контактам - обязательным и предписанным социальным связям. Сам этот круг предпочтений вызывает со стороны более пожилых групп, опирающихся на принципы жестокой нормативной регуляции поведения,

регулятивы социальной уравнительности и т.п., серьезные напряжения и противодействие. За ними, как мы отчасти показали раньше, не просто "возрастной консерватизм", но тенденция к расхождению по социальным установкам, политическим ориентациям, жизненным принципам и опыту.

Как показывают данные более позднего исследования "Культура", к полюсу молодежных предпочтений стягиваются не только спорт и игра, дружба и эротика, но и "западные" по своей окраске ценности достижения и бизнеса, хорошего заработка и инструментального поведения (овладения техникой, в том числе - "техникой" человеческих отношений, общения). Соответственно, для молодых (особенно - в Прибалтике) характерно в целом позитивное отношение ко всему "гнезду значений", обобщенно помечаемых символом "Запад", выше и их коммуникативная активность, связанная с Западом - знание иностранных языков (13% среди самых молодых при 3% среди наиболее пожилых в России, соответственно - 32 и 3% в Балтии), положительная оценка западной культуры (56% среди наиболее молодых при 12% среди пожилых в России) и др. Минимум позитивного отношения к ценностям и символам "Запада" - пожилое население республик Средней Азии, где как раз демонстративно преобладают ценности семьи и дома, приверженность традиции, включая религиозную.

МЕЖПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Отмеченная ценностная дивергенция, естественно, переносится на межпоколенческие представления и оценки. Сравним некоторые качества, которые разные поколения выделяют у своих родителей как наиболее для себя значимые, вызывающие благодарность.

Качества родителей, значимые прежде всего для данной группы	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
<i>Молодежь</i>			
Материальная помощь	24	22	10
Свобода	13	7	6
Покой, защищенность	7	4	1
<i>Пожилые</i>			
Жизненный пример	26	36	50
Приобщение к вере в Бога	4	3	13

Сгруппируем по возрастным когортам и качества, которые респонденты считают прежде всего необходимым воспитывать в детях.

Качества детей, значимые прежде всего для данной группы	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
<i>Молодежь</i>			
Всегда быть самим собой	48	36	19
Быть счастливым	21	15	9
Не упускать своего	17	6	7
Быть хитрей других	8	5	3
Занять видное положение	8	3	2
<i>Пожилые</i>			
Быть честным, порядочным	57	70	72
Любить свой дом, родину	37	48	50
Быть экономным	17	19	40
Работать для общего блага	6	7	15
Не выделяться	8	6	14

Расхождение как с официально-вменяемыми качествами патриотизма, так и с неписанным кодексом самоограничения зависимых людей в списке приоритетов молодежи совершенно явственны. Но определенная двойственность, "дукавство" присутствует как в том, так и в другом перечне: наряду с ценностями аутентичности и самореализации у молодежи выделяются умение отстоять свое любыми средствами, у пожилых официальная "любовь к родине" соседствует с разночинной максимой "честности" ("Милый друг, я умираю от того, что был я честен", по словам хрестоматийного стихотворения Н. Добролюбова; не путать с аристократической в своем генезисе "порядочностью"; в наших условиях оба признака в массе ответов скорее всего означают обремененную скрытой виной тягу к разрыву с государственно-диктуемой двуличностью и - опять-таки, по здешним обстоятельствам - находят выход в демонстрируемом стремлении к скромной и трудовой, "незаметной", жизни). Выделим лишь два обстоятельства, важных для дальнейшего обсуждения: резкое снижение у молодых авторитетности родительского жизненного примера, во-первых, и тему материальной зависимости, стремления к автономности, как денежной, так и более широкой, социальной, во-вторых. Для прояснения этих пунктов воспользуемся данными специального исследования ВЦИОМ, посвященного проблемам молодежи (июль 1990 г.). Но прежде нам кажется полезным дать несколько цифр о самооценке своего статуса и уровня достижений разными поколениями. Общие данные о положении опрошенных на "общественной лестнице" ранее приводились; дадим их здесь в поколенчески-возрастном разрезе, условно сгруппировав сами "ступени" в три статусных

уровня - "низкий" (1-4 ступени), "средний" (5-7) и "высокий" (8-11). Соответственно, их средние значения по выборке: 48, 8% опрошенных в целом признали свое положение "низким", 43,2% - "средним" и 5,3% - "высоким".

Возраст опрошенных	Самооценка статуса		
	низкий	средний	высокий
До 20 лет	50	42	7
30-39 лет	50	43	3
60 лет и старше	49	39	8

Возрастные колебания оценок не слишком значительны: общество считает себя достаточно однородным по нищете. Но все же сравним отношение низкостатусных к высокостатусным в разных возрастных группах: у молодежи оно равняется 7,3 (оценивших свой статус как низкий в 7,3 раза больше, чем посчитавших его высоким), у средних возрастов - 15, 5, у пожилых - 5,9. Максимально ущемленными чувствуют себя люди самого активного возраста - тридцатилетние "отцы". Старшие несколько выше среднего оценивают свой статус, во-первых, за счет массовой интеллигенции и руководителей (чаще других причисляющих себя к средним), а во-вторых, в силу государственно-вмененных и так или иначе усвоенных стандартов "скромности" и "довольства". Самые младшие же, как видим, скорее завышают статус "отцов", возможно, в порядке компенсации, поскольку, как мы сейчас увидим, испытывают серьезные напряжения в связи с уровнем материальной обеспеченности родителей.

лицом к лицу

Некоторый свет на дефицит родительской авторитетности у молодежи проливают ответы молодых на вопрос, какими они хотели бы, в первую очередь, видеть своих родителей (июльский опрос 1990 г.; приводим пункты, вызвавшие наибольшие расхождения, 44,5% пожилых респондентов затруднились с ответом о качествах родителей):

Качества, которые хотели бы видеть у родителей	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
Внимательные к детям	41	31	11
Добрые, терпимые	40	32	14
Обеспеченные	40	33	11
Репителные	22	18	2
Независимые	18	21	2
Образованные	17	7	4
Трудолюбивые	11	26	17

В списке "встречных" ожиданий, которые общество предъявляет молодежи, одобряемые (и, видимо, расцениваемые как недостающие) качества молодых в оценках пожилых респондентов и самой молодежи резко поляризованы: если молодые респонденты относят к себе почти полностью те же требования, что и предъявляли к родителям, то пожилые респонденты, "перенесшие" сюда из прежнего списка лишь качества терпимости и трудолюбия, резко подчеркивают необходимые, по их мнению, молодежи черты "традиционного" советского человека: скромность, преданность родине, исполнительность. Сгруппируем свойства, сначала выше средней нормы по стране желанные для молодежи, затем - для пожилых респондентов.

Качества молодежи, которые хотели бы прежде всего видеть в данной группе	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
<i>Молодежь</i>			
Образованная	41	39	27
Физически крепкая	41	29	21
Способная обеспечить себя материально	34	21	23
Репитительная	26	15	10
<i>Пожилые</i>			
Трудолюбивые	38	63	84
Добрые, терпимые	19	30	38
Скромные	9	17	30
Преданные Родине	19	24	28
Исполнительные	3	9	11

Расхождение в ожиданиях настолько значительно, что можно с высокой степенью вероятности предвидеть взаимное недовольство молодых и пожилых респондентов как в обществе в целом (по поводу "нынешней молодежи"), так и в собственной семье опрашиваемых. Она, как мы сейчас увидим, в целом не стала укрытием от внешнего социального и идеологического давления, зоной иных, альтернативных навязанным и общепринятым образцов мысли и действия. Поскольку степень близости к "каноническим" установкам и оценкам их родителей, современников и участников "героического" периода послереволюционной истории - у пожилых респондентов, в силу их большего традиционализма, ближе, то неудивительно, что оценки семейного климата (отношений в родительской семье, когда респонденту было 16 лет) у молодых и более старших респондентов разнятся:

Отношения в родительской семье	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
Дружные	48	63	75
Не очень дружные	31	23	13
Враждебные	4	5	1

Заметно расходится для крайних возрастных групп и значимость родителей в качестве конфидентов: здесь поляризованы два типа людей, вызывающих доверие, - семья (во многом - отец) и школа, для более пожилых; мать и сверстники - для молодежи. Ответы на вопрос: "Кто понимал Вас лучше всего в то время, когда Вам было 16 лет?" распределились так (можно было отметить несколько позиций):

	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
Мать	53	55	70
Отец	27	34	46
Сверстники	40	22	18
Учителя	7	15	22
Сестра	11	11	18
Брат	10	8	18
Взрослые друзья	7	10	11
Никто	5	9	4

По данным исследования "Культура", молодежь сегодня стремится быть похожей прежде всего на героев книг и кинофильмов, в меньшей мере - на известных артистов и лишь затем - на родителей, тогда как наиболее пожилые группы в собственной юности хотели, как они признаются, походить прежде всего на родителей и чаще других хотят видеть своих детей похожими на себя. Причем на межпоколенческие различия наслаиваются и расхождения между желаемым и реальным; вот как они выглядят в России (в процентах к соответствующей возрастной группе):

	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
Хотели походить на родителей	15	14	32
Выросли похожими на родителей	12	31	40
Хотят видеть детей похожими на себя	27	32	37

На фоне этих данных не слишком удивительно, что 65% пожилых считают: молодежь сегодня часто враждебна к взрослым (среди молодежи так полагают 52%). Но не выглядит неожиданной и ответная реакция: 67% самых молодых согласны с тем, что молодежь сегодня часто испытывает враждебность со стороны взрослых (среди пожилых с этим мнением

согласны 39%). Латентная репрессивность в отношении своей "смены" с ее собственным кругом ценностей и образцов поведения оборачивается встречной настроенностью, если не прямой враждебностью; складывается синдром готовности к поруганию достоинства друг друга, презумпция его "оправданности". Вот как распределяются ответы на вопросы, не бывает ли иногда полезным выпороть ребенка и оправданным грубить старшему:

Возраст опрошенных	Выпороть ребенка иногда полезно		Резкость по отношению к старшему иногда оправдана	
	да	нет	да	нет
До 20 лет	17	69	28	48
35-50 лет	47	37	35	49
Старше 65 лет	44	43	12	78

Добавим, что среди 20-летних доля оправдывающих грубость старшим существенно выше, чем у всех иных групп, и превышает долю тех, кто в принципе не допускает такой возможности (у 20-24-летних соотношение выглядит как 43:35, у 25-29-летних - как 45:40). Александр Блок - прорицатель и свидетель самых крутых перемен в жизни России - часто повторял фразу Ибсена: "Юность - это возмездие". Глядя на приведенные цифры, кажется, что общество готовит его своими руками. Характерно, что молодежь ожидает увидеть в старости понимание и мудрость (такой ее видят 30% молодых людей, опрошенных в мае 1992 года и лишь 9% самых пожилых), а старшие встречают ее беспомощностью и болезнями (таково представление о старости 28% пожилых при 18% молодых).

С одной стороны, за враждебностью старших к молодежи скрывается, если обобщить предыдущие оценки и установки пожилых, подавляемое чувство своей нереализованности, ненужности другим собственного печального опыта терпения и выживания, а потому - неготовность к поколенческой смене, раздражение против "иного", непохожего и притязającego на автономность (в конечном счете - собственная невзрослость). С другой, нежелание молодежи этот исторический опыт итожить и изживать... Доля желающих уехать за рубеж среди молодежи вдвое выше средней по стране и достигает 30%.

СЕМЬЯ

Уже по данным о потенциальной репрессивности как к младшим, так и к старшим заметно, что в обеих группах оправдывающих агрессию лидируют на этот раз "отцы" - тридцатилетние. Дело, как представляется, не просто в том, что у

более молодых еще нет детей, а у старших они уже выросли. Этот фактор, конечно, значим, но важнее, думается, что для тридцатилетних - группы, по множеству других вопросов представляющей "среднюю норму" распространенности качеств "человка советского" - отношения с самоопределяющимися детьми наиболее проблематизированы, напряжены, поставлены под вопрос: здесь - и сейчас, на наших глазах - сталкиваются разные представления о человеке, ценном и неважном, должном и недопустимом. Сравним, как распределяются у "взрослых" (условно старше 30-ти лет) ответы на вопрос о частоте их конфликтов с детьми (внуками), а у "молодых" (условно же - до 30-ти лет) - с их родителями:

Возраст респондентов	Конфликты с детьми в семье бывают	
	ежедневно и достаточно часто	достаточно редко и практически никогда
30-39 лет	25	63
40-49 лет	16	75
50-54 года	17	81
55-59 лет	19	70
60 лет и старше	11	78
Конфликты с родителями бывают		
До 20 лет	37	62
20-24 года	25	74
25-29 лет	15	81
30-39 лет	11	81

Как видим, отнюдь не лидируя в частоте конфликтов с собственными родителями (хотя они чаще других называли отношения в родительской семье "враждебными"), тридцатилетние чаще других считают возможным нагрубить старшему и выпороть ребенка. Этот возраст - пик латентной агрессивности относительно других возрастных групп. На него, как можно полагать, приходится перелом в отношениях с социальной системой и соответствующим нормативным кодексом - конец противостояния и начало адаптации. Точней, речь, вероятно, должна была бы идти о конце общего для молодежи "возрастного" нонконформизма и переходе либо к осознанному отвержению и политической активности сорокалетних, либо к осознанному же принятию господствовавших многие годы стандартов поведения и оценки. Враждебность же в отношении как старших, так и младших выявляет этот внутренний конфликт, "сшибку" норм, если пользоваться выражением, введенным в широкий обиход Александром Беком в его романе "Новое значение".

Напротив, в сравнительной агрессивности тинейджеров можно скорей всего видеть обратную реакцию на окружающую враждебность - как родителей, так и чужих. В этом смысле понятно, что чаще других признаваясь (данные исследования "Советский человек") в нелюбви к одиночеству (37% при 23% у тридцатилетних), они же чаще других "хотят найти настоящего друга" (30% при 13% у тридцатилетних), но реже имеют "много близких и друзей" (39% при 48% у тридцатилетних). При этом они гораздо реже принимают одиночество как удел или желают его как отдыха.

Вместе с тем, именно для тинейджеров и родители, и старшие наиболее значимы. И в среднем лидируя по частоте конфликтов с родителями, они же - как группа - максимально привязаны к ним, ожидая их понимания и обсуждая важные для себя темы. Если около трети респондентов моложе 20-ти лет находятся в более или менее постоянных конфликтах с родителями, то примерно столько же активно обсуждают с ними социальную, религиозную и другую тематику, делая это гораздо чаще других возрастных групп. Вот как распределяются среди исследуемых нами поколенчески-возрастных когорт ответы на вопрос, о чем из перечисленного говорили с ними их родители, старшие в семье:

	Возраст опрошенных		
	До 20 лет	30-39 лет	60 лет и старше
О репрессиях, тюрьмах, ссылке	31	28	21
О реальном положении в экономике	35	23	9
О руководстве страной, вождях	33	30	19
Об эмиграции, выезде из страны	18	8	1
О сообщениях зарубежного радио	11	11	4
Об интимных отношениях, сексе	15	4	1
О Боге, вере, церкви	16	22	33

Иначе говоря, латентная агрессия большей части старших (от половины до двух третей) связана с кризисом авторитарного и запретительского сознания - не случайно пожилые лидируют среди тех, кто не допускает открытого обсуждения каких бы то ни было отклоняющихся от догмы тем, будь то полномочия КГБ или техника секса.

Другой аспект этого кризиса его, можно сказать, не агрессивная, а пассивная сторона - ощущение своей обманутости, оставленности и незащищенности государством у пожилых респондентов. Невнимание "самого справедливого общества в мире" к любой из входящих в него групп стало в последние годы очевидно и незрячему, но даже на этом фоне пожилые

еще обделенней других. Старое и постоянно стареющее, советское общество максимально равнодушно к старым. Это понимают, кстати, и все остальные возрастные группы. Вот как распределились ответы на вопрос "Кому в нашем обществе уделяется, по Вашему мнению, наименьшее внимание?":

Возраст опрошенных	Меньше всего общество внимательно		
	к детям	к молодежи	к пожилым людям
до 20 лет	31	45	58
30-39 лет	29	28	73
60 лет и старше	23	15	75

В более широком смысле можно говорить о "кризисе зависимости", пик остроты осознания которого - видимо, тридцатилетний возраст, когда соответствующие канонические для советского общества нормы и принципы резко проблематизированы собственными детьми или обобщенной "молодежью" и поставлены под вопрос в их перспективе либо с их учетом. Но ровно то же самое, полагаем мы, стоит и за агрессивностью молодежи, переживающей зависимость от системы и обособивающего ее догматического кодекса через зависимость от своих родителей и старших. Если для примерно двух третей-двух пятых молодых и старших эти проблемы неразрешимы и выражены в конфликтах и некоммуникабельности, то еще треть-две пятых как молодых, так и старших все же пробуют выяснить эти проблемы в ходе обсуждения, чтения, обдумывания самостоятельно, для них ищутся средства разрешения, снятия, переключения, символизации. Оба же "возрастных" кризиса, и пожилых, и зрелых - не возрастного и даже не семейно-ролевого, а общесоциального, как мы думаем, характера: они фиксируют процесс болезненного распада идеологического канона "Homo Sovieticus", образа жизни и социальных рамок, его поддерживающих.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ОПЫТ

Оценки, нормы и образцы поведения различных описываемых нами когорт формируются и усваиваются теперь уже - по крайней мере, последние пять лет - в отличающихся друг от друга социальных контекстах и средах, с опорой на разные информационные источники. Достаточно сказать, что в то время, как среди пожилых респондентов за годы "перестройки" участвовали в демонстрациях 5%, а читали некоммунистическую прессу 10%, среди молодежи - и прежде всего живущей в крупных городах - соответствующие показатели составляют 24 и 36% (всесоюзный опрос в январе 1991 г.).

Различны и каналы получения обобщенного опыта, в том числе информации о прошлом – крупных событиях и важных периодах жизни советского общества. Вот как распределились ответы о преимущественных каналах получения сведений:

Возраст опрошенных	Откуда знает о событиях			
	испытал сам (семья)	слышал от очевидцев	читал	не знает об этом
<i>о голоде 1929-33 гг.</i>				
До 20 лет	2	18	42	36
30-39 лет	4	28	47	23
60 лет и старше	49	25	15	11
<i>о репрессиях 1930-50 гг.</i>				
До 20 лет	2	27	59	14
30-39 лет	4	25	65	8
60 лет и старше	30	35	27	8*
<i>о событиях на фронте в 1941-45 гг.</i>				
До 20 лет	3	37	58	6
30-39 лет	4	45	53	2
60 лет и старше	49	39	13	1
<i>о лишениях в тылу в 1941-45 гг.</i>				
До 20 лет	3	27	52	20
30-39 лет	5	47	40	12
60 лет и старше	66	15	12	5
<i>о плене в 1941-45 гг.</i>				
До 20 лет	0	14	71	17
30-39 лет	1	21	63	16
60 лет и старше	7	53	25	14
<i>о преследованиях диссидентов</i>				
До 20 лет	1	6	23	70
30-39 лет	2	8	31	57
60 лет и старше	1	9	26	62
<i>о событиях 1956 г. в Венгрии</i>				
До 20 лет	1	8	17	73
30-39 лет	1	11	33	55
60 лет и старше	1	17	38	44
<i>о событиях в Чехословакии в 1968 г.</i>				
До 20 лет	1	10	15	72
30-39 лет	1	21	38	41
60 лет и старше	1	16	45	38
<i>о войне в Афганистане</i>				
До 20 лет	1	59	41	5
30-39 лет	3	47	51	4
60 лет и старше	3	35	59	7

* С учетом этих ответов стоит оценить распространенные в свое время после сделанных Хрушевым разоблачений реакции типа "мы ничего не знали". Если почти треть семей была напрямую затронута репрессиями, то трудно предположить, что эти факты были полностью засекречены уцелевшими членами этих семей от окружающих или остались для них незамечены.

Не комментируя таблицу во всех подробностях, отметим лишь несколько важных для нашей темы обстоятельств. Преобладающими источниками информации о "классическом" периоде советской истории – включая войну – для старших поколений являются собственный опыт и свидетельства очевидцев. Для более молодых – тинейджеров и тридцатилетних – прежде всего чтение; свидетельства очевидцев уступают ему по охвату самых молодых в два и более раз; для тридцатилетних этот разрыв меньше, а применительно к фронту и тылу во время войны распространенность этих различных источников заметно сближается.

Заметим, что при очень большой доле непосредственных участников событий среди пожилых респондентов, она сколько-нибудь приближается к доле тех очевидцев, от которых узнали об этих событиях молодые, лишь в свидетельствах о репрессиях и событиях на фронте во время войны, а в свидетельствах о массовом голоде и тыловых лишениях собственные свидетельства переживших эти испытания для молодежи менее значимы, чем печатные источники. Говоря иначе, семья и межличностная коммуникация, насколько можно судить, в целом не стали альтернативным каналом передачи социального опыта в условиях тотального государственного контроля над средствами массовой коммуникации: все же источником знаний о прошлом для подавляющей части общества остаются именно эти подконтрольные государству каналы, они до последних лет формировали массовое "историческое сознание". Особенно видно это по событиям 50-70-х годов – преследованиям диссидентов, венгерским и чехословацким событиям. Здесь печатные источники – ведущий канал информации для всех возрастных групп, и практическое отсутствие на протяжении десятилетий каких бы то ни было сведений об этих событиях в открытой прессе, кроме оперативных официальных сообщений, ведет к преобладанию ничего не знающих об этих периодах и сторонах сравнительно близкого прошлого. Но характерно, что молодежь несколько дистанцируется от печатной информации об афганской войне (хотя в печати, казалось бы, торжествует гласность!), предпочитая свидетельства непосредственных очевидцев, близких по возрасту, тогда как пожилые и здесь, как применительно к событиям 50-70-х гг., предпочитают печатные каналы. Говоря по-другому, свидетельствам старших молодежь зачастую предпочитает печатную информацию о прошлом, но ей, в свою очередь, предпочтет информацию сверстников о нынешнем. Старшие же применительно к прошлому предпочтут свой опыт, а отно-

сительно недавних событий - печатную информацию. Одни группы для других, как видим, недостаточно авторитетны, о чем - на другом материале - уже говорилось ранее.

МОЛОДЕЖЬ КАК ПРОБЛЕМА

Отмеченные расхождения во взаимных представлениях и оценках младшего и старших поколений резюмируются в трактовке этими разными поколенческими когортами "молодежной проблемы". В принципе, появление в сфере общественного мнения молодежных проблем, самой проблемы молодежи как особой субкультуры сигнализирует о сломе жесткой социальной иерархии и однозначных границ между социальными ролями, местами в социальной иерархии, почему в таких случаях и обостряется понятие границы, перехода, которое проблематизируется, подчеркивается, становится предельно значимым. Однако в нашем случае о подобных процессах применительно к молодежи можно говорить лишь с большой долей условности.

Речь у нас идет не о потенциальных конкурентах за социальные места или альтернативных образах мира, а о неразрешенных проблемах самого "взрослого" общества, в котором подавлены начала независимости и стимулы динамики, отсутствуют значимые образцы самостоятельного поведения. Чувство собственной пустоты, неавторитетности и бессилия, - вот что зачастую питает подозрительность и агрессивность взрослых в отношении молодежи, заставляет по-патерналистски ставить государственный вопрос о "нынешней молодежи", вырабатывая средствами официальных организаций "молодежную политику". Точно писал об этом Мераб Мамардашвили: "... "проблема молодежи" есть, в действительности, проблема общества, как оно сложилось в послевоенный период, т.е. проблема взрослых. Проблема их инфантильности". И еще: "Мы ждем от молодежи зеркального отображения самих себя. Мы желаем, чтобы молодежь, например, занимаясь принудительным, назначенным трудом или добродетельно сидя за поучительными книжками..., подтверждала бы нам то представление, которое мы имеем о самих себе, о своих возможностях. Но сами-то мы ходим на помочах, ждем инструкций, указок, ничего не знаем о себе, потому что о себе мы можем узнать только на ответственном поле деятельности, где к человеку возвращаются последствия его действий и поступков". 1)

Сравним понимание "молодежной проблемы" группами самых молодых и самых пожилых респондентов - до 20-ти и

старше 60-ти лет (данные исследования ВЦИОМ в июле 1990 г.). Приводим наиболее значимые для обеих когорт характеристики с указанием, сколько процентов выбрали их из списка (можно было отметить несколько пунктов):

Что чаще всего имеют в виду, говоря о "молодежной проблеме."

Молодежь

1. Падение нравственности, рост наркомании, насилия среди молодежи	52
2. Невозможность для молодежи заработать себе на жизнь	40
3. Невозможность для молодежи жить как хочется	35
4. Отсутствие идеалов у молодежи	33
5. Правовая незащищенность молодежи	28
6. Равнодушие молодежи к проблемам общества	16

Пожилые

1. Падение нравственности, рост наркомании, насилия среди молодежи	65
2. Отсутствие идеалов у молодежи	50
3. Равнодушие молодежи к проблемам общества	32
4. Невозможность для молодежи заработать себе на жизнь	19
5. Невозможность для молодежи жить как хочется	15
6. Правовая незащищенность молодежи	10

Расхождение "приоритетов" очевидное. И если у молодежи нельзя не отметить известной самокритичности, равно как и явственной задетости, обиды, то в реакциях старшего поколения виден недвусмысленный "обвинительный уклон". Еще выпуклее он в ответах на серию вопросов о качествах нынешней молодежи сравнительно с прежней и будущей: молодые здесь, сохраняя уже упомянутый критицизм в отношении самих себя, все же предпочитают уклониться от ответа на "лобовую" ценностную провокацию, старшие же настолько раздражены, что не замечают исследовательской "наживки", - для многих из них жизнь - это постоянное ухудшение, и раньше было всегда лучше, а завтра - заведомо будет хуже (данные о воздержавшихся от ответа не приводятся):

Возрастные группы опрошенных	Нынешняя молодежь в сравнении с молодежью	
	30-х гг.	
	лучше	хуже
Молодежь	20	19
Пожилые	13	61
	60-х гг.	
Молодежь	24	18
Пожилые	11	53

* Мамардашвили М. Как я понимаю философию. М., 1990. с.172-173, 62.

Возрастные группы опрошенных	В нынешней молодежи	
	больше хорошего	больше дурного
Молодежь	30	8
Пожилые	12	53
А через 10-20 лет молодежь будет:		
	лучше	хуже
Молодежь	34	9
Пожилые	18	20

Как видим, от пушкинского приветствия: "Здравствуй, племя младое, незнакомое" описанные настроения и оценки куда как далеки.

НОМО SOVIETICUS И ПОСЛЕ

Подытоживая изложенное, ограничимся четырьмя соображениями.

1. Совокупность нормативных характеристик, объединенных в директивном образе "советского человека", по нашим наблюдениям, сдвигается к социальной (в данном случае, возрастной, но и образовательной, сельской и т.п.) "периферии", наиболее прочно на нынешний момент задержавшись в самых старших возрастных группах ("дедов"), переживая острый конфликт и кризис распада у взрослых ("отцов") и все заметнее отторгаясь молодежью ("детьми"). Это относится к нормам, характеризующим отношение к труду и вознаграждению, власти и иерархии, социальному целому и обосновывающей его идеологической догме. Как бы этому ни противились "бюстостилители порядка", меняется среда, контекст, в которой формируются взгляды и образцы поведения молодежи (общение, информация, досуг и т.д.).

2. Выражением этого процесса в интересовавшем нас аспекте выступает конфликт между младшим и старшим поколениями - "детьми" и "дедами", "детьми" и "отцами", в меньшей мере - между "отцами" и "дедами". Он локализуется в семье и обнаруживается в "большом" обществе, выявляясь как столкновение ценностно-нормативных стандартов, расхождение взаимных ожиданий, потенциальная враждебность, разрыв нормальной коммуникации и взаимопонимания. Проекция этого конфликта - может быть, имеющего для нашей страны в контексте "подавленной" или "деформированной модернизации" более общий социально-исторический смысл - можно видеть в нынешней системе образования, в армии. Он, как нам представляется, не только и не столько возрастной,

сколько общесоциальный, коренящийся в самой природе исследуемого - ограничим наши рамки советским - социального целого.

3. А это значит, что, вопреки устойчиво-традиционалистской структуре данного целого, с одной стороны, и государственной монополии на информацию и воспитание новых поколений, с другой, система и ее ведомства не смогли воспроизвести во времени ни нормативную базу данного общества, ни реализующую ее социальную структуру. Совокупность ядерных для данного общественного устройства значений, персонафицированная в образе "человека советского", распадается и уходит из функциональных центров общества, из групп, в принципе способных задавать обществу поведенческие образцы и определять реализующие их структуры. Поскольку она не передана от одного поколения никакому другому, то лишь в очень условном смысле слова вообще может считаться "культурой". То, что эти значения оказались непривлекательными и неубедительными для более молодых поколений, несмотря на деятельность гигантской пропагандистской и воспитательной машины, собственно, и означает, что данные "образцовые" группы - культурно-созидательные и транслирующие - были в обществе описываемого типа подавлены и оттеснены. Поэтому авторитетные по содержанию и обобщенные по форме образцы мысли и действия не вошли в образ жизни референтных для более широких кругов населения групп, не воплотились в деятельности ведущих социальных институтов, и структуре культурных подсистем. Говоря короче, власть не просто оказалась неспособной взрастить, но напрямую уничтожила элиту. "Борьба против культуры" и групп, определяющих ее динамику, о фундаментальном значении которой для новейшей русской истории "имперского периода" не раз говорили отечественные мыслители (например, Бердяев), и на сей раз, в ходе советского исторического эксперимента, привела к краху, с одной стороны, лишив власть какой бы то ни было культурной легитимности, с другой - разительно понизив уровень общества, его моральных и трудовых навыков, стандартов первичной социальности и даже простой социальности. Ставка на снижение способностей и запросов, "равенство в рабстве" (выражение Токвиля) и привязанность зависимых оказалась проигрышной для всех.

4. Процесс отторжения от навязываемых долгие десятилетия норм и оценок, их распад представляется очевидным, по крайней мере - у молодых поколений. Сложнее ответ на вопрос, что же реально определяет сегодня и на перспективу их

поведение в различных сферах жизни, каковы их ориентиры, сплачивающие символы, принятые авторитеты. Некоторые тенденции в этой связи - развитие достиженческой мотивации, с одной стороны, и тяготение к лудизации жизни, с другой, - были намечены. Но, разумеется, они не покрывают всех значимых сфер существования, не исчерпывают сложной структуры разноуровневых мотивов, характеризующей цивилизованное поведение в современном развитом обществе. Во многом для общества все еще остаются нерешенными проблемы социальной организации и культурной значимости всей системы стимулов и вознаграждений личного достижения. А это значит - проблемы выдвижения и признания элиты, точнее - различных функциональных элит, их места в обществе, влияния для других групп и слоев и т.д. Так или иначе, решаться эти вопросы будут только в конкретной жизненной практике, видимо, на протяжении многих лет. Фиксация и анализ принимаемых здесь обществом решений, оценки их последствий для разных групп - задача будущих эмпирических исследований.

ПОДВОДЯ ПЕРВЫЕ ИТОГИ

За время, прошедшее после проведения полевой стадии исследования "Советский человек", произошли глубочайшие потрясения, затронувшие основы государственного, политического, социально-экономического, этнического существования и идентификации человека советского, "советская" символика и терминология устранены из официального обихода, в этих условиях неизбежно возникает вопрос о самом смысле изучения таких феноменов как "советское общество", "советское массовое сознание", "советский человек".

Представляется, однако, что смена государственных структур и, тем более, "вывесок", не ликвидирует основ существования советского человека - как социально-психологических, так и социально-экономических. Выращенный, подобранный, поставленный советской системой в соответствующую социокультурную нишу, человек постсоветского общества надолго останется "советским" и будет находить подходящие условия для своего существования в тени распределительной экономики и номенклатурной системы циркуляции кадров.

В различных разделах настоящего исследования мы сталкивались с фундаментальной особенностью человека советского - его двойственностью. Он с неожиданной легкостью и даже готовностью, безо всякого заметного сопротивления принял крушение политических и идеологических рамок своего существования, т.е. крах советской системы. Эту легкость, по-видимому, можно объяснить только тем, что упомянутые рамки принимались им преимущественно демонстративно, как элемент "игры" с властью на выживание. Но не было ли только демонстративным и само отвержение "советских" рамок? Легкость крутых перемен всегда подозрительна. После развала советской системы на поверхность вышел не сказочный богатырь, а человек, готовый приспосабливаться, чтобы

выжить. Готовый декларировать свою приверженность демократии из отвращения к старой системе власти, но никак не приспособленной к демократическим институтам (да и не имеющий их). Готовый - так это было до недавнего времени - следовать в моменты эмоционального подъема за новыми лидерами в надежде на то, что они окажутся вождями, отцами и спасителями народа. (А потому, кстати, склонный довольно быстро от этих лидеров отворачиваться, если они таких надежд не оправдывают.) Готовый демонстрировать предпочтение рынку и приватизации, но лишь в малой степени приспособленный к самостоятельному экономическому поведению, и т.д. Из этой двойственности соткан сегодня мир человека советского, как внешний, так и внутренний.

Мы можем подвести лишь некоторые предварительные итоги исследования "Советский человек", потому что в рамках настоящей книги (и в пределах того времени, которым располагали исследователи) нам удалось проанализировать только часть обширного полученного материала. Дальнейшего и более глубокого анализа требуют типы соотношений между рядом выявленных признаков. Но и само исследование мы считаем только одним из первых шагов в обстоятельном изучении социально-антропологических аспектов тех потрясений и трансформаций, которые переживает в настоящее время советское общество.

Кроме того, в момент проведения настоящего исследования, в конце 1989 года далеко не все процессы и последствия происходящих изменений были достаточно видны, в том числе и исследователям (не говоря уже, разумеется, об участниках и инициаторах). Сегодня вышли на поверхность и стали предметом всеобщего внимания некоторые важные тенденции - например, связанные с национальной идентификацией - которые были слабо заметны два года назад. За это довольно короткое время советское общество, по-видимому, прошло высшую точку "первоначальной" политизации, пережило несколько фаз увлечений и разочарований в политических лидерах и течениях, в том числе демократических, приобрело новый "опыт" массовой усталости и апатии, попыток повернуть течение событий в старое русло и т.д. Можно сказать, что все это, с сугубо исследовательской точки зрения, означает продолжение социально-исторического "эксперимента" над человеческим материалом, о котором упоминалось в начале книги.

Суммируя наблюдения и размышления, изложенные в различных главах настоящей книги, мы полагаем, что проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы о

современном состоянии этого "материала", т.е. человека советского к началу 90-х годов XX века, в первый период посткоммунистического или посттоталитарного развития общества.

Советское общество не создало какой-то особый тип человека, но сформировало специфическое распределение человеческих типов, придав доминирующее значение фигуре человека обособленного (по отношению к цивилизованным, "европейским" стандартам). Это не тип "зверя" или "ангела", но тип человека с амбивалентными, "двоесмысленными" критериями ценностей. В современных условиях - глубоко фрустрированного, расколотого, неспособного ни эффективно приспособляться к условиям собственного бытия, ни изменять их. Признавая - по всей видимости - необходимость радикального разрыва с привычным "советским" образом жизни, он весьма плохо умеет это делать, опасается неизвестных и непредвиденных последствий перемен в экономике и политике.

Это противоречие характеризует одну из важнейших на сегодняшний день линий разлома в структуре ценностей и ориентаций современного человека советского: между ориентациями ценностными и инструментальными.

Отметим некоторые другие локусы подобных разрывов. Прекращение противостояния "своего" мира и "западного", по всем данным, значительное большинство признает и приветствует, как признает и растущие связи разного рода (обмены, помощь, возможности выезда на заработки и эмиграции и пр.). Но на первый план при этом выступает примитивно-потребительское ожидание "западного чуда", а не готовность пройти трудный путь активизации собственного человеческого потенциала (хотя бы по примеру "новых индустриальных" стран Востока, знаменитых "малых драконов"). Это относится и к распространенным в стране эмигрантским настроениям. Кстати, поэтому трудности и неудачи выхода на путь развития немалая часть населения готова объяснять недостаточной помощью или даже зловерными рекомендациями из-за рубежа. Отсюда рецидивы изоляционизма и даже агрессивности. (Все это неплохо видно и в других вчерашних "социалистических" странах, например, в бывшей ГДР; что, кстати, свидетельствует в пользу социально-исторических, а не культурно-генетических корней советского изоляционизма).

Распад привычного "объекта" патерналистских ориентаций, даже агрессивное отторжение его осевой, партийно-государственной, структуры (в период проведения нашего исследования эта тенденция едва намечалась), - не отменяет самих

патерналистских установок и ожиданий, т.е. установок на "заботу" некоего всемогущего патрона-государства о своих подданных.

Ослабление тоталитарно-государственного контроля и прямого насилия над обществом не только не приводит к уменьшению насилия в обществе, но, напротив, как будто стимулирует неистовый взрыв насилия и жестокости (в межчеловеческих и межнациональных отношениях, в армии и пр.). Не обязательно насилия по прямому "приказу", но почти всегда вследствие государственно-организованной системы жестокости в отношении человека.

Данные нашего исследования подтверждают существование заметного разрыва в интересах между молодыми и более взрослыми - грубо говоря, между "двадцатилетними" и "сорокалетними" (и более старшими) возрастными группами. Молодежь, особенно в России, придерживаясь, в общем, наиболее радикальных позиций в принципиальных вопросах (приватизации, отношений с Западом) остается до известной степени отрешенной и от социально-политической деятельности, и от общественных интересов. Представляется очевидным, что именно от выхода на общественную сцену "молчалих" пока поколений зависят и характер и судьбы "посткоммунистического" развития общества и человека.

На первых этапах социально-политического перелома в советском обществе огромную роль сыграли средства массовой информации, газеты и телевидение (так называемая "радикальная" пресса), влиянию которых активная часть общества охотно подчинялась задолго до появления массовых демонстраций, забастовок, а позже и политических движений и партий. В 1991-1992 годах происходило заметное снижение интереса к прессе, кроме того, в "радикальной" журналистской среде нарастают такие же противоречия и размежевания, как во всем демократическом лагере. Одновременно, хотя пока и без особых успехов, активизируются консервативные mediae разного типа. В известном смысле такого рода процессы тоже создают экспериментальную ситуацию: испытывается возможность отделить поверхностные изменения в стереотипах массового сознания, порождаемые тоном и информацией "радикальных" media, и более фундаментальными трансформациями установок, ценностей общества. Достаточно серьезные данные и соображения говорят о том, что социально-исторический перелом давно вышел за пределы внешних, "газетных" ориентиров и, в частности, поэтому не может быть полностью управляемым и повернутым вспять.

Дело не только в том, что сломана замкнутость, "закрытость" общества. Старая "советская" элита утратила способность контролировать иерархию власти и информации, а значит и задавать обществу человеческий образец. Никакая ее часть - даже самая "обновленная" и "новомыслящая" - не способна осуществить плановую, разумно взвешенную перестройку общества. И точно так же никакая сила не может остановить лавинообразно нарастающий слом социальных институтов и человеческих образцов, сформированных в уходящую эпоху.

Значительно труднее, чем слом, при более сильном внешнем и внутреннем сопротивлении, происходит формирование новых, а точнее - хорошо известных человеческой цивилизации - стандартов и ценностей человека.

За время, прошедшее после полевой стадии программы "Советский человек", т.е. с конца 1989 года, коллектив исследователей, подготовивший эту книгу, провел с помощью сети ВЦИОМ несколько зондажей разного масштаба, ориентированных на изучение принципиальных изменений в корпусе установок и оценок советских людей и тем самым позволяющих получить более широкую эмпирическую базу и более строгие теоретические рамки для анализа того же круга проблем.

Таково, например, исследование "Бюрократия" (осень 1990 г.), позволившее выявить существенные особенности человека бюрократического как структурной опоры советского строя.

Несколько исследовательских программ было посвящено проблемам национальной идентификации и межнациональных установок в современном массовом сознании. Две из них специально рассматривали вопросы самосознания и положения русского населения в нерусской среде. В специальном репрезентативном исследовании были получены данные об установках в отношении евреев, распространенности негативных и положительных этнических стереотипов*.

Одна из работ коллектива (1991 г.) была связана с оценкой современным массовым сознанием личности и деятельности академика А.Д.Сахарова, а также проблем прав человека, движения диссидентов, представлениям о путях развития страны. Весной 1992 г. ВЦИОМ осуществил крупное исследование по проблемам функционирования культуры и изменений в нормативно-ценностных структурах общества (результаты этого исследования предполагается издать).

* См.: Вестник Еврейского университета в Москве, 1992, №1, с. 6 - 41.

В рамках соответствующих программ исследовались также массовое историческое сознание (в частности, оценки событий и деятелей 1917 года), отношение к армии и положению внутри нее, роль средств массовой информации в формировании политического сознания. Некоторые из названных исследований проведены при поддержке зарубежных институтов.

Предполагается, что массовый опрос по программе "Советский человек" - возможно, с некоторыми изменениями - будет проводиться каждые пять лет.

Авторский коллектив настоящей книги надеется, что замечания и советы коллег помогут углубить и уточнить дальнейший анализ сложных процессов трансформации человека и общества в геополитических структурах, развивающихся на месте СССР.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Опрос "Советский человек" проведен в ноябре 1989 года. Всего было опрошено 2696 человек на территории 6 областей Российской Федерации, 4 областей Украины, 3 областей Казахстана, а также в Литве, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджане и Узбекистане. Выборка исследования репрезентирует население Советского Союза и республик по полу, возрасту, образованию и сфере занятости.

Среди опрошенных - 46 процентов мужчин и 54 процента женщин; 18 процентов в возрасте от 16 до 24 лет, 34 процентов - в возрасте 25-39 лет, 35 процентов - в возрасте 40-59 лет и 13 процентов - 60 лет и старше. 20 процентов опрошенных имели высшее и незаконченное высшее образование, 53 процента - среднее и 27 процентов - образование ниже среднего.

Как показывают контрольные процедуры, выборка исследования представлятельна также по другим социально-демографическим характеристикам: характеру занятости, уровню доходов, семейному статусу и т.п.

Отбор респондентов в опросе проводился на основе всесоюзной территориально-трехступенчатой районированной гнездовой случайной выборки. При построении выборки ВЦИОМ на территории Советского Союза выделяется 36 региональных зон. На первой ступени выборки в соответствии с задачами исследования были подготовлены условия для проведения полевых работ в 19 региональных центрах на территории 9 союзных республик, на второй ступени отобран 41 населенный пункт в территориальных зонах, приписанных к этим центрам. На третьей ступени выбирались респонденты среди жителей отобранных населенных пунктов.

На первой и второй ступени использованы процедуры контролируемого случайного отбора: на первой - простого, а на второй - с вероятностью, пропорциональной размеру населенных пунктов. На третьей ступени использована процедура контролируемого систематического отбора респондентов из картотек адресных бюро, избирательных списков и похозяйственных книг.

Проектирование первых двух ступеней выполнено на основе данных о численности населения и структуре расселения в территориальных зонах региональных отделений, а последний - на основе данных о половозрастной структуре населения в этих зонах.

Общий объем выборки распределяется между регионами пропорционально доле жителей региона в общей численности населения отобранных регионов.

Число респондентов, приходящееся на каждое региональное отделение, делится между городским и сельским населением пропорционально их доле в регионе.

На следующем шаге число респондентов, приходящееся на долю городского населения в регионе, подразделялось в зависимости от размеров городских населенных пунктов и их административного статуса, на 16 республиканских и областных центров и 11 периферийных городов. Население этих типов городов попало в выборку пропорционально его представительности в регионе. В целом 4 процента от выборочной совокупности были опрошены в Москве, 13 процентов - в столицах союзных республик, 15 процентов - в областных городах, 33 процента - в малых городах и 35 процентов - на селе.

После этого отдельно для городского и отдельно для сельского населения определялись контролируемые параметры половозрастной структуры населения, в соответствии с которыми осуществлялся контролируемый систематический отбор адресов респондентов на последней ступени выборки.

В региональных отделениях по каждой точке опроса из банка респондентов, формируемого с использованием процедуры предварительного систематического отбора адресов из картотек адресного бюро, списков избирателей и похозяйственных книг, отбирались адреса подлежащих опросу респондентов в количестве, на 50% превышающем количество выданных анкет, с тем, чтобы

опросить необходимое количество человек при прогнозируемой недостижимости в 40% - 45%.

После отбора адресов и проверки наполненности квот по контролируемым параметрам адреса были выданы интервьюерам для опроса респондентов по месту жительства. При этом предусматривалось посещение респондентов до получения заполненной анкеты или свидетельства о невозможности опросить данного респондента.

Опрос проводился интервьюерами региональных отделений ВЦИОМ, имеющими опыт анкетирования и интервьюирования, по домашним адресам респондентов методом самозаполнения. Респондент в присутствии интервьюера прочитывал вопросы анкеты и обводил кружком номер выбираемого им варианта ответа либо вписывал свой ответ. В отдельных случаях респонденты опрашивались методом интервью, т.е. интервьюер зачитывал вопросы и предлагал варианты ответов, после чего отмечал выбранную респондентом позицию. Интервью проводилось в тех случаях, когда респондент затруднялся заполнить анкету в связи с плохим зрением или трудностями прочтения текста.

После заполнения интервьюер в присутствии респондента просматривал анкету и при наличии пропущенных ответов просил респондента вновь вернуться к вопросу. Интервьюерам запрещалось оставлять анкеты респондентам для заполнения в их отсутствие интервьюера, также запрещалось заполнять анкету с помощью родственников или друзей респондента.

Анкета содержала 121 вопрос (среди них 3 открытых) и 963 кодовых позиции, в том числе 23 вопроса о так называемых "объективных" характеристиках респондента, таких как пол, возраст, место проживания и т.п. Объем анкеты - 44 страницы машинописного текста. 84 процента анкет имело текст на русском языке, 16 процентов - на других языках народов СССР.

Время заполнения одной анкеты в среднем составляло около одного часа, с вариациями от 30 минут до 2 часов в зависимости от уровня образования и степени заинтересованности респондента. Общее количество отказов по различным причинам составило 2 процента от общего числа обращений. После получения анкет из мест опроса в Москве был осуществлен визуальный контроль качества заполнения, выбраковка некачественно заполненных анкет и декодировка ответов на открытые вопросы анкеты. Затем содержащаяся вся полученная информация была перенесена на машинные носители.

Смещение оценок, связанное с отклонением характеристик выборочного распределения респондентов от характеристик всей изучаемой совокупности, т.е. населения СССР, составило в выборочной совокупности 3-5 процентов.

Статистическая погрешность, связанная с рандомизированным характером опроса, т.е. дисперсия оценок, составила в данном опросе около 1 процента.

НЕКОТОРЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА СОВЕТСКОГО (К типологическому анализу эмпирического материала)

Анализ полученных данных показывает наличие внутри выборки социальных групп, обладающих различными точками зрения по многим значимым вопросам. Попробуем выделить две полярные группы.

Первую группу респондентов образуют те, кто на вопрос "Что вызывает Вашу гордость?" ответили "я горжусь тем, что я - советский человек". Таких респондентов почти 24%. Характерной особенностью членов данной группы является их резко негативное отношение к людям инициативным, умелым и желающим много зарабатывать, в том числе не отвергающим возможность уехать для этого за границу. Поэтому для построения группы 2 был использован именно этот набор признаков. Объем этой группы можно оценить в 33%. Сравнение специфических особенностей данных групп показывает, что их мнение противоположно практически по всем вопросам: если первая группа выбирает какую-нибудь позицию анкеты значимо чаще среднего по выборке,

то для второй группы эта позиция будет антикоррелятом. Напомним, что в таблицах приведены "специфики", то есть НЕ ВСЕ респонденты первой группы принадлежат к возрастной категории 50-59 лет, НЕ ВСЕ респонденты второй группы - молодые в возрасте до 30 лет, но статистически значимые тенденции именно таковы.

	Группа 1	Группа 2
Как Вы относитесь к тому, чтобы у нас в стране появились люди, официально получающие миллионы?	Я против таких денег	Я не возражаю против таких денег
Что бы Вы предпочли, если бы могли выбрать?	Иметь небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск Много работать и хорошо получать пусть даже без особых гарантий на будущее
Как Вы относитесь к человеку, который решил уехать на временную работу в капиталистическую страну?	С неодобрением	С одобрением
Род занятий	Пенсионер, домохозяйка	Учащийся Научный сотрудник, представитель творческой интеллигенции, работник образования, культуры, здравоохранения Инженерно-технический, бухгалтерский работник, экономист
Возраст	50-59 лет	25-29 лет до 20 лет
Что Вы выписали на этот год?	"Правда" Массовые, научно-популярные журналы Партийные журналы "Комсомольская правда"	"Литературная газета" "Огонек" "Новый мир" "Комсомольская правда" Издания на своем национальном языке
Где проживали родители в Вашем возрасте?	Отец - в сельской местности Мать - в сельской местности	Отец - областной центр Мать - небольшой город областной центр
Возможно ли общество, где не будет ни бед, ни страданий?	Такое общество возможно	Это маловероятно другое

	Группа 1	Группа 2
Что прежде всего приходит Вам на ум, когда Вы думаете о Боге?	Бога нет Борьба с суевериями	Другое Церковные обряды Чудо Десять заповедей
Где человек может найти ответы на вопросы, которые его волнуют?	В марксистско-ленинском учении Затрудняюсь ответить	Опираясь на собственный здравый смысл В искусстве, литературе В науке Другое
Родители говорили со мной	О первых полетах в космос О смерти Об освоении целины	О реальном положении в экономике страны О репрессиях, тюрьмах, ссылках Об эмиграции, о выезде из страны О руководстве страной, ее вождях О сообщениях зарубежного радио
Прежде всего в благодарен родителям	За жизненный пример За воспитание, культуру За саму жизнь	За материальную помощь За саму жизнь
Дети должны	Любить свой дом, родину Открыто говорить, что думают Работать для общего блага Быть честными, порядочными Уважать родителей Стараться понять друг друга	Быть всегда с вами собой Уметь быть счастливыми Во всем стремиться к новому Уметь ударить первыми
С гордостью ощущаю себя	Советским человеком Членом КПСС Жителем своего города, района, села Хозяином на своей земле Работником своего предприятия Участником великих строек, стахановцем, целинником	Сыном своего народа Представителем рода человеческого Членом своей компании Сыном своих родителей Специалистом в своем деле
Что в первую очередь связывается у Вас с мыслью о Вашем народе?	Государство, в котором я живу Идеи, которые мы несем другим народам странам	Наше прошлое, наша история Знамя, герб, гимн, наши святыни и символы

	Группа 1	Группа 2
	Знамя, герб, гимн, наши святыни и символы Наша военная мощь Наше умение трудиться, хозяйствовать	Великие люди моей национальности Наша религия Нашли песни, праздники, обычаи Воля моего народа к свободе, независимости
С каким из следующих суждений об отношениях между государством и человеком Вы бы скорее согласились?	Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы Государство дает нам немало, но можно требовать и большего	Мы должны стать свободными людьми и поставить государство служить нашим интересам
Как бы Вы определили главную задачу, стоящую перед страной сегодня?	Возродить национальную культуру Возродить деревню, крестьянское хозяйство, сельский уклад	Построить свободное демократическое общество Обеспечить каждому народу право самостоятельно решать свою судьбу Возродить моральные устои общества
На кого можно опереться в первую очередь при решении этих задач?	На КПСС На наше правительство На добросовестный повседневный труд каждого На рабочий класс	На новые общественные движения На процессы национального возрождения Другое На ученых, специалистов
Какие темы недопустимо обсуждать в широкой печати, на телевидении?	Возможность замены нашего строя на капиталистический Правильность политического курса Ленина Полномочия КГБ Возможность отделения республик Положение дел в армии	Таких проблем нет
Праздник - это	23 февраля, 9 мая Майские, октябрьские праздники, День конституции 8 марта Новый год Профессиональные праздники Собственный день рождения Дни рождения близких	Когда в чем-нибудь повезет Другое Когда можно посидеть, выпить с друзьями Всякий день можно сделать праздником

	Группа 1	Группа 2
Чего Вы больше всего боитесь?	Войны Гибели человечества	Публичных унижений Особых страхов не испытываю Возврата к массовым репрессиям
Для меня удовольствие	Проводить время с детьми Работать в полную силу Организовывать людей на полезное дело Рыбачить, охотиться Учиться, узнавать новое	Путешествовать Заниматься любовью Слушать музыку Заниматься спортом Получить хорошие деньги Читать интересную книгу, журнал Выпить в хорошей компании Ничего не делать
Я не люблю	Ничего не делать Командовать другими Оставаться один(..на) Убеждать других в том, во что сам не верю Сидеть дома	Ездить в колхоз, на базу Заниматься общественной работой Убеждать других в том, во что сам не верю Заниматься домашним хозяйством
Самые значительные события XX века?	Победа в Великой Отечественной войне Октябрь 1917-го Смерть Ленина Первые пятилетки Полет Гагарина Суд над Даниэлем и Сивявским	Репрессии 30-х годов Октябрь 1917-го Расстрел царской семьи Первый Съезд народных депутатов, июнь 1989 XX съезд партии Разрушение храма Христа Спасителя Февральская революция Введение НЭП'а События национальной истории
Самые выдающиеся люди всех времен и народов	Ленин Дзержинский Маркс Гагарин Суворов Лермонтов Жуков Менделеев Энгельс Толстой Чайковский Королев Кутузов Павлов Дарвин	Петр I Наполеон Гитлер Эйнштейн Ньютон Горбачев Чайковский Толстой Ломоносов

АНКЕТА ИССЛЕДОВАНИЯ

Распределение респондентов по контролируемым группам
(в процентах)

Группа	Доля	
	В населении страны	В выборке опроса
ПОЛ		
1. Мужчины	45.4	45.4
ВОЗРАСТ		
2. Возраст до 25 лет	18.7	18.8
3. Возраст 25-54 лет	54.6	54.1
4. Возраст от 55 лет	26.7	25.5
ОБРАЗОВАНИЕ		
5. Высшее	12.0	18.8
6. Среднее и среднее специальное	47.0	49.8
7. Незаконченное среднее	19.0	25.7
СФЕРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ		
8. Промышленная	21.3	21.0
9. Социальная	11.8	8.6
10. Обслуживания	7.5	7.3

Вопрос:

Какое вознаграждение за свою работу вы бы предпочли, если бы могли выбирать?

	2687
Иметь пусть небольшой заработок, но больше свободного времени, более легкую работу	9.5
Иметь пусть небольшой, но твердый заработок и уверенность в завтрашнем дне	44.8
Много работать и хорошо получать, пусть даже без особых гарантий на будущее	26.9
Иметь собственное дело, вести его на свой страх и риск	9.9
Затрудняюсь ответить	9.7

Вопрос:

Какие из перечисленных ниже категорий населения имеют, на ваш взгляд, незаслуженно много?

	2693
Москвичи	7.3
Жители Прибалтики	3.6
Жители Кавказа	8.9
Евреи	6.2
Жители Средней Азии	2.7

Деревенские жители	0.3
Партийное, советское руководство (аппарат)	38.1
Генералы Советской Армии	7.1
Ученые, писатели, артисты и т. д.	2.7
Служащие (врачи, юристы и т. д.)	1.7
Те, кто работал за границей	3.9
Те, кто работал на Севере	1.0
Кооператоры	37.8
Арендаторы	1.5
Работники торговли и сферы обслуживания	30.9
Чужие доходы меня не интересуют	15.2
Затрудняюсь ответить	6.7

Вопрос:

Как вы относитесь к тому, чтобы у нас в стране официально появились люди, получающие миллионы?

	2696
Ничего не имею против	11.1
Положительно, если эти деньги заработаны честно	38.0
Я против, поскольку честно такие деньги не заработаешь	40.2
Я против таких денег, даже если они заработаны честно	7.4
Затрудняюсь ответить	4.6

Вопрос:

Как вы относитесь к человеку, который решил уехать на временную работу в капиталистическую страну?

	2693
С одобрением, сам хотел бы поехать	32.5
Ничего не имею против, но вряд ли поеду	36.8
С неодобрением	7.6
Раз ему там лучше, пусть уезжает насовсем	18.8
Затрудняюсь ответить	4.6

Вопрос:

Как вы относитесь к людям, которых называют инициативными?

	2653
Такие люди опасны, они мешают в работе и угрожают порядку	2.8
Не люблю, когда кто-то все время показывает, что он лучше других	21.8
Такие люди достойны уважения	59.0
Затрудняюсь ответить	16.5

Вопрос:

Представьте, что Вы встали в очередь, но товара для Вас уже не хватило.

Что вы при этом скорее всего подумаете?

	2632
Нужно было всем давать поменьше, тогда хватило бы и мне	18.0
Слишком много льготников развелось, а остальным не хватает	15.2
Если товара не хватает на всех, то не надо вообще торговать, дразнить народ	8.2
Досадно, но ничего страшного, возьму в следующий раз	44.9
Затрудняюсь ответить	14.4

Вопрос:

Как вы думаете, должно ли государство в нынешних условиях ограничивать выезд людей за границу? если да, то в связи с чем?

	2694
Должно, если слишком велик наплыв желающих	6.2
Должно, если выезд угрожает здоровью, безопасности выезжающих	7.5
Должно, если это угрожает обороноспособности нашей страны	17.0
Должно, потому что не всякого можно выпускать за границу	16.8
Если человеку надо выехать на лечение, к больным родственникам, то ограничений быть не должно	32.1
Право человека выезжать, куда и когда он хочет, не должно ограничиваться ничем	50.2
Государство не должно никого выпускать за рубеж	2.7
Затрудняюсь ответить	6.7

Вопрос:

С каким из суждений об отношениях между государством и его гражданами вы бы скорее согласились?

	2687
Наше государство дало нам все, никто не вправе требовать от него еще чего-то	4.4
Государство нам дает немало, но можно требовать и большего	11.3
Государство нам даст так мало, что мы ему ничем не обязаны	8.4
Наше государство сейчас в таком положении, что мы должны ему помочь, даже идя на какие-то жертвы	33.2
Мы должны стать свободными людьми и заставить государство служить нашим интересам	32.5
Затрудняюсь ответить	10.3

Вопрос:

Некоторые считают, что раньше жилось лучше. Согласны ли вы с этим?

	2665
Да	42.1
Нет	32.6
Затрудняюсь ответить	25.4

Вопрос:

Существует мнение, что наша страна сильно отстала от передовых стран мира, и разные точки зрения на то, когда это отставание началось. Что вы думаете по этому поводу?

	2685
Не согласен: у нашей страны особый путь и свои достижения	9.6
Не согласен: наша страна - пример всему миру	1.8
Страна начала терять свои позиции из-за нынешней перестройки	10.9
Отставание началось во времена "застоя"	14.7
Отставание началось во времена Хрущева	5.5
Отставание началось во времена "сталинщины"	15.2
Отставание началось после октябрьского переворота	14.2
Наше отставание связано с долгими годами татаро-монгольского ига	1.1
Наша страна была отсталой с незапамятных времен	13.0
Затрудняюсь ответить	13.7

Вопрос:

Как бы вы определили главную задачу, стоящую перед страной сегодня?

	2693
Установить подлинную справедливость без привилегий, льгот	28.8
Возродить национальную культуру	11.6
Снять все запреты с предпринимательской деятельности и потолки с зарплаток	7.3
Обеспечить каждому народу право самостоятельно решать свою судьбу	16.7
Вернуть стране ее первенствующее положение в мире	4.9
Обеспечить народу материальное благополучие	38.4
Возвратиться на путь строительства подлинного социализма	9.4
Возродить деревню, крестьянское хозяйство, сельский уклад	23.7
Возродить моральные устои общества	12.0
Построить свободное демократическое общество	18.8
Затрудняюсь ответить	3.5

Вопрос:

На кого, по вашему мнению, можно в первую очередь опереться при решении этих общественно важных задач?

	2662
На наше правительство	14.8
На Съезд народных депутатов, Верховный Совет	25.3
На КПСС	4.2
На местные органы власти	10.1
На новые общественные движения (или некоторые из них)	7.3
На науку, ученых, специалистов	10.7
На рабочий класс	17.7
На процессы национального возрождения	7.3
На добросовестный повседневный труд каждого	47.6
Ни на кого	3.6
Затрудняюсь ответить	7.7

Вопрос:

Есть ли враги у нашего народа, нашей страны?

	2687
Наша страна окружена врагами со всех сторон	4.1
Самые опасные наши враги - скрытые, внутренние	22.4
У народа, вставшего на путь возрождения, всегда найдутся враги	21.4
Зачем искать врагов, когда корень зла - в собственных ошибках	44.9
Затрудняюсь ответить	12.3

Вопрос:

Верите ли вы, что возможно общество, где не будет ни бед, ни страданий?

	2689
Я совершенно уверен в этом	4.7
Я думаю, что это возможно	21.1
Это маловероятно	37.0
Я не верю, что такое возможно	30.0
Зачем что-то строить, жизнь и так прекрасна	1.3
Затрудняюсь ответить	7.3

Вопрос:

Как вы считаете, несет ли человек моральную ответственность:

- (1) всего ответивших
- (2) безусловно несет
- (3) в какой-то мере несет
- (4) безусловно не несет
- (5) затрудн. ответить

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
За действия своего правительства	2672	17.3	27.3	35.3	22.0
За работу своего предприятия	2681	44.8	41.0	5.8	8.6
За действия лиц своей национальности	2660	22.0	31.8	27.9	18.7
За происходящие в стране события	2653	19.8	41.4	20.0	19.0
За действия своих близких родственников	2675	42.3	34.9	15.1	7.7
За поступки своих предков	2667	8.5	11.8	60.6	19.0

Вопрос:

Что из перечисленного прибавляет вам уважения к себе, кем вы осознаете себя с гордостью?

	2693
Отцом (матерью) своих детей	43.4
Сыном (дочерью) своих родителей	20.3
Хозяином в своем доме	18.3
Хозяином на своей земле	12.4
Жителем своего города, села, района	12.8
Сыном (дочерью) своего народа	12.7
Специалистом в своем деле	21.7
Советским человеком	23.7
Верующим человеком	8.1
Членом своего кружка, компании	3.9
Работником своего предприятия, учреждения	7.7
Человеком своего поколения	12.0
Человеком, занимающим видное положение	1.2
Представителем рода человеческого	8.5
Ветераном Великой Отечественной войны	5.6
Участником войны в Афганистане	3.9
Участником великих строек, стахановцем, целинником	1.1
Участником национального движения, Народного фронта	1.4
Членом КПСС	2.8
Затрудняюсь ответить	11.1

Вопрос:

Чего в первую очередь не хватает сегодня советскому человеку?

	2616
Материального достатка	56.8
Уверенности в себе	15.2
Возможности отдохнуть	7.9
Политических прав	14.4
Уважения к своему прошлому	6.5
Трудолюбия, хозяйственности	29.1
Нравственных принципов	10.0
Культуры, воспитанности	39.6
Затрудняюсь ответить	4.2

Вопрос:

Есть ли среди тем, ставших предметом обсуждения в обществе, такие, которые недопустимо обсуждать в печати, на ТВ?

	2627
Возможность замены нашего строя на капиталистический	11.0
Политические качества нынешних руководителей	3.1
Ответственность партии за нынешнее кризисное состояние	5.5
Правильность политического курса Ленина	9.4
Особенности и недостатки национальных характеров	4.8
Возможность отделения республик от Советского Союза	5.3
Полномочия КГБ	5.6
Положение дел в армии, внутренних войсках	4.1
Политические программы некоммунистических партий и групп	1.0
Личная жизнь политических деятелей	8.7
Техника секса	17.6
Проблемы сексуальных отношений между людьми одного пола	14.1
Таких проблем нет	26.5
Затрудняюсь ответить	24.6

Вопрос:

Как вы считаете, какие из качеств чаще всего можно встретить у людей следующих национальностей:

	англи- чане	рус- ские	узбе- ки	евреи	литов- цы
ВСЕГО ОТВЕТИВШИХ	2684	2681	2652	2677	2667
Энергичные, предприимчивые	47.1	7.5	5.8	33.6	25.5
Гостеприимные	9.5	45.8	34.4	4.7	10.0
Открытые, простые	4.8	53.4	8.2	1.6	4.5
Надежные, верные	6.1	20.8	3.4	4.9	7.3
Миротлюбивые	10.7	42.3	8.7	10.0	9.2
Ленивые	1.2	24.8	10.5	8.7	2.2
Рациональные	37.9	2.5	2.1	24.1	23.4
Лицемерные, хитрые	2.1	4.7	13.5	43.9	5.4
Терпеливые	6.7	42.7	13.2	7.2	10.3
Скрытные	8.7	2.7	12.3	20.1	15.7
Саободолюбивые, независимые	21.1	17.0	5.8	7.4	33.4
Культурные, воспитанные	56.0	5.9	1.8	19.2	32.4
Непрактичные	0.5	26.3	9.3	1.6	1.1
Завистливые	0.7	9.8	10.1	9.9	3.8
Безответственные	0.7	19.7	8.7	2.2	1.8
Готовые прийти на помощь	10.1	42.3	7.1	6.2	7.3
Религиозные	24.5	7.1	35.0	14.1	20.4
С чувством собственного достоинства	38.3	11.3	6.7	14.8	29.2
Заносчивые	6.7	5.8	6.1	6.7	14.5
Эгоисты	2.2	5.2	3.5	12.1	12.1
Почтительные со старшими	13.6	5.0	39.5	12.1	10.5
Жестокие	2.0	5.0	14.6	2.4	7.5
Трудолюбивые	21.2	22.4	19.0	12.7	33.0
Забитые, униженные	0.1	7.9	22.2	3.5	1.3
Скупые	3.7	2.2	4.7	24.4	7.1
Властолюбивые	7.9	7.3	5.6	14.8	12.2
Навязывающие свои обычаи другим	3.1	14.3	4.7	2.9	9.6

Вопрос:

Что в первую очередь связывается у вас с мыслью о вашем народе?

	2695
Не чувствую, что принадлежу к какому-то народу	4.1
Территория, на которой мы живем	11.9
Наше прошлое, наша история	27.1
Родная природа	14.7
Место, где я родился и вырос	35.5
Государство, в котором я живу	21.0
Язык моего народа	32.3
Великие люди моей национальности	8.0
Наша военная мощь	2.2
Наше умение трудиться, хозяйствовать	7.4
Наши беды	11.5
Наша религия	8.5
Знамя, герб, гимн, наши святыни и символы	6.7
Наши песни, праздники и обычаи	17.3
Родные могилы, памятники	8.2
Наша вина перед другими народами	1.1
Воля моего народа к свободе, независимости	11.8
Идеи, которые мы несем другим народам и странам	2.6
Душевные качества моего народа	11.5
Затрудняюсь ответить	5.3

Вопрос:

Назовите десять самых выдающихся людей всех времен и народов

	2683
Гагарин	14.3
Гитлер	4.7
Горбачев	22.6
Горький	3.6
Дарвин	7.2
Дзержинский	7.4
Жуков	13.8
Королев	7.2
Кутузов	7.9
Ленин	68.0
Лермонтов	3.9
Александр Македонский	4.9
Ломоносов	16.1
Маркс	36.2
Менделеев	11.8
Наполеон	7.8
Ньютон	6.9
Павлов	6.0
Петр I	31.9
Пушкин	21.0
Сталин	14.9
Суворов	14.8
Л. Толстой	11.7
Щолюковский	10.2
Чайковский	5.1
Шевченко	7.9
Энгельс	18.1
Эйнштейн	9.5
Затрудняюсь ответить	12.0

Опрошенные, отвечая на приведенный выше вопрос, назвали около 500 имен, здесь представлены наиболее часто встречающиеся.

Вопрос:

XX век богат событиями для нашей страны.

Какие из них вы назвали бы самыми значительными?

	2683
Поражение России в русско-японской войне	2.1
Реформы Столыпина	4.2
1-ая Мировая война	10.5
Февральская революция	6.9
Октябрь 1917-го	58.3
Гражданская война	10.2
Расстрел царской семьи	3.7
Введение НЭПа	5.3
Смерть Ленина	41.6
Коллективизация	10.4
Первые пятилетки	5.8
Разрушение храма Христа Спасителя	7.7
Репрессии 30-х годов	29.4
Присоединение Эстонии, Латвии, Литвы, Молдавии, Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР	10.8
Победа в Великой Отечественной войне	68.5
Создание социалистического лагеря в Европе	3.3
Международный фестиваль молодежи и студентов в Москве, 1957 год	1.8
XX съезд партии	7.0
Полет Гагарина	30.7
Суд над Даниэлем и Сияновским	0.7
Ввод советских войск в Афганистан	13.0
Начало перестройки	26.7
Чернобыльская катастрофа	41.1
Первый Съезд народных депутатов, июнь 1989-го	20.5
Затрудняюсь ответить	2.5

Вопрос:

Откуда вы знаете о следующих событиях?

- (1) всего ответивших
- (2) испытал или был свидетелем сам (моя семья)
- (3) слышал об этом от очевидцев
- (4) только читал об этом
- (5) мало знаю об этом, совсем не знаю

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
О голоде 1932-33 гг.	2668	12.0	26.9	38.3	24.1
О репрессиях 1930-50-х годов	2675	7.5	27.9	54.7	11.8
О событиях на фронте во время Великой Отечественной войны	2690	12.7	42.5	46.7	2.5
О лишениях тыловой жизни во время Великой Отечественной войны	2674	18.3	35.3	36.8	12.3
О плене на войне	2665	2.8	25.6	57.1	16.5
О преследованиях диссидентов	2614	0.8	6.6	28.1	64.9
О событиях 1956 г. в Венгрии	2696	0.8	12.2	29.3	57.3
О событиях 1968 г. в Чехословакии	2663	0.9	16.7	33.8	49.4
О войне в Афганистане	2677	2.8	48.8	49.0	4.4

Вопрос:

О чем из перечисленного ниже говорили с вами ваши родители?

	2658
О репрессиях, тюрьмах, ссылках	28.0
О реальном положении в экономике страны	20.4
О руководстве страной, ее вождях	26.1
Об эмиграции, о выезде из страны	8.1
Об освоении целины	9.7
О первых полетах в космос	14.1
О сообщениях зарубежного радио	7.3
Об интимных отношениях, сексе	4.3
О смерти	11.2
О самоубийстве	2.6
О Боге, вере, церкви	24.2
О чем-то из этого говорили, но я не придавал (не придавала) этому значения	16.7
Ни о чем из этого родители, старшие со мной не говорили	19.3
Я вырос (выросла) без родителей	2.0

Вопрос:

А о чем из перечисленного вы сами говорите (или собираетесь говорить) с детьми, внуками, младшими в семье?

	2641
О репрессиях, тюрьмах, ссылках	17.0
О реальном положении в экономике страны	35.8
О руководстве страной, ее вождях	26.9
Об эмиграции, выезде за границу	5.9
Об освоении целины	5.7
О первых полетах в космос	13.5
О сообщениях зарубежного радио	6.9
Об интимных отношениях, сексе	15.9
О смерти	6.2
О самоубийстве	1.7
О Боге, вере, церкви	16.7
Ничего из этого с детьми не обсуждаю	23.9
Не имею детей	19.2

Вопрос:

Газеты часто сообщают теперь о тревожных и тяжелых событиях в стране, в мире. Какие из перечисленных ниже сообщений взволновали вас сильнее, а какие - слабее?

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
(1) всего ответивших					
(2) сильно					
(3) не очень сильно					
(4) слабо					
(5) мало знаю об этом					
О землетрясении в Армении	2633	83.0	12.2	3.8	1.3
О тбилисских событиях 9 апреля	2613	43.1	29.4	11.3	16.3
О ферганских событиях	2602	44.9	26.5	10.5	18.1
О железнодорожной катастрофе в Башкирии	2628	68.3	14.8	4.8	12.2

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)
О положении русскоязычного населения в Прибалтике	2627	21.4	24.7	24.9	29.1
О советских солдатах попавших в плен в Афганистане	2631	71.3	13.8	4.6	10.3
О голоде в Эфиопии	2615	10.5	10.9	14.8	63.9

Вопрос:

Как вы считаете, смертную казнь следует отменить или расширить ее применение?

Немедленно отменить	2641
Постепенно идти к ее отмене	5.0
Оставить ее применение в нынешних рамках	16.7
Расширить ее применение	32.1
Затрудняюсь ответить	32.4
	13.8

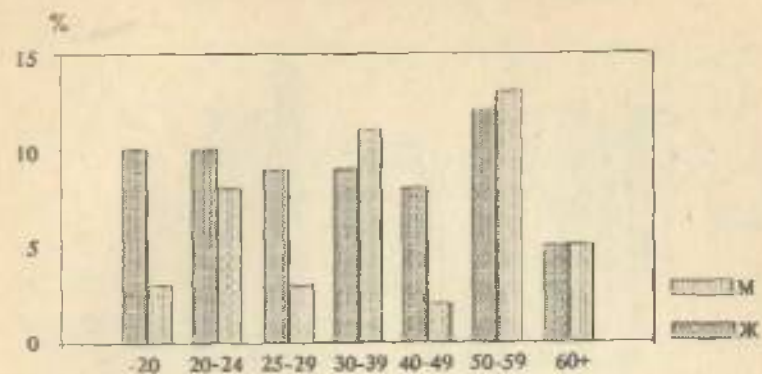
Вопрос:

Как, по вашему мнению, следовало бы поступить с людьми, чье поведение отклоняется от общепринятых норм?

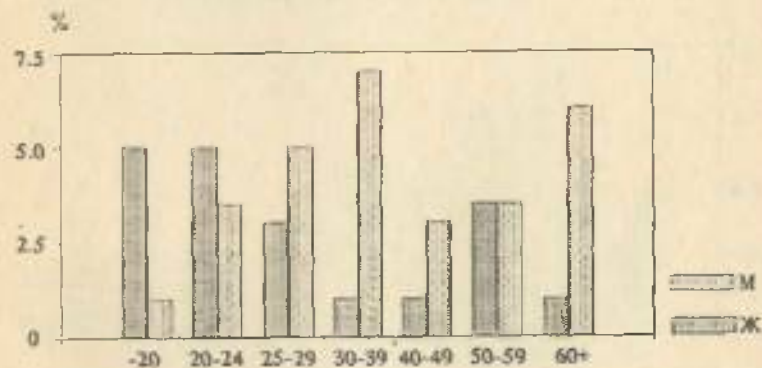
- (1) всего ответивших
- (2) ликвидировать
- (3) изолировать от общества
- (4) оказывать помощь
- (5) предоставить их самим себе
- (6) затрудняюсь ответить

	(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)
Проститутки	2645	28.4	32.6	7.8	16.0	15.7
Гомосексуалисты	2610	33.7	30.7	6.4	10.1	19.5
Наркоманы	2614	28.0	24.9	40.6	1.5	5.4
Больные СПИДом	2633	16.8	25.0	51.3	0.5	6.4
Убийцы	2646	71.9	22.1	0.9	0.3	5.2
Психически больные	2636	2.8	36.5	55.7	0.3	5.2
Бродяги, "бомжи", "бичи"	2612	9.7	22.8	45.8	5.9	16.2
Нищие	2611	3.5	2.8	81.6	3.2	9.1
Алкоголики	2608	7.8	24.5	56.1	3.6	8.1
Хиппи	2567	7.3	12.1	5.8	39.7	35.2
Рокеры	2611	21.2	14.7	7.7	27.2	29.6
Родившиеся неполноценными	2625	22.7	8.8	50.3	0.8	17.6
Сектанты	2618	4.9	6.8	3.4	55.3	29.7

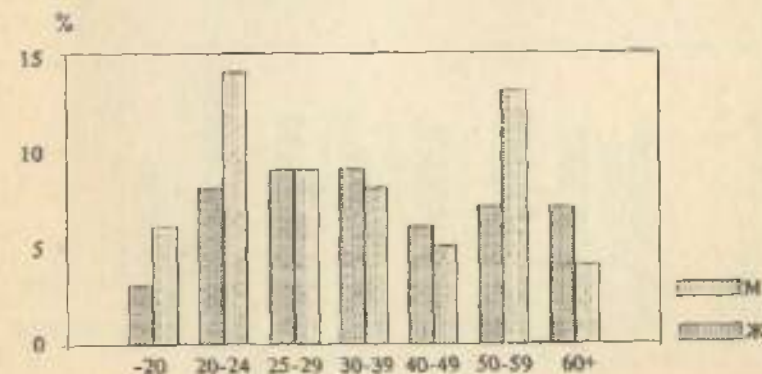
Алкоголики должны быть ликвидированы

Нищие должны быть ликвидированы

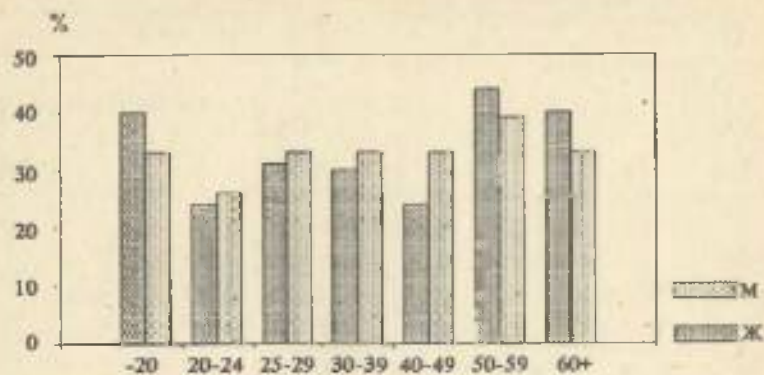

Хиппи должны быть ликвидированы

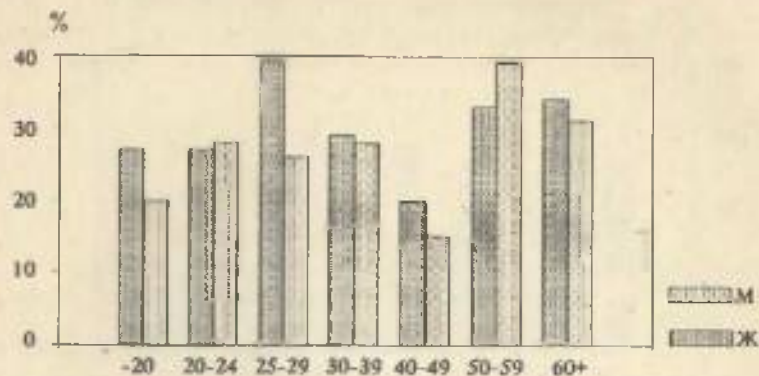

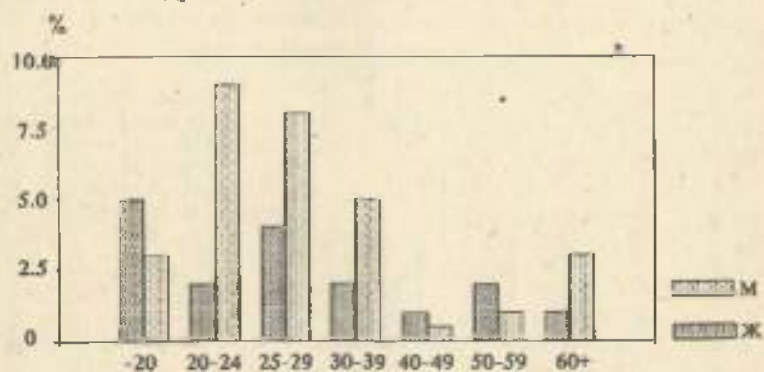
Гомосексуалисты должны быть ликвидированы

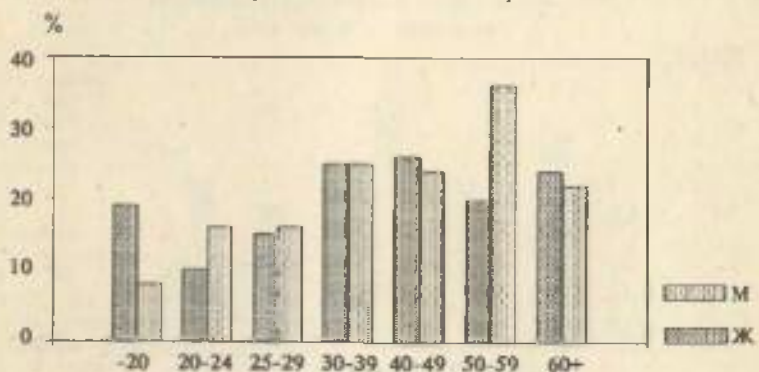
Наркоманы должны быть ликвидированы

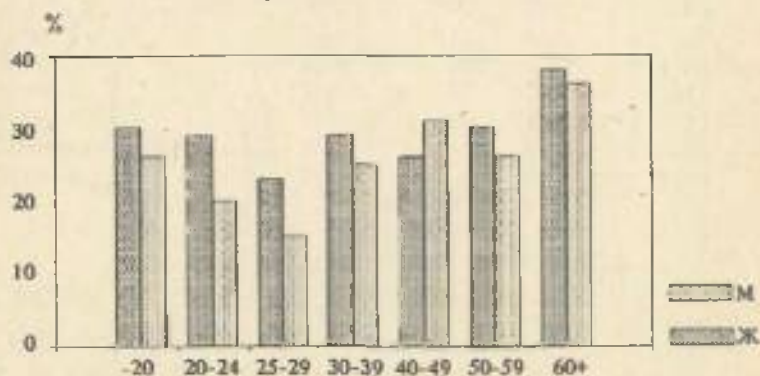
Душевнобольные должны быть ликвидированы

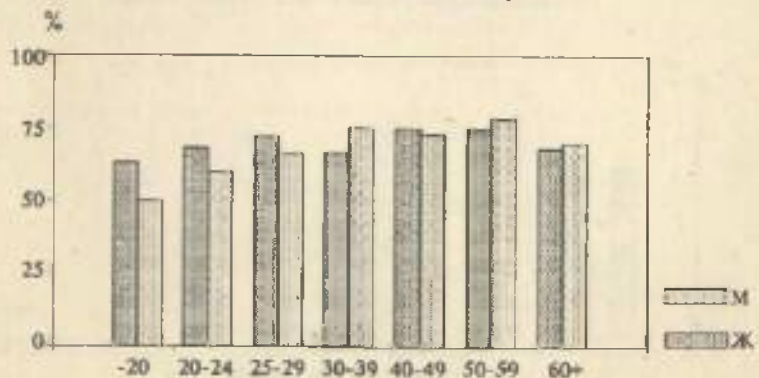
Рокеры должны быть ликвидированы

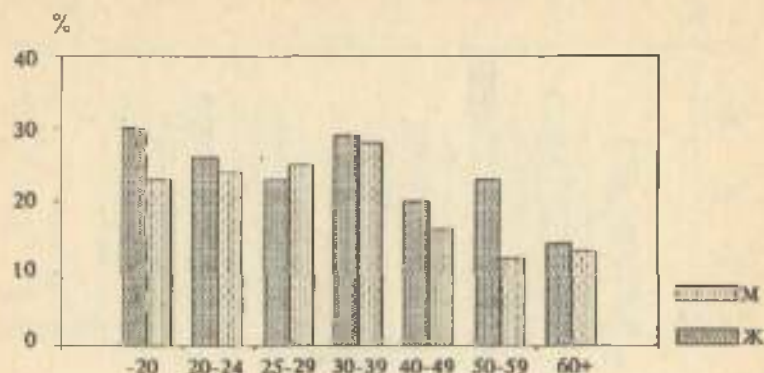
Проститутки должны быть ликвидированы

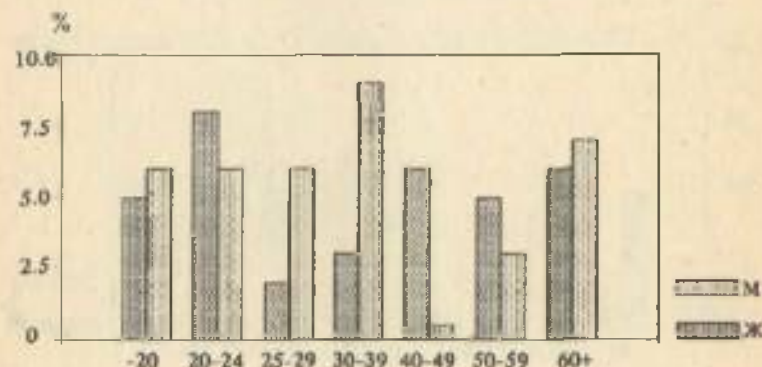
Убийцы должны быть ликвидированы

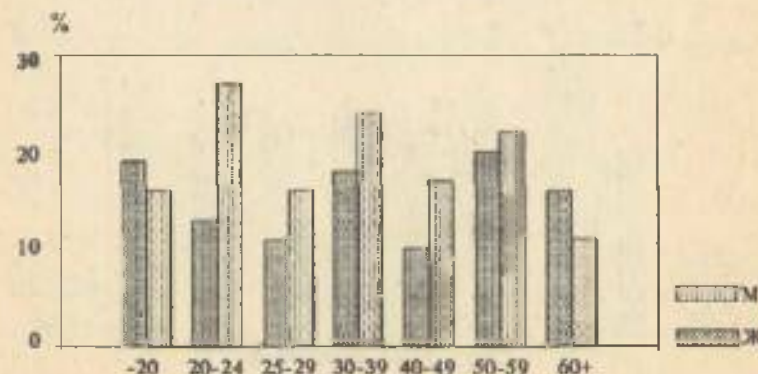
Инвалиды с детства должны быть ликвидированы

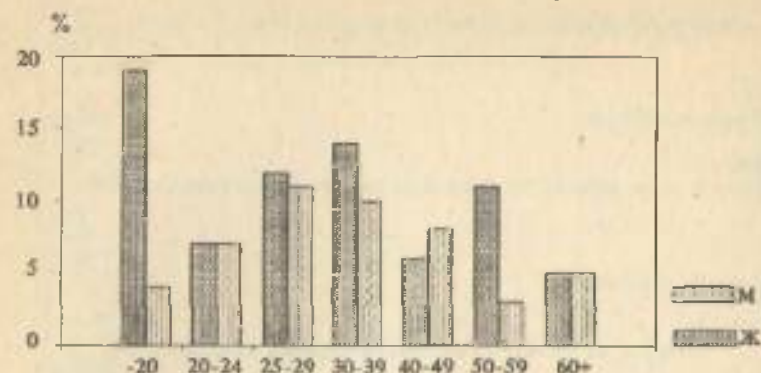
Сектанты должны быть ликвидированы

Больные СПИДом должны быть ликвидированы

Бомжи, бродяги должны быть ликвидированы

Вопрос:

Когда вы слышите или думаете о Боге, что из перечисленного прежде всего приходит вам на ум?

Что Бога нет	2633
Христос	19.8
Пророк Мухаммед	22.1
Священные книги	3.0
Церковные обряды	6.4
Рай, ад	18.8
Чудо	9.0
Всемогущество Бога	9.2
Наказание за грехи	16.3
Молитва	15.2
Борьба с суевериями	15.3
Религиозное искусство	4.9
Ангел-хранитель	10.6
Вечная жизнь	6.2
Десять заповедей	8.5
Никогда не думал (не думала) об этом	9.6
	28.6

Вопрос:

Считаете ли вы себя верующим человеком, и если да, то к какой религии себя относите?

Не считаю себя верующим человеком	2620
Отношу себя к христианству	53.1
Отношу себя к мусульманству	41.0
Отношу себя к другой религии	4.7
	1.5

Вопрос:

Приобщены ли к вере (крещены и т.п.) вы сами?

Да	2634
Нет	67.0
Загрудняюсь ответить	28.9
	4.1

Вопрос:

Были ли приобщены к вере ваши родители (или кто-то из них)?

	2634
Да	64.3
Нет	23.0
Затрудняюсь ответить	12.7

Вопрос:

Хотите ли вы приобщить к вере (или уже приобщили) ваших детей?

	2608
Да	40.1
Нет	38.0
Затрудняюсь ответить	22.2

Вопрос:

Часто ли вы навещаете могилы своих родных и близких?

	2609
Не реже раза в месяц	15.3
Как минимум, раз в год	49.3
Очень редко	28.8
Никогда	6.8

Вопрос:

Где, на ваш взгляд, человек скорее всего может найти ответ на вопросы, которые его заботят?

	2614
В марксистско-ленинском учении	5.6
В области экономики	7.6
В области политики	4.2
В науке	9.4
В религии	7.5
В искусстве, литературе	10.6
Опираясь на собственный здравый смысл	48.9
Затрудняюсь ответить	24.5

Вопрос:

Как вы думаете, что такое наука?

	2614
Это полезные открытия	40.8
Это напряженный труд	38.1
Это средство занять хорошее место в обществе	6.1
Это средство преобразования мира	16.1
Это ложные идеалы	1.0
Это умножение знания	22.9
Это условие прогресса	30.3
Это свободное искание истины	6.7
Это пустая говорильня	2.4
Это бескорыстное служение	4.6
Это гибельная сила	2.6
Это предвидение будущего	15.3
Это пустая трата средств	2.8
Это разрушение веры, красоты, нравственности	1.2
Затрудняюсь ответить	15.5

Вопрос:

Выберите из предложенного ниже списка имена тех ученых, которых вы могли бы назвать наиболее выдающимися?

	2621
Дарвин	36.9
Дизель	5.2
Кант	6.1
Карамзин	3.8
Ленин	72.0
Маркс	51.4
Менделеев	53.5
Нидте	2.1
Ньютон	32.9
Павлов	29.3
Плеханов	7.7
Платон	6.8
Плутарх	2.0
Фрейд	5.0
Циолковский	49.3
Швейцер	0.7
Эдисон	4.4
Эйнштейн	38.2
Затрудняюсь ответить	7.6

Вопрос:

Бывают ли ситуации, когда вы становитесь вожаком, лидером?

	2683
Всегда сумею добиться, что люди пойдут за мной	3.2
Бывает, что я веду за собой многих людей	11.6
Я могу быть лидером, но только в небольшой группе, среди "своих"	32.0
Нет, такого не случается, хотя иногда хотелось бы	8.8
Нет, такого не бывает, это не для меня	30.7
Затрудняюсь ответить	14.1

Вопрос:

Приходилось ли вам когда-либо находиться под жестким руководством властного человека? И если да, то как вы к этому относились?

	2684
Приходилось, и считаю, что для дела нужно подчиняться любому руководству	21.9
Приходилось, но всегда старался освободиться от такого руководства	33.5
Нет, не приходилось	44.7

Вопрос:

Какого бы начальника вы для себя предпочли: мужчину или женщину?

	2692
мужчину	48.8
женщину	8.9
для меня это неважно	42.3

Вопрос:

Какого бы начальника вы для себя предпочли: члена КПСС или беспартийного?

	2685
Члена КПСС	10.3
Беспартийного	21.5
Для меня это неважно	68.4

Вопрос:

Какого бы начальника вы для себя предпочли: человека мягкого или строгого?

Мягкого	2677
Строгого	20.9
Для меня это неважно	54.1
	25.0

Вопрос:

Какого бы начальника вы для себя предпочли: человека исполнительного или инициативного?

Исполнительного	2689
Инициативного	31.5
Затрудняюсь ответить	58.0
	11.3

Вопрос:

Какого бы начальника вы для себя предпочли: вашей или другой национальности?

Моей национальности	2692
Другой национальности	27.9
Для меня это неважно	0.4
	71.7

Вопрос:

Бывают ли, по вашему мнению, такие ситуации в жизни страны, когда народу нужен сильный и властный руководитель?

Нашему народу постоянно нужна "сильная рука"	2682
Бывают такие ситуации, когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках	24.2
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека	15.1
Затрудняюсь ответить	48.7
	13.6

Вопрос:

Люди по-разному относятся к своей жизни, к будущему: одни стараются все распланировать и предусмотреть, другие живут, как живет.

А что в этом смысле вы можете сказать о себе?

Я обычно не строю планов на будущее	2679
Я знаю, что со мной будет в ближайшие год-два, а на большее не загадываю	39.4
Я рассчитал так, что добьюсь своей цели лет через десять	17.2
Жизнь моя и моей семьи наладилась, вряд ли в ней что-то изменится	3.7
Я полагаю, что через несколько лет моя жизнь серьезно изменится	10.5
Затрудняюсь ответить	14.0
	15.9

Вопрос:

Что для вас важнее в работе, в личных делах - добиться успеха или избежать неудачи?

	всего ответивших	важнее избежать неудачи	важнее добиться успеха	затрудняюсь ответить
В работе	2623	36.2	54.6	10.1
В личных делах	2632	37.1	54.3	9.2

Вопрос:

За что вы прежде всего благодарны вашим родителям?

Жизненный пример	2661
Деловые связи, знакомства	37.4
Черты характера	1.5
Профессию, образование	24.6
Приобщение к вере в Бога	14.1
Круг друзей и близких	7.0
Душевную поддержку	4.1
Воспитание, культуру	28.1
Свободу	32.5
Материальную помощь	8.5
Покой, защищенность	19.2
Саму жизнь	3.9
Мне не за что их благодарить	50.1
Я не знаю, не помню своих родителей	1.6
Затрудняюсь ответить	0.9
	2.5

Вопрос:

Есть много мнений по поводу того, что нужно воспитывать в детях.

Какими на ваш взгляд должны быть дети?

Экономными	2673
Стараться понять другого	26.2
Стремиться к знаниям	42.8
Не упускать своего	47.6
Открыто говорить, что думают	8.7
Не выделяться	25.2
Стремиться занять видное положение	8.1
Помнить о воздаянии за грехи	3.0
Честными, порядочными	7.0
Не забывать своих корней	67.6
Уважать родителей	13.4
Уметь удирать первыми	68.5
Уметь быть счастливыми	1.9
Любить свой дом, родину	15.9
Работать для общего блага	47.3
Уметь довольствоваться малым	7.9
Быть хитрей, не давать себя провести	5.1
Во всем стремиться к новому	5.5
Быть всегда самими собой	7.6
Затрудняюсь ответить	35.2
	2.6

Вопрос:*В жизни бывает всякое - и хорошее и плохое.**Но если говорить в целом, вы счастливы?*

Совершенно счастливы (а)	2634
В общем, скорее счастливы (а)	7.0
В общем, скорее не счастливы (а)	39.0
Совершенно не счастливы (а)	12.5
Считаю, что это не главное	2.7
Затрудняюсь ответить	16.2
	23.1

Вопрос:*С каким из приводимых мнений о счастье вы бы согласились?*

Для счастья нужен легкий характер	2629
Искать счастья бесполезно, потому что одним оно суждено,	4.0
а другим - нет	12.0
Гнаться за счастьем напрасно: оно в земном мире недостижимо	2.5
Стремиться к счастью бессмысленно, поскольку оно случайно	
и обманчиво	3.4
Счастье легко потерять	5.4
Счастье надо создавать своими руками	63.0
Затрудняюсь ответить	9.6

Вопрос:*Что из перечисленного доставляет вам самую большую радость, удовольствие?*

Проводить время с детьми	2638
Работать в полную силу	52.7
Смотреть телевизор	20.1
Рыбачить, охотиться	19.0
Вкусно поесть	10.8
Заниматься садом, огородом	15.7
Проводить время с мужем (женой)	22.5
Возиться с животными	22.4
Играть в шахматы, домино и др.	9.7
Бродить по лесу	3.7
Слушать музыку	19.1
Мистерить, заниматься домашним хозяйством	22.4
Заниматься любовью	23.6
Получить хорошие деньги	10.1
Создать гостей	20.2
Болезнь за свою команду	8.0
Учиться, узнавать новое	5.8
Выпить в хорошей компании	12.1
Участвовать в политике	8.7
Читать интересную книгу, журнал	2.9
Заниматься спортом	39.9
Готовить что-то вкусное	9.1
Организовывать людей на полезное дело	22.4
Побывать одному (одной)	5.4
Путешествовать	10.3
Ничего не делать	20.7
Затрудняюсь ответить	0.7
	1.7

Вопрос:*А какие занятия вам, наоборот, больше всего не по душе?*

Заниматься домашним хозяйством	2642
Ходить на работу	11.0
Командовать другими	7.3
Делать то, что не понимаю	28.2
Оставаться одному	61.4
Ничего не делать	29.4
Ездить в колхоз, на базу	39.9
Заниматься общественной работой	9.4
Сидеть дома	13.2
Убеждать других в том, во что сам не верю	23.8
Подчиняться другим	42.8
Затрудняюсь ответить	39.8
	6.0

Вопрос:*Какие дни для вас по-настоящему праздничные?*

Когда в чем-нибудь повезет	2639
8 марта	30.3
Дни рождения близких	36.1
23 февраля, 9 мая	44.0
Профессиональные праздники	20.0
Майские, октябрьские праздники, День конституции	5.1
Церковные праздники, священные дни	15.6
Собственный день рождения	20.7
Когда удачно закончена большая работа	46.5
Новый год	19.5
Когда можно посидеть, выпить с друзьями	76.9
Любой день, когда я сам себе хозяин (сама себе хозяйка)	13.6
У меня не бывает праздников	12.0
Всякий день можно сделать праздником	1.6
Затрудняюсь ответить	16.6
	1.3

Вопрос:*Чего вы больше всего боитесь?*

Стихийных бедствий	2640
Бедности	42.4
Физической боли, мучений	16.7
Болезни, потери работоспособности	19.0
Старости, беспомощности	40.5
Собственной смерти	29.5
Гнева Божьего, Страшного Суда	14.7
Возврата к массовым репрессиям	7.8
Публичных унижений, оскорблений	13.7
Болезни близких, детей	18.6
Войны	60.3
Гибели человечества	48.3
Преступников	24.7
Приказа властей, беззакония	14.6
Национальных конфликтов	22.5
Особых страхов не испытываю	12.3
Затрудняюсь ответить	4.1
	2.3

Вопрос:

Приходилось ли вам когда-либо поступать вопреки тому, что вы считаете правильным, справедливым, и если да, то с чем это бывало связано?

	2691
Я никогда так не поступаю	18.9
Приходилось под давлением коллектива	5.5
Приходилось под давлением начальства	18.6
Приходилось под давлением семьи, близких	5.2
Приходилось, когда это было нужно для пользы дела	21.7
Бывало, из-за собственной слабости	10.9
Бывало, из-за страха за родных и близких	4.5
Так приходится жить постоянно	7.7
Затрудняюсь ответить	16.9

Вопрос:

Отметьте, пожалуйста, в каких из перечисленных ниже ситуаций вам на протяжении жизни довелось побывать?

	2688
Присутствовать при смерти близких	54.6
Подвергаться побоям, физическим унижениям	9.5
Переносить тяжелую операцию, болезнь	23.6
Находиться в местах заключения	2.0
Участвовать в драках	13.7
Бывать в медвытрезвителе	2.8
Участвовать в боевых действиях	4.1
Участвовать в задержании преступников, нарушителей, ликвидировать массовые беспорядки	4.7
Переживать пожары, стихийные бедствия	12.7
Переносить словесные оскорбления	33.0
Длительное время проживать в общежитиях	16.1
Ничего из перечисленного переживать не приходилось	14.5

Вопрос:

Приходилось ли вам испытывать несправедливые отношения к себе, и если да, то с чем это чаще всего бывало связано?

	2650
Не приходилось испытывать несправедливости	20.3
С моим возрастом	7.8
С тем, что я женщина	7.1
С моей национальностью	3.8
С моим социальным происхождением	3.5
С моими нравственными принципами	11.0
С плохим здоровьем, физическими недостатками	5.7
С моим характером	17.4
С моими политическими взглядами	3.5
С тем, что у меня мало денег	8.5
С тем, что у меня недостаточно образования	7.2
С тем, что я верующий (верующая)	1.7
С тем, что я имел (имела) судимость	0.6
С тем, что я не член КПСС	2.4
С тем, что я плохо владею языком, на котором говорит большинство	1.8
Затрудняюсь ответить	22.8

Вопрос:

Молодые солдаты пишут из армии, что их там бьют те, кто старше. С каким мнением из приведенных ниже вы бы согласились?

	2666
Это неправда, в армии такого нет	1.5
Бьют тех, кто не хочет служить, как надо	3.8
Это необходимо пресечь, а виновных - наказывать	63.2
Настоящий парень себя в обиду не даст	12.9
Ничего страшного - умнее будут	0.7
Как бы там ни было, писать об этом домой не надо	5.3
Все через это прошли, иначе нельзя	2.2
Затрудняюсь ответить	9.8

Вопрос:

Как по вашему опыту: кто может выслушать и понять человека, когда у него тяжело на душе?

	2639
Мать, отец	56.1
Жена, муж	35.4
Сын, дочь	15.0
Друг, подруга	20.8
Случайный человек	4.0
Брат, сестра	10.3
Другой человек в таком же положении	16.2
Собака, кошка	2.0
Врач	2.3
Товарищи по работе	3.0
Священник	5.3
Никто	4.2
Затрудняюсь ответить	3.4

Вопрос:

Кто, на ваш взгляд, виноват в том, что в последнее время у нас в стране растет число людей, которые страдают от своего одиночества?

	2623
Наше общество	21.5
Наше невнимание	22.5
Они сами	26.4
Никто не виноват в этом, такая жизнь	20.4
Есть люди, которые не страдают от одиночества, а ищут его	6.0
Затрудняюсь ответить	11.6

Вопрос:

Одни люди нуждаются в общении, другие - в том, чтобы побыть в одиночестве. Какое из приводимых высказываний вы бы отнесли к себе?

	2620
У меня много близких и друзей	46.1
От людей устаешь, хочется побыть одной (одному)	12.8
Хочу найти настоящего друга	14.4
Не люблю одиночества, стараюсь найти компанию	29.1
Я трудно схожусь с людьми, навязываться не в моем характере	11.0
Я одинок (одионок) и ничего с этим не поделаю	3.6
Мне достаточно себя и не нужно никого другого	2.4
У меня такая работа, мне необходимо одиночество	2.1
Затрудняюсь ответить	12.3

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предварительные замечания</i>	5
<i>Феномен "человека советского": социологические параметры</i>	10
<i>Человек институционализированный между прошлым и будущим</i>	33
<i>Индивидуальное достижение и государственная власть</i>	49
<i>Коллектив и личность</i>	66
<i>Школа жестокости</i>	97
<i>Этнические рамки существования</i>	130
<i>Русский человек и Запад: представление о русских у жителей ФРГ</i>	152
<i>Nomen est omen</i>	167
<i>Испытание чувств</i>	198
<i>Типы веры и безверия</i>	216
<i>От поколения к поколению</i>	239
<i>Приложение</i>	271